

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

СЛУГА
ОЛИГАРХА

Оглавление

О КНИГЕ.....	6
ПРОЛОГ.....	9
ЧАСТЬ I.....	12
ГЛАВА 1.....	12
ГЛАВА 2.....	17
ГЛАВА 3.....	20
ГЛАВА 4.....	27
ГЛАВА 5.....	32
ГЛАВА 6.....	35
ГЛАВА 7.....	39
ГЛАВА 8.....	44
ГЛАВА 9.....	46
ГЛАВА 10.....	51
ГЛАВА 11.....	55
ГЛАВА 12.....	56
ГЛАВА 13.....	59
ГЛАВА 14.....	61
ГЛАВА 15.....	64

ГЛАВА 16	69
ГЛАВА 17	76
ГЛАВА 18	80
ЧАСТЬ II	84
ГЛАВА 1	84
ГЛАВА 2	89
ГЛАВА 3	92
ГЛАВА 4	96
ГЛАВА 5	99
ГЛАВА 6	103
ГЛАВА 7	108
ГЛАВА 8	111
ГЛАВА 9	117
ГЛАВА 10	120
ГЛАВА 11	125
ГЛАВА 12	128
ЧАСТЬ III	132
ГЛАВА 1	132
ГЛАВА 2	135
ГЛАВА 3	137
ГЛАВА 4	143
ГЛАВА 5	144

ГЛАВА 6.....	148
ГЛАВА 7.....	154
ГЛАВА 8.....	158
ГЛАВА 9.....	161
ГЛАВА 10.....	164
ГЛАВА 11.....	166
ГЛАВА 12.....	170
ЧАСТЬ IV.....	173
ГЛАВА 1.....	173
ГЛАВА 2.....	175
ГЛАВА 3.....	177
ГЛАВА 4.....	181
ГЛАВА 5.....	184
ГЛАВА 6.....	188
ГЛАВА 7.....	190
ГЛАВА 8.....	193
ГЛАВА 9.....	198
ГЛАВА 10.....	202
ГЛАВА 11.....	208
ГЛАВА 12.....	212
ГЛАВА 13.....	216
ГЛАВА 14.....	222

ГЛАВА 15	226
ГЛАВА 16	228
ГЛАВА 17	236
ГЛАВА 18	239
ГЛАВА 19	243

© 2013 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"...мы бесконечно много тратим энергии, хитрости, изобретательности и остроумия, чтобы сделать свое собственное существование наименее сносным".

А. Мариенгоф

С.А.
Зелинский
Слуга
олигарха

Altaspera
CANADA
2013

С. А. Зелинский. Слуга олигарха

С. А. Зелинский.

Слуга олигарха. Роман.— CANADA.:
Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2013.
— 260 с.

ISBN 9781304744586

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

С.А.Зелинский.

Слуга олигарха. Роман. — СПб.: Округ, 2006. — 336 с.

ISBN 5-98603-005-2

©Округ, 2006

©Зелинский С. А., 2006

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Роман

Слуга олигарха

"...мы бесконечно много тратим энергии, хитрости, изобретательности и остроумия, чтобы сделать свое собственное существование наименее сносным".

А. Мариенгоф

ПРОЛОГ

Ленинград конца 60-х дышал воздухом свободы. Она чувствовалась повсюду. На улицах, в метро, в магазинах и даже в некоторых коммунальных квартирах, жильцам которых обещали предоставить отдельное - благоустроенное - жилье.

Не избежали этих "свобод" и те из студентов, которые готовились защищать дипломы химического факультета Ленинградского Гос. Университета.

Бенедикт Сапфиров, молодой человек с внешностью "студента-ботаника" (хотя выпускался на "химическом"), стоял в длинной очереди университетского буфета, мысленно пытаясь разделить число посетителей на количество оставшегося времени до начала следующей пары. По всему выходило, что время, отведенное на обед, закончится или до того как подойдет его очередь, или же "аккурат" перед ним. Виной тому - молодая симпатичная буфетчица, с которой обменивался любезностями чуть ли не

каждый из мужской половины очереди. А это, как-никак, но потеря нескольких драгоценных минут.

Зато потерянное время явно компенсировала женская половина очереди, представительницы которой, смерив уничижительным взглядом - и что в ней такого нашли? - улыбающуюся буфетчицу, старались как можно быстрее отойти от стойки.

- Позвольте, товарищи студенты, беру не для себя, а исключительно в целях дальнейшего развития науки, - рядом с Бенедиктом раздался веселый баритон пробиравшегося сквозь толпу Жоры Мировского, его однокашника, спортсмена, красавца, балагура, любимца женщин, а по совместительству еще и секретаря местной комсомольской организации.

Не успел никто опомниться, как Жора уже отходил от стойки, и, расположившись за ближайшим столиком, уплетал запиваемые компотом пышки, весело посматривая на окружающих.

- Вот это - человек, - с долей той грусти, которая иногда появляется при виде смелого поступка, совершенного кем-либо, и, особенно зная - что нам-то такого никогда и не совершить, Бенедикт Сапфилов смотрел на Мировского.

Если беспристрастно оценивать личность Георгия Мировского, то мы не найдем в ней ничего такого, что говорило бы о каких-то исключительных способностях, не говоря уж об одаренности.

И все же Мировский был одарен! Он был чертовски одарен той удачливостью, которая сопутствовала практически всем его начинаниям. На первом курсе пришел заниматься борьбой - на втором уже выполнил норматив кандидата в мастера спорта, на четвертый перешел мастером, к концу пятого - получил звание мастера спорта международного класса. Сравнительно поздно (в выпускном классе школы, да и то, чтобы приняли в ВУЗ) вступил в комсомол, а в университете уже был секретарем комсомольской организации. Да и внимания женского пола Жора (в отличие от Бенедикта) был не лишен. (Ходили слухи об его

многочисленных любовных похождениях. Но в слухи Сапфиров не верил).

И это все на фоне веселого (иной раз даже слишком веселого) характера. Характера, впрочем, в нужное время, становившегося жестким и решительным.

Да и вообще, если разобраться, Мирковский производил впечатление уверенного человека, на которого вполне можно было положиться.

О многих из перечисленных качеств Бене Сапфирову приходилось только мечтать. Например, он был совершенно неприспособлен ни к какому физическому труду; будь то вскапывание огорода - через пять минут на его ладонях вспыхивали жуткие мозоли, а одежда намокала, как будто он перенес на себе роту солдат; или незначительные слесарно-плотницкие работы - вбивая гвоздь, уже через несколько ударов Бенедикт неизменно попадал себе молотком по пальцам.

Да и своей невзрачной внешностью он тоже не мог похвастать.

И тогда уже если что-то общее и можно было найти и в Сапфирове и в Мирковском - то разве только то, что они учились и на одном курсе, и даже в одной группе. Да и рост вроде как у них был один. Хотя, что касается роста, то какое-то "равенство" было только на первых курсах. К окончанию университета Бенедикт все же слегка перегнал кряжистого Георгия.

Но вот была в Сапфирове одна особенность, которая иной раз вызывала все признаки патологической зависти (переходящей порой в конвульсивное беспокойство и жажду безуспешного реванша) уже у Мирковского. А дело все в том, что, во-первых, Бенедикт был круглый отличник, казалось, с красным дипломом закончивший не только университет, - выпускные экзамены были сданы, осталась защита дипломной работы, - но и среднюю школу, и детский сад. А во-вторых, Бенедикт был из семьи интеллигентов (отец - декан университета, мать - школьная учительница французского и немецкого языков), и родители родителей - тоже были таковыми. И родители родителей их родителей.

Да и вообще, должно быть, если в доисторические времена и был какой ученый человек, то он неизменно должен был приходиться Бенедикту каким-нибудь родственником.

Тогда как Мировский мог похвастаться исключительно рабоче-крестьянским происхождением.

Но и любопытно было не это. Если на подобную "родословную" большинству из однокашников Бенедикта было откровенно наплевать, то, в случае с Мировским, - налицо были все признаки проявляющейся у того злобы, ярости, да и вообще черт знает чего... Во всяком случае, чего-то не очень хорошего.

Но как бы то ни было, и Бенедикт Сапфиров и Георгий Мировский вскоре защитили дипломные проекты. И могли с чистой совестью, - по выражению кого-то из них, - планировать дальнейшее будущее.

А будущее каждый из них видел по-своему. Сапфиров - в каком-нибудь НИИ. Мировский - сначала на комсомольской, а после и на партийной работе, явно понимая, что только это способно было предоставить ему все, о чем он пожелает.

Как-никак, власть всегда была неким синонимом богатства и благополучия. А к достижению подобного и стремился Георгий Мировский.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Санкт-Петербург начала 90-х был сравним с огромным муравейником. Правда, от жизненного уклада невероятно умных и работающих насекомых, их собратьев по планете

отличала бросающаяся в глаза хаотичность беспорядочных передвижений.

Каждый, казалось, был подчинен только одной цели - быстро и легко заработать деньги. А потому, повсюду появлялись коммерческие палатки, ларьки, частные магазины и, как результат более "удачливого" вложения - рестораны, фабрики и заводы... Предприимчивые люди были заняты самым забавным делом, какое только могло возникнуть на постсоветском пространстве - накопительством; и бизнес, вероятно, служил одним из способов скорейшего достижения этого. В итоге, вскоре северную столицу огромной страны, получившей после известных событий свободу, было не узнать. Повсюду было столько ярких рекламных вывесок на иностранном языке, что стороннему наблюдателю могло ненароком показаться, что он попал не на Невский (или там Литейный) проспект, а на странное ответвление Бейкер-стрит; или, какое-нибудь там, продолжение улицы "N - N" Нью-Йорка. К тому же, теперь любой житель (и гость) города мог наяву удостовериться, что жизнь, - с наступлением полуночи, - не заканчивается.

Однако Бенедикту Валерьяновичу Сапфирову, сорокалетнему бывшему служащему бывшего НИИ, - научный институт, где он работал сразу же после блестящего окончания химического факультета Ленинградского Государственного Университета, а затем и защиты там же кандидатской диссертации, развалился, не выдержав пришедших в страну после перестройки нововведений и переориентации страны на новый (скептицизм Сапфинова при осознании сего факта был более чем очевиден) капиталистический путь, - было не до ночной жизни. Ему вообще было не до какой жизни. Вот уже как последние несколько лет он был без какой-либо определенной работы. А о некоем - так, иной раз, ностальгически вспоминаемом - стабильном заработке, с неизменным ежемесячным авансом и получкой, - ему давно уже приходилось только мечтать.

Бенедикт Валерьянович вышел на улицу. Подняв вверх голову и пристально посмотрев на окна старинного особняка (где теперь, расселив бывшие там в советские времена коммуналки, размещались офисы многочисленных частных предприятий, - в одном из которых ему сегодня "отказали"), промокнув платком выступившие на лбу капельки пота, и - тяжело вздохнув - принялся обдумывать сложившееся положение. Очередные надежды об устройстве на работу рухнули, так и не найдя реального воплощения. Ни его диплом химика, ни ученая степень, ни интеллигентная внешность, - усмехнулся Бенедикт Валерьянович, - оказались совершенно никому не нужны. Нынешнее общество (в первую очередь диктующие право на жизнь - или, лучше сказать, выживание в этой жизни других людей - сегодняшние предприниматели) было ориентировано исключительно на получение сиюминутных прибылей. А подобное давала только торговля. Естественно (для сложившегося положения в стране, а не для позитивного её развития, - с горечью подумал Сапфиров) ни о какой науке речь идти не могла. Существование научных исследований может себе позволить только развитое, - скорее даже, - динамически развивающееся государство; государство, ориентированное, в первую очередь, на долговременное ожидание положительного результата (т.е. - "отдачи", прибыли). Не "немножко, - но сейчас"; а "много, - но завтра". Да и ни какой скорой прибыли наука не давала и не даст. Это долговременное, - хотелось прокричать Сапфирову в лицо ухмылявшимся коммерсантам, - вложение капитала. (Да и вообще, - производное науки, ее продукт, возможен только при первоначальных и значительных вложениях; то, что делали в развитых странах; то, что было - до недавнего времени - в Советском Союзе; и этого, - с сожалением подумал Сапфиров, - новая власть делать не собирается). Поэтому Бенедикт Валерьянович вполне ясно понимал, что в сегодняшних условиях выжить, занимаясь тем, чем он жил до этого - просто невозможно.

Но - понимать-то понимал, а поделаться с собой ничего не мог. А потому продолжал безуспешно колесить по старым, известным еще с советских времен, адресам; изредка, - как в

этот раз, - совершая небольшой виток в сторону "вновь образованных контор"...

И все же, - получив очередной отказ, - Сапфиров с грустью осознал, что он, видимо, просто-напросто стучится не в те двери. Раз в моде теперь торговые частные предприятия, то он и должен, отложив диплом на полочку, попытаться устроиться именно туда. Правда, придется унять свою гордость - работать у бывших спекулянтов, и жуликов, ему, кандидату наук, бывшему когда-то заместителем заведующего лабораторией, ох как не хотелось; но, по всей видимости, и деваться больше было некуда. В который уже раз, возвращаясь домой, в небольшую двухкомнатную квартиру, которую успел получить ещё в советские времена, он ловил на себе уничижающие взгляды жены.

Елена - высокая, спортивного вида тридцатилетняя женщина, игравшая когда-то в волейбол за молодежную сборную города, еще студенткой выскочившая замуж за молодого доцента Сапфирова, сразившего ее не только своими обходительными манерами и внешностью порядочного человека, но и тем, что уже в 25 лет он имел ученую степень, тогда еще стабильное положение в обществе и почти новенькие "Жигули", которые пришлось продать еще во время "павловских" реформ, - теперь действительно негодовала при виде своего мужа; считая его - отъявленным неудачником. А тут еще масла в огонь подливала случайно объявившаяся тетка жены - Елена, выросшая в детском доме, родителей не знала - желчная, злобная старушонка, которая, сверкая как сова глазами, - теперь понятно, в кого у жены такой взгляд - ехидно шипела (как-то раз Бенедикт, услышав подобное, когда та жарила сало, поймал себя на мысли, что если он закроет глаза, то вполне не отличит шипения тетки от жарящихся шкварок) выставляя его бездельником и лодырем. Всю жизнь проторговав семечками, - она вообще не видела необходимости в какой бы то ни было науке. Как минимум считая научные занятия - пустым времяпрепровождением. И потому, когда узнала, что Бенедикта Валерьяновича вышибли из института (сколько ей не говори, что он

уволился сам в связи с его закрытием - она, согласно кивая головой, тут же, при первом же подвернувшемся случае, вставляла какое-нибудь свое любимое обидное словечко), - то только обрадовалась. Это лишний раз подтверждало ее теорию о бесполезности какого-либо учения.

Интересно, что когда Бенедикт устроился на работу в магазин грузчиком, - единственное, что ему предложили, повертев в руках его, оказавшийся ненужным в обычной жизни, диплом, - она его как будто даже зауважала. Правда, когда Сапфиров, - не проработав и месяца, - уволился (не в силах не пить каждый день, тем более, что вообще не пил - ни ловить на себе взгляды захмелевших продавщиц), тетка по новой начала свербить его. И уже в открытую - обзывая неудачником.

Были у Сапфирова еще попытки, схожие по результату, устроиться на работу. В ларек (отработав день продавцом, в конце смены не досчитался выручки); в круглосуточный магазин (как охранник - заработал "фингал" от пьяного покупателя, которому он сделал замечание по поводу приставания того к молоденькой продавщице); подсобным рабочим на стройку (случайно уронил со второго этажа ведро с краской на голову проходившего мимо прораба); дворником (не правильно истолковав просьбу техника из ЖЭКа и снабдив проходивших мимо, - как он считал, специально откомандированных на субботник, - школьников инвентарем, - к концу рабочего дня не увидел ни школьников, ни инвентаря).

Бенедикт Валерьянович даже пробовал заниматься бизнесом. В смысле, тем его челночным вариантом, который был тогда наиболее распространен и доступен: купил - продал. Продав семейную дачу (нужен ведь был начальный капитал), Сапфиров поехал в Турцию и накупил всякого ширпотреба. Вернувшись обратно, в аэропорту "Пулково" уже подсчитывая в уме прибыль, он вынужден был распрощаться с мечтой "заработать", когда чуть ли не самолично погрузив огромные сумки в багажник нагло скалящихся крепких парней, безошибочно выцепивших его из толпы прилетевших (почему именно его, ведь было множество других челноков?), и представившихся

"рэкетирами"; (что, братан, прилетел?.. поздравляем!.. давай мы тебе поможем реализовать товар, ну что ты дергаешься, стой ровно и улыбайся, если не хочешь всплыть где-нибудь в болотах - ты же местный? местный! - ну так, наверное, знаешь, что наш город окружают болота?.. знаешь? - ну, тогда хорошо, совсем другое дело... кстати, - если ты такой всезнающий, то к тебе еще одна просьба: помоги нам загрузить вещи в багажник... да твои, вещи, мудук... вот этой машины... такси? почему такси?.. да тебя, козла, не должно это волновать... живее грузи... у тебя-то деньги на автобус есть?.. ну что ты, конечно же, поедем без тебя... а ты еще должен заплатить нам за тачку... да и, волнуемся мы, - как ты будешь добираться до города... ну, вот и хорошо, понятливый, значит, оказался, - говоривший перемигнулся с лучезарно скалящимися остальными парнями, - о, какие купюры у тебя горячие, волнуешься что ли, или в самолете так жарко, да ладно, не переживай, вот тебе наш телефончик, цифры легко запоминаются, позвони через пару дней, (но смотри, не раньше!), спроси о реализации товара - ха-ха - может, получишь свой процент... ну все: бывай... да, смотри - не ищи нас... если надо - сами найдем...) Бенедикт Валерьянович в безмолвии остался стоять на стоянке такси, сжимая в руках инстинктивно взятую бумажку; а когда, через время, развернул ее, - увидел две действительно легко запоминающиеся цифры: 02.

ГЛАВА 2

В один из дней, как уже стало традиционным в последнее время, поругавшись утром с женой ("...хотя бы ребенка пожалел, - супруга срывалась на крик, - над девочкой уже в школе смеются, ходит в лохмотьях с заплатками..."), Бенедикт Валерьянович, так и не позавтракав, хлопнул дверью, и, бросив взгляд на вечно занятый лифт, бегом стал спускаться с шестого этажа их девятиэтажного дома.

Выбежав на улицу и едва увернувшись от потока брызг, вылетевших из-под колес пронесшегося мимо подъезда джипа - снова сосед, "новый русский", опаздывает на какие-

---

нибудь переговоры (и что это у них переговоры-то постоянные, словно дипломаты какие), Сапфиров поднял воротник куртки и направился к троллейбусной остановке. Начинаясь осенний дождь, повздорив с ветром, бросал в незащищенные лица прохожих мокрые пощечины. Еще вчера, случайно приметив объявление - какая-то крупная компания набирала сотрудников - он, теперь уже на остановке, удовлетворенно прочитал еще одно, и, с трудом втиснувшись в вечно забитый утренний троллейбус (неужели у всех есть работа?), проехал с десятков остановок, после чего спустился в метро. А еще через полчаса он уже стоял перед огромными дверями старинного особняка, расположенного на Староневском проспекте, - офисы крупные компании традиционно предпочитали открывать в центре, в старом городе, - и, собравшись с духом, зашел внутрь.

К удивлению Бенедикта Валерьяновича весь коридор от входа до ему нужной двери с табличкой "менеджер по персоналу" был буквально забит сидящими на предусмотрительно расставленных вдоль стен стульях, такими же, как и он, соискателями на вакантные должности. Сапфиров, поинтересовавшись: "Кто последний?" и подтвердив догадку, что все люди пришли за тем, что и он, скромно присел на свободный стул. Как и следовало ожидать, несмотря на его среднюю комплекцию - килограммов 70-75 - стул под ним предательски закрипел, явно сигналив о том, что скоро развалится совсем. Бенедикт Валерьянович нисколько не удивился. На протяжении всей его жизни ему всегда доставалось самое плохое, скверное и недоделанное. Если он стоял в очереди за хлебом, тот заканчивался прямо перед ним; если шел дождь - его обязательно обрызгивала какая-нибудь машина; если он покупал яйца - домой приносил наполовину разбитые; если же делал покупки на рынке (еще в те времена, когда, работая в НИИ, получал зарплату), продавцы его неизменно обсчитывали, причем не так, как других, на 50-100-200 граммов, - а сразу на килограмм-полтора.

Даже диплом в университете он получил не в тот день, когда все, а на другой - почему-то именно его выпускной аттестат куда-то подевался.

Причем, нельзя было говорить, что неудачи следовали на протяжении всей жизни. Нет. Когда-то и ему везло. Например, удалось купить машину (которой уже не было), получить квартиру (пока еще осталась), удачно - как он считал - жениться. Еще бы, отхватил такую красавицу, - говорили все. - Высокая, с большим бюстом, сразу бросающимся в глаза на фоне худенькой фигурки блондинки, Елене пришлось отвергнуть не одно ухаживание, выбрав в мужа Бенедикта Валерьяновича. Ну а то, что характер у нее оказался слишком желчный, так в этом она, пожалуй, и не виновата. Генетика...

Впрочем, мы, пожалуй, несколько увлеклись. Тем более, что уже несколько минут съездившегося от подступивших - вернее, повсюду его сопровождавших проблем и невеселых мыслей ("за квартиру уже год, как неуплачено; за ребенка в школе требуют деньги; сантехника пришла в полную негодность - все течет и капает; жена клянет почему зря, - и деньги, деньги, деньги..."; Елена работала учительницей математики в школе и, хоть что-то, но получала) Бенедикта Валерьяновича почти в упор рассматривал остановившийся перед ним невысокий, когда-то, быть может, и подтянутый, но теперь просто крепкий, кряжистый, и заметно располневший мужчина в элегантном черном костюме.

- Сапфиров?! - удивленно произнес тот, дождавшись, пока Бенедикт Валерьянович поднимет на него глаза. - А я встал как вкопанный и думаю - ты, не ты? - весело произнес мужчина знакомым баритоном.

- Мировский?! - от удивления привстал Бенедикт Валерьянович, почти мгновенно ("не изменился?!") узнав в обращающемся к нему человеке своего бывшего однокашника Георгия Мировского.

- Ну, чертяка!.. - горячо обнял тот его. Бенедикту Валерьяновичу стало даже как-то неудобно, видя, как обрадовался Мировский. А ведь в университете они, помнится, особой дружбой не отличались. Так, общались конечно, но не больше, - как учившиеся в одной группе

студенты... - А здесь, какими судьбами?.. Ах, да, - вмиг все понял Мировский, окинув взглядом сидевших в коридоре людей. - Знаешь, что, - он быстро взглянул на часы и вскинул вверх глаза, что-то подсчитывая, - Ты проходи в мой кабинет, - он подозвал рукой стоявшего в нескольких метрах коротко стриженного парня, с фигурой боксера-тяжеловеса, - Вот, проводи ко мне, и, распорядись там, кофе, коньяк, в общем, что пожелает. А я буквально через полчаса - даже меньше (еще один взгляд на часы) вернусь. Одно неотложное дельце, - словно оправдываясь, произнес он. - А потом поболтаем. Ты ведь не возражаешь?

- Да, но... - смущенно проговорил Бенедикт Валерьянович, - не хотелось бы совсем пропустить очередь....

- Да, - махнул рукой (мол, не переживай, делай, что говорят) удалявшийся длинными, уверенными шагами немного опаздывающего человека Мировский, - считай, что ты уже принят.

- ...А кто он здесь? - спросил немного обескураженный Сапфиров у стоявшего рядом с ним парня, вместе с ним смотревшего на удаляющегося Мировского.

- Президент! - ухмыльнувшись, ответил тот.

ГЛАВА 3

- Ну что, рассказывай, как ты жил все это время? - спросил ворвавшийся в кабинет через полчаса, как и обещал, Мировский. - Чем занимался? Много открытий успел совершить? - помня, как случайно столкнувшись с Сапфировым, лет десять назад на какой-то выставке, тот ему радостно поведал о том, что сейчас, как и предполагал после окончания университета (когда, собравшись в ресторане отметить получение дипломов, каждый делился планами на будущее) работает в научном институте.

- ...Да какие там открытия? - тяжело вздохнул Сапфиров. - Разве сейчас до них есть кому дело? - с сожалением ответил он.

- Да, брат, это верно, - понимающе произнес Мировский, заметив одиноко стоящую на журнальном столике пустую

чашечку с выпитым кофе и, нажав кнопку селекторной связи, распорядился принести еще. - Вот, давай-ка брат, по старой, так сказать, дружбе, отметим неожиданную нашу встречу (Мировский достал из бара бутылку коньяка), да вспомним институтские годы. - Он кивнул вошедшей длинноногой секретарше (отметив про себя, как жадно проводит за ней взглядом Сапфилов; а тот, в свою очередь, подумал что секретарша Мировского - уверенно смотрелась бы и на подиуме) - Как, кстати, видел кого из наших? - поинтересовался Мировский. - ...Да, разбросала людей жизнь, - сказал он через какое-то время, увидев, как отрицательно пожал плечами Сапфилов. - Да мы, сами-то... Живем вроде, в одном городе, а встречаемся раз в десять лет. Да и то случайно, - горько улыбнулся он. - Ну, давай, - Мировский поднял рюмку и, чокнувшись со старым приятелем, не без удовольствия (как отметил Бенедикт Валерьянович), пропустил мягкий напиток внутрь, отправив за ним и дольку лимона.

- ...бери-бери, не стесняйся, - пробасил Мировский, заметив, как Бенедикт Валерьянович, осторожно поставив выпитую рюмку, выбирает глазами, что взять: виноград, лимон, бутерброд с красной и черной икрой, шоколад... - А я вот, видишь, брат, сейчас здесь вот директорствую, - обводя взглядом огромный кабинет, стены которого были увешены полотнами известных художников ("неужели подлинники?" - подумал Бенедикт Валерьянович, заметив на одной из картин подпись Кандинского), - добавил Георгий Мировский.

- С комсомолом пришлось расстаться? - пошутил Сапфилов.

- Да, - махнул рукой Мировский. - Хоть и обратное поется в песне, а, как видишь, - пришлось... Кто ж знал, что наша страна так резко сменит курс, - словно оправдываясь, заметил он.

- Но тебе, вроде как, и грех жаловаться?! - искренне заметил Сапфилов, благодарственно кивнув наливавшему в его рюмку коньяк Мировскому.

- Да, вроде бы, и да?! - рассмеялся Мировский. - Вовремя почувствовав, что настали другие времена, я ушел с комсомольской работы (хотя уже был секретарем райкома).

Открыл кооперативное кафе. Вслед за ним пошли: ларьки, палатки, магазинчик. Потом еще один. Пока, наконец-то, не добрался до завода... Помнишь, был у нас в области один неплохой заводик по производству химических удобрений? (Сапфилов на всякий случай кивнул). Когда наступили времена "гласности", и в газетах подняли всю ту шумиху по поводу крайней вредности для здоровья разных там нитратов да нитритов, которыми всегда, заметь, более чем усердно, обрабатывались поля нашей родины; при этом, мало кто знал, и об их пользе; ну, да это уже другой вопрос, - заметил Мировский, - ну так вот, уже тогда этот заводик работал, дай Бог, на треть былой мощности. Все-таки, как никак, новые экономические отношения, взамен плановой - пришла рыночная - экономика, ну, и, там, все прочее... Да к тому же еще (как говорится "до кучи") - в страну хлынули дешевые сельхозтовары из-за разом открывшихся границ. Вот и стали наши предприятия - лишившись госзаказов - терпеть убытки; а, значит, - что было уже интересно для меня, - и поголовно закрываться. Причем, если помнишь, люди сами уходили с насиженных мест. Если нет прибыли - значит нет зарплаты, а все надежды на светлое будущее... Семьи-то надо было кормить именно сейчас...

- Но я-то знал, что подобная "катавасия", - продолжал Мировский, - не может длиться вечно. В общем, сейчас уже и не припомню, как - одних взяток пришлось дать "немеренно", да, к тому же, подключить все старые связи, - но я стал сначала заместителем директора того завода, а еще через полгода (пришлось взять грех на душу, пустить небольшой "компроматик" на директора - уж никак не хотел уходить старый вояка на законную пенсию) стал и директором. А тут, глядишь, и Анатолий Борисович со своей приватизацией подоспел. Ну и я недолго думая, - приватизировал весь заводик. А потом - масть пошла - и еще несколько. Подобных. Да, впрочем, и не только подобных. Принцип-то один. Нахожу абсолютно нерентабельное, терпящее огромные убытки, предприятие (в те времена таких было "море"). Покупаю. Вкладываю деньги (благо, что с их наличием проблем не было, отрыл даже свой банк). А потом эти самые некогда убыточные предприятия начинают

приносить прибыль, а некоторые - и сверхприбыль. Но уже - заметь - мне. А не какому-то там государству. Которого, тем более, что и не стало - Союз-то распался. Вот таким образом, я и имею сейчас все, что имею, - добродушно усмехнулся Мировский, сделав широкий жест руками, разводя ими в стороны, мол, видишь все сам.

- Да, - с уважением закивал головой Сапфиров, мол, действительно, вижу все сам, что тут еще говорить.

- Ну, а у тебя как? - Вспомнив, где он встретил своего однокашника, заботливо спросил Мировский. - Временные трудности?

- Да если бы временные, - произнес Бенедикт Валерьянович, и не скрывая (что скрывать, тот сам все понимал. Да и коньячок - как-никак давно опустела - заговорились - третья рюмка - начал действовать) поведал Жоре Миrowsкому о произошедших с ним за последнее время событиях.

- Да, - пораженный услышанным, по крайней мере - так показалось Сапфирову, покачал головой Мировский.

На время воцарилось молчание. Каждый думал о чем-то своем. И все же, они вместе думали почти об одном и том же. Мировский неожиданно вспомнил, как еще на третьем курсе, когда внезапно, во время, казалось бы, ничем не примечательной лекции по "Истории КПСС" к ним нагрянула министерская проверка (вместе с деканом и проректором по учебной работе) и ее председатель, маразматического вида старикашка, разбудивший своим пискляво-кудахтающим кашлем добрую часть мирно дремавших студентов - была первая пара - потребовал каждому предъявить конспект, и почти тогда же, на его вырванной из тетради листочек, где он играл с соседом в "слева" (есть такая игра, когда в расчерченном пять на пять (клеток) квадрате посередине пишется первое пятибуквенное слово, а дальше, прибавляя к нему по букве, придумываются любые слова) - плюхнулась тетрадь - конспект Сапфирова (что грозило бы секретарю комсомольской организации университета, узнав, чем он занят на лекции по истории партии?! - а партия в то время была одна, нерушимая и

основополагающая! - можно было даже не сомневаться). Кстати, о серьезности - тогда благополучно для Мировского миновавшей - проверки можно было судить хотя бы по тому факту, что, по ее результатам, троих студентов просто отчислили, а еще пятерых - видимо вмешались спохватившиеся родители, сумевшие отыскать неожиданных покровителей - "поставили на карандаш"; причем он был такой длинный, что в течение оставшихся до защиты диплома двух лет, собственно до самой защиты "дожил" только один, "благополучно" и провалившийся на итоговых экзаменах. Кстати, для Сапфинова, оказанный им жест помощи на самом деле почти ничего не стоил. Он имел несколько удивительную - быть может, если не сказать странную привычку вести одновременно два конспекта; причем на каждой лекции; а потому, заметив окаменевшее лицо однокашника, - просто перекинул тому на стол одну из своих тетрадей. Вот этот эпизод почему-то сейчас и всплыл в памяти Мировского.

Сапфинов же вспомнил совсем о другой истории. Тогда, еще только поступив в университет и не успев, должным образом, изучить расположение кафедр, - он, как водится, заплутал; и, понимая, что явно опаздывает к началу пары, - обратился за помощью к стоявшей группе старшекурсников. А те, отчего-то, подняли его на смех. От стыда Бенья Сапфинов готов был провалиться на месте. Но неожиданно гогот прекратился; и, в воцарившейся тишине недавний школьник, подняв голову, увидел своего одноклассника Жору Мировского, который, - схватив двоих старшекурсников за шивороты, - наклонил их в "странновымученном" (вероятно, именно вся нелепость и искусственность изменения ситуации послужила рождению в подсознании Сапфинова уже совсем иных ассоциаций) поклоне вниз; остальным - велел попросту заткнуться. Самим. Что, нужно заметить, парни охотно и сделали.

Та история получила неожиданное продолжение. Спустя несколько дней уязвленные старшекурсники, желая проучить "обидчика", подстерегли Жору Мировского в туалете. И

здорово за это поплатились. Тот не только скрутил, связав брючными ремнями всех пятерых, но и прицепил их к батарее отопления, предварительно окунув... каждого...

Кстати, слава Жоры Мировского после этого весьма распространилась; его уважали, боялись, боготворили, и любили, каждый по-своему; в зависимости от пола, возраста, и... - впрочем, и этого для семнадцатилетнего парня, - было более чем достаточно... Интересно, - почему-то подумал Сапфиров, - изменился ли Мировский?.. Каков он сейчас?.. Слава-то, по сути, портит людей...

- Вот что я подумал, старик, - нарушил молчание Мировский. - Иди ко мне секретарем-референтом.

- Секретарем-референтом?! - почти тут же переспросил удивленный Сапфиров.

- Ну да! - искренне ответил Мировский, который вроде бы и не хотел - так показалось Сапфирову - замечать некоторую комичность будущей ситуации. - Хотя... ты, пожалуй, спутал эту должность с другой, - все же видимо догадавшийся, о чем мог подумать его институтский приятель - Мировский весело захохотал. - Нет-нет, секретарша у меня есть... и не одна... - продолжал смеяться он. - Я предлагаю быть чем-то вроде личного секретаря; личного "поверенного"...

Ты будешь постоянно находиться со мной; я постепенно введу тебя в курс всех дел... Твоя задача будет - планировать мое время; разбирать поступающую документацию, выбирая из нее наиболее важное и ценное; например то, что необходимо сделать в первую очередь... В общем, - я предлагаю тебе что-то, навряд того, чтобы быть моим вторым "я"...

- А кто, - до этого, - всем этим занимался? - с более чем серьезным (а то, скорее, и испуганным) выражением лица поинтересовался Сапфиров, у которого (и опытный Мировский тот час же это отметил), тем не менее, появилась некоторая заинтересованность в голосе. Можно даже было сказать, что он уже согласился... Но, видимо, считал, что определенные правила приличия... обязывают, например, к некоторым вопросам.

- Да... сам я и занимался, - немного смутившись, искренне признался Мировский (Сапфиров, из-за своей доверчивости

легко - и часто - обманывался; но сейчас ему отчего-то показалось, что Мировский говорит правду). - Если помнишь, в советские времена был лозунг: "Кадры решают все!". Так вот - к сожалению - это лозунг остался актуален и по сей день. Подобрать "стоящего" помощника - такая же непосильная задача, как и раньше. Тем более, что доверять "первому встречному" (да, даже, и не первому) - я до сих пор как-то не решался.

- Но ты же меня совсем не знаешь? - попробовал оправдываться Сапфилов. - За столько лет, сколько мы не виделись, я вполне мог стать тем "первым встречным", которого ты опасешься? - высказал он свое очередное (нелепое по сути, - подумал Мировский) предположение.

- Ты - не "первый встречный"! - неожиданно жестко сказал (как отрезал!) Мировский. - Не путай кисель с молоком, - его взгляд тотчас же стал сродни голосу.

- Ну, не знаю, - честно признался (а на самом деле тотчас же испугался - только чего?) Сапфилов.

- Да что не знаешь-то? - видя реакцию приятеля, уже мягче, и с подкупающей искренностью в голосе (варьирование диапазонами коего он давно уже поставил себе на службу; этому (и не только этому) когда-то учил его специально приглашенный репетитор - профессор Театральной Академии) - поинтересовался несколько даже обиженный Мировский. - Разве, идя в мой офис, ты не хотел устроиться на работу?.. (Одобрительный кивок от Сапфилова). Вот, считай, ты и устроился!..

- Да, как-то непривычно, что ли, - видимо, удивляясь, отчего же он не соглашается, промямлил Сапфилов.

- Ну, ладно... Не буду тебя неволить, - сказал, как показалось Сапфилову, начавший терять терпение Мировский. - Можешь сейчас погулять, подумать... А через два часа - жду тебя в моем кабинете. Придешь - и скажешь ответ...

- Ну, а чтобы тебе легче думалось... - Мировский достал из сейфа пачку стодолларовых купюр и, отсчитав пять бумажек, передал их онемевшему Сапфилову. - Вот тебе небольшой аванс. Бери, бери. Ну, как будто ты уже дал согласие, - пояснил он. - И имей ввиду - зарплата у нас в несколько раз

больше... А еще и премия. Впрочем, если все же ты не надумаешь ничего путного - ничего страшного. Просто вернешь деньги обратно. Ну, все, - видя, что изумленный Сапфиров молча стоит на месте, в нерешительности сжимая банкноты. - Жду тебя через два часа и, пожалуйста, прежде, чем отказываться, - хорошенько все обдумай... Может, такого шанса у тебя в жизни больше не будет.

ГЛАВА 4

- Ты с ума сошел, - выдохнула жена Сапфирова, даже не дослушав до конца рассказ мужа. - Да ты должен был тут же согласиться, - недоумевала она, чуть ли не перекрикивая, безуспешно пытавшегося вставить слово в своё оправдание, Сапфирова. - Неужели всю оставшуюся жизнь так и проживешь безмозглым недоумком?..

- Ну, подожди, пожалуйста, - взмолился Бенедикт Валерьянович. - Я же еще не отказал ему... Да и он сам дал мне время подумать...

- Какое время! - закричала жена так, что Сапфиров вынужден был слегка отклонить от уха трубку (рассудив, что за отведенные два часа он не успеет доехать до жены и вернуться обратно, Бенедикт Валерьянович решил посоветоваться с ней по телефону). - Долгов "немеренно", ребенок ходит в обносках, из квартиры скоро выселят

- а он еще берет время подумать, - не унималась жена. - Да когда же это все кончится, - неожиданно перешла она в плач. - Сколько же мне еще терпеть-то все это?.. За что на меня все свалилось, - дав волю эмоциям, - взхлеб причитала она.

- Ну, подожди, подожди, - тоже поскуливал Сапфиров. - Я ведь только хотел попросить у тебя совета.

- Совета! - снова принялась кричать жена, неожиданно видимо вспомнив свою миссию хозяйки семьи, - Какого тебе еще нужно совета! Да тебе, недоделку, что в лоб, что по лбу - все бесполезно...

- Ну я...

- Молчать!

- Ну...

- Молчать, сказала! Не смей меня перебивать!

- Да что ты взъелась-то? - готов был вскипеть и Бенедикт Валерьянович, но, видимо, тут же испугался такого своего порыва - еще больше скис и готов был разрыдаться...

- Я взъелась?! Да неужели ты не понимаешь, что тебе на самом деле дан последний шанс?! Что ты встретил - такого человека... такого... - еще не утихший гнев мешал супруге Сапфинова вознести до заоблачных далей Мировского; о котором, заметим, она только что впервые и услышала; но который, заочно, уже успел ей понравиться. - Да, ты должен ему в ноги кланяться, благодарить за такое доверие... Секретарем-референтом... Ну и что, что секретарем-референтом... А ты-то кем хотел? Директором?.. Или забыл, как работал грузчиком и продавцом?..

- Ну, зачем ты об этом? - попросил обескураженный услышанным - он давно уже пожалел, что и звонил, и теперь готов был согласиться со всем чем угодно, только чтобы это когда-нибудь прекратилось - Бенедикт Валерьянович.

- Зачем? А сам ты не понимаешь зачем?! - окончательно вышла из себя супруга - Или все мозги оставил в своих пробирках?!

- Ну, опять ты за старое, - умоляюще заканючил Бенедикт Валерьянович.

- Ладно, - попыталась успокоить сама себя Елена Сапфинова. - Ты хотел моего совета?! Вот мой совет - сейчас же иди в офис к Мировскому! И скажи, что согласен. Иначе - все! Я дальше терпеть не буду. Тотчас же подам на развод.

- На развод? - опешил Сапфиров.

- Все! - бросила трубку Елена.

Как уже было и понятно, Сапфиров согласился. Уж слишком ранимый, чувствительный, с тонким душевным настроем был Бенедикт Валерьянович, чтобы пойти наперекор кому бы то ни было; а тем более жене. Он ей вообще привык подчиняться; даже, несмотря на то, что Елена была младше на десять лет.

Так повелось еще с момента их первого знакомства, когда тридцатилетний Бенедикт (тогда, впрочем, уже Бенедикт

Валерьянович) увидев симпатичную студентку, - сказал ей какой-то комплимент; а она, вспыхнув, развернулась и в гневе пошла прочь. И тогда Сапфиров, испугавшись, что ненароком обидел (он вообще никого не мог обидеть) девушку, полчаса бежал за ней, извиняясь. Так они и познакомились. И с тех пор Елена, обладающая сильным, волевым характером (то ли это у нее было от спорта, то ли от отца, офицера-подводника, погибшего где-то подо льдами Арктики), достаточно быстро осознавшая "слабинку" мужа, - умело, и без зазрения совести, этим пользовалась.

Нет, нельзя сказать, чтобы она совсем уж была извергом. Тем более что и Сапфиров, по большому счету, был не в такой уж большой, и обиде. Во-первых, сам по себе не привык ни на кого обижаться; вполне свыкшись, что его все шпыняли, еще чуть ли не с детского сада. Во-вторых, для Сапфирова со стороны жены была "заготовлена" вполне достаточная "компенсация"; и то, что его "разгневанная" днем супруга, - позволяла с собой вытворять ночью, - с лихвой окупало все что угодно; тем более, - уязвленное мужское самолюбие; которого, в общем-то, и не было...

А, кроме того, Бенедикт Валерьянович таким уж униженным себя и не ощущал... Мол, что поделать... Таков мир, - всегда философски замечал он... К тому же, - он всегда готов был привести десяток примеров из художественной литературы (чтение - одно из любимых занятий Сапфирова еще со школьных лет), - когда главные герои вынуждены были терпеть не меньшие унижения...

Однако, нельзя было сказать, что Сапфиров так уж и жил в каком-то вымышленном мире. Нет. Хотя, может быть, так бы все в итоге и произошло, выбери он профессию под стать своему увлечению. Но химия не зря относится к тем точным наукам, которые весьма далеки от абстрактного позитивизма в восприятии жизни. Это серьезная наука, требующая от своих приверженцев прежде всего следования строгим нормам. Тут уж, помимо тонко выверенных пропорций и ничего не прикажешь... Наука...

Быть может и потому, занятия химией, в свое время, достаточно остудили излишне-романтический настрой

Бенедикта Валерьяновича. Тем более что вторым, не менее сильным "катализатором" - была жена Сапфинова. Тут уж, орудие было еще более действенное... после иного разговора с супругой, Бенедикт Валерьянович не только не мог долгое время (хотя бы минимально) сосредоточиться; но, иной раз, и вовсе - ходил как дурак. Хотя, иной раз, - после случайно выслушанного всплеска эмоций "второй половины", - начинал действовать, - заметно проворнее.

Так было и сейчас. Сразу после разговора с Еленой, Сапфинов направился в офис Мировского, где и дал свое согласие, извинившись, что не стал дожидаться прошествия двух часов.

- Да какие разговоры, старик, - дружески похлопал его по плечу Мировский. - Считаю, что ты уже работаешь. Поехали-ка со мной... - Мировский внезапно смолк, окидывая взглядом одежду Сапфинова. Несмотря на то, что на том была та одежда, которая, как он считал - и полагалась при соискании приема на работу - темно-серый костюм, белая рубашка, черные туфли и коричневый галстук - его внешний вид заметно отличался от Мировского... То ли качеством ткани тысячедолларового костюма Георгия Георгиевича, то ли еще чем... (Мировский раздумывал, поглядывая на смутившегося Сапфинова). - Сделаем так, - наконец-то произнес он. - Вот тебе полторы штуки баксов (он, достав из внутреннего кармана портмоне, отсчитал необходимое количество зазеленевших бумажек), выбери приличный магазин и хорошенько оденься. - На вот тебе на всякий случай еще штуку, - подумав немного, Мировский достал еще деньги. - Значит так - это на сегодня. А завтра... Завтра я жду тебя в офисе... - Мировский о чем-то размышлял, уставившись на стрелки ручных часов "Роллекс"; давай так. Жду тебя - к половине одиннадцатого. Форма одежды - "дорогая", - усмехнулся он, глядя на согласно закивавшего Бенедикта Валерьяновича.

- А теперь по коням, - распорядился, все еще приветливо улыбаясь, Мировский, и, - передав Сапфинову деньги - которые тот все еще держал в руках - дал понять, что на сегодня аудиенция окончена.

- Да, - уже в дверях спросил он, тот час же обернувшегося Сапфинова. - У тебя права-то есть?.. Есть?.. Хорошо. Завтра подберем какую-нибудь машину... Ну все, - бывай!

- До свидания, - попрощался Сапфинов, в одном слове явив и уважение, и восхищение, и благодарность, и удовлетворение, и... облегчение.

Но в полной мере вздохнуть он смог, только когда захлопнулась закрываемая за ним дверь парадной. - На всем протяжении своего пребывания в кабинете, Бенедикт Валерьянович ощущал... нет, это, пожалуй, нельзя назвать тревогой... даже не беспокойство... скорее всего, какое-то неизъяснимое желание поскорее уйти, выйти за пределы кабинета, офиса; хотя он вполне догадывался, что виной тому было не что-то конкретное; а, скорее, виной всему - сам Георгий Георгиевич Мирровский; человек- скала; человек-гранит; человек, подчиняющий своей энергетике все вокруг; и, вероятно, (уже вследствие этого), - способный аккумулировать около себя такие потоки разряженного воздуха, - все это пришло в голову Бенедикту Валерьяновичу, когда он вышел на улицу, - что они были способны заполнить любого человека; не считаясь - с желанием того.

Таким показался Сапфинову Мирровский. И такому человеку, - он теперь был обязан служить. Вот так вот.

Хотя, что на самом деле из этого получится, - пока еще не знает никто; ни мы; ни Мирровский; ни, - тем более, - Сапфинов; Сапфинов, который в последнее время вообще предпочитал не думать о чем-то наперед; убедившись, что события иной раз меняются с такой быстротечностью свершаемых комбинаций, что уследить за ними - не только невозможно, - но это и вообще, порой, оказывается очень даже неблагоприятным занятием; тем более, что происходит все - совсем не так, как того, быть может, желал он сам. А раз так, - то, что толку: о чем-то переживать, что-то загадывать, с кем-то спорить, кого-то за это ненавидеть?... Ну, уготовано судьбой: "случиться так, а не иначе"; значит, - и быть таковому... Пусть все идет, как идет, - решил Сапфинов, оглядываясь в поиске телефонной будки, чтобы сообщить беспокойной супруге - результат встречи. А

заодно, - и от этой мысли начало приятно так "посасывать где-то под ложечкой, - попросить "достопочтимую женушку" отложить дела, дабы помочь ему выбрать подходящий "прикид". (В минуты вдохновения Сапфиров и говорил-то, как-то, по особенному). А заодно и себе. Сапфиров рассудил, что тут вполне хватит на всех; включая ребенка; и для погашения долгов; даже останется. Он бережно нащупал лежащие в другом кармане пятьсот "баксов", о которых решил ничего жене пока не говорить. Пусть будет сюрпризом. Потом. Тем более, и тех двух с половиной тысяч долларов будет достаточно для того, чтобы повергнуть ее..., - Сапфиров задумался, - или в шок, или в восторг, - позволил себе улыбнуться, ловя такси, чтобы скорее забрать жену (она работала в одной из школ Красногвардейского района) и вернуться обратно на Невский.

Лучшие бутики города находились здесь.

ГЛАВА 5

- Ну, что ж! - восхищенно заметил Мировский, оглядывая Сапфирову, ровно в половине одиннадцатого осторожно постучавшегося в его кабинет (секретарша при его появлении приветливо улыбнулась, мол, заходите, вас ждут).

- Теперь совсем другой человек. Да, а где твои очки? В Университете ты, я помню, их носил.

- Уже давно перешел на линзы, - признался Сапфиров.

- Нет, нет, тебе обязательно необходимы очки, - сказал Мировский. - Сейчас, кстати, по пути и заедем... выберем...

- А может все-таки я как-нибудь и так, в линзах? - взмолился было Сапфиров.

- Бенедикт Валерьянович?! - строго заметил Мировский.

- Понял, понял, - выставил вперед ладони, примирительно покачивая ими в такт словам Сапфиров.

- Так, теперь еще, - Мировский приоткрыл дверь шкафа и, оглянув содержимое полка, извлек на свет портфель из черной кожи. - Вот, держи. Это "от фирмы". Будешь носить бумаги.

- Спасибо, - восхищенно ответил Сапфиров, принимая портфель из рук шефа и восторженно проводя пальцем по тончайшей, великолепно выделанной коже.

- Ну все, пошли, - произнес Мировский, предварительно велев положить в портфель некоторые бумаги. - Сейчас у нас встречи с одним литовским бизнесменом, - уже по пути, пока спускались к машине, а затем, когда ехали в большом черном "Мерседесе", (машина охраны на "Джипе" следовала сзади), проводил инструктаж Мировский, - твоя задача просто за всем наблюдать, слушать, вникать, и делать очень умный и загадочный вид. Хотя, это от тебя и так не отнять, - заметил Мировский, взглянув на внимательно слушавшего его Сапфирова.

После встречи (прошла, как и предполагал Мировский, "на ура"), они заехали в офис (совещание), потом в ресторан (обед), вновь на встречу (тоже прошла удачно), еще на одну встречу (тот же самый результат), снова в офис (текущие дела), опять на встречу (неизменный результат), и еще на пару встреч; после чего, - вновь приехали в офис; желая подвести результаты за день.

- Ну что, примерно начал понимать, чем мы тут занимаемся? - дружелюбно поинтересовался Мировский, доставая бутылку коньяка и две рюмашки из бара.

Секретарша принесла кофе, привычно став сервировать стол.

... - На сегодня я тебя больше не беспокою, - произнес Мировский, после того, как еще с часик они посидели, проанализировав прошедший день и наметив программу на следующий. - А завтра будь готов к шести утра (выходи к подъезду); сразу от тебя -прямоком к финнам (в одиннадцать уже должны смотреть тамошнюю типографию...) Вроде как расписали по телефону (усмехнулся Мировский, имея, вероятно, ввиду финских владельцев) "в суперидеальном" состоянии... Ну, да это не беда... как говорится, что надо, - докупим... Главное - цена смешная... Всего-то "пол-лимона"... Причем даже не долларов, - Мировский выразительно посмотрел на Сапфирова, - финских марок.

- Собираешься стать издателем? - попробовал поддержать шутовское настроение "шефа" Сапфилов.

- Да нет, - улыбнулся Мирковский, оценивая попытку все еще державшегося излишне скованно однокашника. - Хотя, сам понимаешь, сегодня - нет, завтра - да, - внезапно о чем-то подумав, уклончиво заметил он. - В общем, давай, - он встал, протягивая руку. - Завтра в шесть. Как договорились.

На следующий день, как и предполагалось, они выехали в Финляндию. При подъезде к Выборгу в их "Мерседес" неожиданно влетела ехавшая навстречу "девятка", водитель которой, решил неожиданно развернуться и, вероятно, не рассчитав скорости несущейся иномарки. К счастью, заметив "непонятный маневр", молодой парень, сидящий за рулем "Мерседеса", все же успел нажать на тормоза, перед самым столкновением - все еще пытаясь его избежать - вывернув руль в сторону. От этого удар пришелся как-то вскользь; помяв левый край бампера.

Джип охраны, дабы не въехать в неожиданно затормозивший "Мерседес" хозяина, резко вывернул вправо, протаранив обгонявшую его "БМВ - семерку", которая (понадеясь на скорость) решила обойти их с неположной стороны.

В итоге, "БМВ" очутилась в кювете (хорошо хоть машина тяжелая, не перевернулась). Джип - там же. "Мерседес" и "девятка" остались на дороге; полностью перегородив движение.

Однако, в этой ситуации невероятно испугавшегося Сапфилова, - удивил Мирковский, - который сразу же после столкновения пулей вылетел из машины (вот оно, борцовское прошлое) и, не успев еще никто опомниться, как он уже вытаскивал из "девятки" испуганного водителя.

- Ты что же, мудака, совсем ебанулся, - грозно вопрошал он, сотрясая (и без того трясшегося в испуге) водителя "девятки". - Смерти моей хочешь, - закричал Мирковский, и нанес ему удар головой в переносицу, а следом за ним - правый апперкот по корпусу (пришедшийся аккурат в солнечное сплетение), после чего (как только обезумивший

от боли водитель согнулся) Мирковский, - схватив того руками за воротник (словно поддерживая повисшее тело), - сначала, несколько раз ударил правым коленом, а затем, сбив подсечкой, - нанес настоящий удар футбольного голкипера, пришедшийся в голову лежащего на земле "обидчика".

- Ну вот, и съездили к финнам, - мрачно пошутил Мирковский, подходя к своей машине и закуривая сигарету. - Ладно, - сказал он, обращаясь к, только сейчас решившемуся вылезти на (разгоряченный баталиями) воздух Сапфинову. - Сейчас тут будут менты - оставим с ними разбираться нашу охрану (тем более - он оглянулся в сторону крепких, коротко стриженных парней, о чем-то разгорячено спорящих с несколькими ребятами схожей комплекции, вылезшими из БМВ - их, похоже, так просто не отпустят), - усмехнулся он. А мы тем временем все же поедem дальше. Жалко из-за какого-то... (он заинтересованно посмотрел в сторону приходившего в себя - тот вертел головой, сидя на земле и, прислонившись спиной к колесу - водителя "девятки") упускать выгодное дело.

- Мы ехать-то, надеюсь, сможем, - спросил Мирковский своего водителя. - Ну, если можем, тогда поехали, - сказал он в ответ кивнувшему шоферу.

"Мерседес", взвизгнув колесами, стал быстро набирать скорость.

- Я думаю, мы успеем, - сказал Мирковский, взглянув на часы, - должны успеть.

ГЛАВА 6

- Ты считаешь, - это на самом деле то, что ты искал? - спросил Исаак Альбертович, высокий, нескладный, худой, с квадратными очками, небритым лицом и слегка заросшей шевелюрой, в которой густые торчащие черно-серые волосы перемешивались с седыми, обращаясь к Сапфинову.

Исаак Альбертович Барт, в прошлом, был коллегой Бенедикта Валерьяновича по научно-исследовательскому институту. Потом, когда институт распался, и все сотрудники разбежались в поисках другого заработка

(причем, хотели все денежную, а значит - на тот момент - в каком-нибудь кооперативе), Исаак Альбертович с маниакальным усердием принялся искать работу, связанную с научными исследованиями. Казалось, его нисколько не смущала ни маленькая зарплата, ни периодические задержки той самой зарплаты, да и вообще ничто, как, кроме того, что ему хотелось работать только в НИИ. Спроси его тогда: "Почему?" - он, наверное, и сам бы не смог более-менее ясно обосновать свое желание. Периодически встречаемые им "бывшие коллеги", - поначалу, было, отговаривали его; недоуменно покачивая головой, а кто - и тихо посмеивался, за спиной крутя у виска. Но Исаака Альбертовича абсолютно не смущали ни те, ни другие, ни третьи.

В итоге, через время, он не только устроился в один из еще сохранившихся - после повального закрытия - НИИ, но и, со временем, сумел его возглавить. А еще через время, именно его институт неожиданно получил крупный госзаказ (от правительства города); и, после (более чем удачного) выполнения того, - подобные заказы стали поступать регулярно; что обеспечивало и институту, и его сотрудникам, и самому Исааку Альбертовичу -- достаточно неплохое существование.

Через время он уже смог купить (старенький) "Фольксваген". Потом сменил его на бышную "Ауди". А к моменту встречи с Сапфировым (они и раньше периодически созванивались, встречаясь - раз-два в месяц - где-нибудь в кафе, баре, ресторане, а то и просто на природе, в каком-нибудь парке, у реки, или за городом; так сказать, поделиться новостями), он уже восседал за рулем новенькой "Ауди А-4". Причем, иногда (например, как сейчас) предпочитал приезжать с водителем. Барт уже неделю как был в отпуске (взял пару недель - после защиты докторской диссертации), а потому решил, что может позволить себе несколько расслабиться.

- Конечно же, нет, - согласился с ним Сапфиров. - Но, сам понимаешь, в моей ситуации выбирать особо не приходится.

- Да не понимаю я! - рубанул рукой воздух Барт. - Сколько не пытаюсь - не понимаю?!.. А может, и не хочу понимать?!
Еще пять лет назад я предлагал тебе идти ко мне в институт.

Давал лабораторию. Ты же ученый!? Зачем тебе весь этот бизнес?

- А какую зарплату ты мне предложил? - попытался тоже напомнить ему прошлое Сапфилов.

- Но это же только на первое время, - ответил Барт. - Да и тогда еще у нас дела шли не так хорошо. Но в будущем-то ситуация выправилась.

- Да, но жить-то я хотел на тот момент, - отстаивал свою точку зрения Сапфилов, благодарственно кивнув официантке, принесшей новые кружки с пивом (они сидели в пивном баре). - Знаешь, сколько я уже наждался?!.. Когда-нибудь все же хочется и пожить!

- Пожить? - удивленно посмотрел на него Барт. - Ты считаешь, ходить в прислуге у олигархов - это житье? Да ты... да ты, - должен был в морду ему бросить эти деньги...

- И гордо уйти! - перебил его, улыбаясь, Сапфилов (он знал привычку товарища, - особенно когда тот слегка "перебирал", - ругать "новых русских"; причем, действительно, делал это почти исключительно в подвыпившем состоянии; тогда - в его душе - просыпался настоящий коммунист-большевик; что, как минимум, было весьма занятно; потому как - в трезвом состоянии, - Барт являлся: сторонником демократии, бизнеса, реформ и всего-того, что считал характерным и неотъемлемым признаком нового времени. "Стоять на месте - значит идти назад", - приводил он часто свою любимую восточную поговорку).

Где был "настоящий" Барт - никто не знал. Сам он (на следующее утро) говорил, что слова пьяного человека нельзя воспринимать всерьез. Но, как известно, "что у пьяного на языке...". С чем, впрочем, сам Исаак Альбертович - нисколько не соглашался.

- Да, может, и уйти, - не понял (или не хотел понимать - была у него и такая черта) товарища, Барт.

- Ладно, - сказал Сапфилов. - Ты лучше скажи: если я сейчас надумаю к тебе перейти - возьмешь? - улыбнулся он, желая слегка переменить тему.

- Нет. Нет - тебя не возьму, - покачал из стороны в сторону опущенной головой Барт. - Таких как ты наука обратно не

принимает, - попытавшись твердо (вышло - с трудом подбирая слова) сказал он.

- Ну, вот видишь, - улыбнулся Сапфиров. Он нисколько не обижался на подобный ответ; вполне снисходительно относившись к полупьянобредовой болтовне давнишнего приятеля. Да и тот знал, что Сапфиров на него "не держит зла". Все-таки, за полтора десятка лет общения они вполне изучили друг друга.

- Да что я вижу? - неожиданно пришел в себя, уже было задремавший, Исаак Альбертович. - Я вижу... - но он, видимо, преувеличил свои силы; а потому (так же внезапно) затих, загрустил, и - напрочь потеряв нить разговора лишь пробурчал что-то типа того, что: "Я вижу лишь то, что вижу!"... А вижу я, - вновь на каком-то подъеме, видимо радуясь, что вспомнил, о чем хотел сказать, воскликнул, вставая, Барт. - А вижу я перед собой отличного парня, своего товарища, который хоть как-то пытается зацепиться за этот шаткий мир.

- Чтобы выжить, - согласился с ним Бенедикт Валерьянович, - исключительно чтобы выжить!

- Да все нормально! - ответил Исаак Альбертович, обнимая за плечи Сапфирова. - Ты лучше ответь мне вот на такой вопрос - зачем ты ему нужен? Или поставим вопрос иначе, - почему сейчас ты ему так стал необходим, что он никуда без тебя ни шагу?

- Сам задаю себе такой вопрос, - признался Сапфиров. - Везде - на встречи, презентации, конференции, поездки, везде я должен его сопровождать. Недавно ездили в Финляндию, так и там, уж казалось, что я-то мыслю в покупках типографии, ан нет, не только настоял, чтоб я ехал с ним, но периодически обращался ко мне во время переговоров, советовался, спрашивал мое мнение, - недоуменно покачал головой Сапфиров.

- Хм, - многозначительно заключил Исаак Альбертович, задумчиво уставившись на товарища. - То, что ему внезапно потребовалось мнение не специалиста - а тебя, мой друг, уж извини, к акулам бизнеса я отнести никак не могу (Сапфиров согласно кивнул головой) - в это поверить трудно - раздумывая, произнес он. - Хотя, может, ему просто

потребовался свежий взгляд. Знаешь, иной раз просто необходимо уйти от шаблонных суждений. А ты, тем более, как никак интеллеktуал. Да и, вроде бы, своего никакого интереса не имеешь. А значит, сможешь сказать так, как оно, как говоритьcя, есть на самом деле.

- Не знаю, - задумался Сапфиров. - Хотя, эта версия имеет право на существование.

- А почему бы и нет? - настойчиво произнес Исаак Альбертович. - По крайней мере, она хоть как-то что-то объясняет?! Ведь иначе - действительно - один темный лес?!

- Да, ладно, - махнул рукой Сапфиров, отклоняясь назад на стуле. - Со временем, я думаю, все прояснится.

- Ну, со временем-то, действительно, все должно проясниться, - многозначительно заключил Барт.

На том приятели и решили. А еще через день, у Бенедикта Валерьяновича появились новые, дополнительные факты для того, чтобы вернуться к недавнему разговору, в который уж раз пытаюсь ответить на все чаще и чаще возникающий у него вопрос: чем вызван такой к нему интерес со стороны Мировского...

ГЛАВА 7

Целый день прождав Мировского в офисе ("...посиди пока в кабинете, полистай газетки..."), Сапфиров уже начал было беспокоиться; как (наконец-то!), позвонивший Георгий Георгиевич (должен же был приехать?!) продиктовал Бенедикту Валерьяновичу адрес, велел срочно выезжать (ты уж извини, брат, никак не могу выбраться, приезжай сам, я тебя жду, тут ребята назначили встречу). Ничего не понимающий Сапфиров взял такси (деньги еще остались с аванса), и уже через полчаса настойчиво звонил в дверь (приехал по записанному адресу - оказалась квартира в сталинском доме), из-за которой была слышна громкая музыка. Наконец, подумав, что "кто-то, что-то" перепутал, и, собираясь уйти, Сапфиров, словно для успокоения совести (к

одной из его характеризующих черт, бесспорно, относится обязательность и пунктуальность) толкнул дверь. Та - неожиданно легко подавшись - отворилась.

- Есть тут кто? - спросил Сапфиров, входя в квартиру. - Георгий Георгиевич? - позвал он и понял, что его, пожалуй, никто не слышит. Слова тонули в потоке музыки, льющейся из двери единственной комнаты. - Георгий Георгиевич! - постучал Сапфиров в дверь и, не получив никакого ответа, прислушался, прислонив ухо к деревянной поверхности. Он вроде бы расслышал какие-то звуки; хотя, точно ручаться не мог. Ведь ему могло и "послышаться". - Георгий Георгиевич, Жора, - постучал он чуть настойчивее; но ответом ему был все тот же синтез барабана, гитары, аккордеона... - да голос (о чем-то орущего) певца. ("Какой-то странный, западный рок, - подумал Бенедикт Валерьянович, - даже пауз нет между песнями?..")

В недоумении Сапфиров огляделся; заметив расположенную слева кухню (дверь была распахнута), - прошел туда; и, присев на один из стульев, решил подождать, что будет дальше. Так прошло четверть часа. Потом еще столько же. Голос в колонках орал, не умолкая. Доносившийся до него звук перебивающего все и вся барабана, казалось, уже начинал отбивать дробь по его голове, в которой появились - все вытесняющие - беспокойно-недоуменные мысли, и, с трудом высидев еще минут десять (все - десять минут жду - и ухожу), Сапфиров поднялся (настроение за день было испорчено окончательно) - и, кляня на чем свет стоит всех этих "новых русских", - направился к входной двери, собираясь побыстрее убраться.

Он даже не понял сразу, что теперь дверь в комнату была приоткрытой. Секунду помедлив (может, показалось? тем более, что он уже почти вышел на лестничную площадку), Сапфиров все-таки решил хотя бы "не обманывать себя" ("все равно потом буду переживать, была дверь открыта или нет"); он обратно переступил порог квартиры и подошел к злополучной двери. Та, на самом деле, была чуть приоткрыта. Слегка поколебавшись (усталость чрезмерного ожидания несколько приглушила сидевший в нем страх оказаться непорядочным. О банальном любопытстве тут не

могло быть и речи. Он был иначе воспитан) Сапфиров осторожно заглянул в комнату.

Сразу в глаза бросилась огромных размеров кровать. На ней - в дьявольском танце извивались несколько обнаженных тел.

Сапфиров всмотрелся чуть внимательнее. Теперь он мог уже ясно разделить клубок переплетенных тел на женские и мужские. Мужское, лежащее на спине с пристегнутыми наручниками (быть может, показалось?) к верхней спинке (действительно - у изголовья) руками, принадлежало никому иному, как Миrowsкому (?!). Ноги у него были разведены в стороны, и привязаны веревками к нижней спинке кровати. Стоны наслаждений Георгия Георгиевича, переходящие в похрипывание, посапывание, попискивание, покрякивание слегка заглушали сумасшедший рок, несшийся из расположенных по обе стороны от кровати больших динамиков. Извивающиеся на Георгии Георгиевиче девушки выделяли, по большому счету, черт-те что. Причем, они не только использовали для удовлетворения прикованного Миrowsкого свои тела, но явно и активно употребляли валяющиеся повсюду (а у некоторых и находившиеся в руках) ремни, зонтики, фаллоимитаторы, вибраторы и тому подобные средства наслаждений, добрая часть из которых отдавала резким садомазохистским уклоном. Девушек было пять. Все, - с разным цветом и разной длины - волосами, разных комплекций (маленькая, обычная, высокая, толстая, худая, с большой грудью, с маленькой и т.п.). Было видно, что тот, кто их сюда собрал - явно проявил изобретательность.

Опомнившийся Сапфиров ("нельзя же столько смотреть, не отрываясь"), собрался уже было незамеченным (хорошо, что незамеченным) отклониться назад, как вдруг он встретился с глазами Миrowsкого.

- Вот влип-то, - корил себя Сапфиров, пулей выскочивший из квартиры, и в беспокойстве прохаживаясь у подъезда (совсем уйти он не решился). Все, более-менее связанные мысли словно испарились, так и не дойдя до какого-либо законченного конца.

- Ну что, заждался, - спросил его, как ни в чем не бывало, Мировский, неожиданно вышедший из подъезда. Одет он был в костюм да наброшенное сверху черное пальто (все-таки начиналась осень). Неизменно серьезное (начальственное) выражение лица Мировского действительно (Сапфиров внимательно всмотрелся) ничем не выдавали недавно происходящего.

Тут же подошла машина.

-- У нас сейчас очень важная встреча, - произнес Георгий Георгиевич, жестом приглашая Сапфирова садиться. Уже в отъезжающем "Мерседесе" Бенедикт Валерьянович, случайно посмотрев в окно, заметил, как одна за другой из подъезда выходят девушки, даже не смотря в их сторону, словно ничего и не было. Инстинктивно проследив за ними взглядом, Сапфиров заметил, как те стайкой направились к стоявшему поодаль микроавтобусу "Вольво".

- Ну, дела, - успел только подумать Бенедикт Валерьянович, как повернувшись к нему с переднего кресла Мировский, принялся подробно инструктировать его по поводу предстоящей встречи.

- Твоя задача особо ничего не говорить, - сказал он. - Просто сиди и слушай. Если я о чем-то тебя спрошу, соглашайся, кивнув головой. Только никак не мотивируй свой ответ. Максимум, что возможно - отвечай односложно. И всегда "да".

- А с кем встречаемся-то? - неожиданно против своего обыкновения поинтересовался Сапфиров.

- С бандитами, - ответил Мировский.

- Сейчас заедем в офис, - устало сказал Мировский после встречи.--Немного посидим, поговорим. И я тебя отпущу домой.

"Встреча" прошла, - как уже повелось у Георгия Георгиевича, - весьма удачно; причем, практически по тому сценарию, который он сам и расписал, когда инструктировал Сапфирова. И еще одна деталь (то, на что обратил внимание Сапфиров): с приехавшими "братками", - ситуация касалась

недавно приобретенного Мировским завода; "продавец" почему-то не уведомил в том свою "крышу", - Мировский разговаривал не только уверенно, но и - довольно жестко; объяснив тем - всю неуместность их "претензий".

Вместо ожидаемой работы, Георгий Георгиевич принялся опять разливать коньяк (да он никак алкоголик?!), а также кое-что объяснил Сапфирову.

- Так получилось, что у меня несколько квартир, - сказал он, после третьей рюмки. - На одной из них ты недавно был. Естественно, ни о какой из них не знает моя жена. Почему я это тебе говорю? - по той простой причине, что иногда мы с тобой будем встречаться на моих квартирах. Иной раз я работаю не только в офисе, - пояснил он, заметив недоуменный взгляд Бенедикта Валерьяновича, тщетно пытавшегося приучить себя: ничему не удивляться.

- Через неделю едем в Швецию, - наливая еще одну (четвертую) рюмку, и плотно закручивая бутылку, отставив ее в сторону, произнес Мировский. - Но это так; просто, чтобы ты знал, - сказал Мировский.

А еще через время он попрощался с Сапфировым, заметив, - что сам останется еще немного поработать. Мол, надо подбить кое-какие дела.

Впрочем, Сапфирову уже было все равно. Он невероятно устал за день. Слишком много было информации. Как он считал, - и не совсем нужной ему. Быть может, даже опасной. Не слишком он любил, - когда люди перед ним так открываются.

- Да, чуть не забыл, - сказал на прощанье Мировский. - Ты, наверное, понял, что у каждого должны быть свои маленькие секреты, - насмешливо - изучающий взгляд Мировского показался Сапфирову очень не приятным. И он поспешил поскорее уйти. На душе (отчего-то) было ощущение, что в будущем его ожидают какие-то неприятности.

И он, в общем-то, был недалек от истины...

ГЛАВА 8

- Что со мной происходит? - размышлял Сапфиров по пути домой (специально вышел из троллейбуса на несколько остановок раньше, чтобы пройтись... собраться с мыслями...). - Всего две недели работы у Мировского, а я уже перестаю себя узнавать?!..

Неужели то, чего раньше избегал, - теперь наоборот, меня притягивает?.. Хотя, что значит - притягивает?!.. Если оно и притягивает меня, то, скорее, напоминает мощный магнит, к которому с чудовищной скоростью прилепляются любые мелкие детали... и никто не спрашивает их - об, их же - желаний...

Но разве можно это хоть как-то соотнести с тем, что происходит со мной?.. Почему я стараюсь терпеть, не показывать виду, обманывая окружающих? (у него перед глазами проплыли - как на большой фотографии - лица сотрудников офиса Мировского. Сам Мировский, отчего-то, высветился крупным планом). Ведь на самом деле, мне абсолютно безразлично то, чем занимаются эти люди... Да, даже дело не в их роде занятий... Они - вообще: безразличны мне. Просто потому, - что они есть. А само их занятие?.. - Сапфиров на миг задумался, вспомнив недавно увиденную картину происходящего в квартире. - ...А ведь Мировскому, пожалуй, нравилось то, что с ним вытворяли, - пришла мысль Бенедикту Валерьяновичу. - Хотя - что я говорю... Ему конечно же это нравилось... И, судя по всему, - подобное он проделывает регулярно... А значит, - уже и не может: без этого...

...Но какой разительный контраст. На работе: в офисе, на встречах (Сапфиров недоуменно вскинул вверх брови, представив вытянутые лица недавних бандитов, которых как мальчишек отчитывал Георгий Георгиевич, вероятно до того что-то успевший наплести о своей значимости), то есть там, где явно ощущается некий официальный статус, - Георгий Георгиевич являет собой грозного, беспринципного, бескомпромиссного, и достаточно жесткого руководителя... Настоящего лидера... И как это разнится с его поведением в квартире, когда он скулил, умоляя "госпожу" (тоже мне

госпожа!) не бить его... Конечно, может он и "возбуждается" только тогда, когда его бьют как собаку (Бенедикт Валерьянович вспомнил лежавшие около кровати розги, ремень, указку...) Или - хочет испытать какие-то новые ощущения?.. А может... - Сапфирову показалось, что он что-то нащупал верное в объяснении поведения Мировского, - может... ему просто хочется побыть (хоть когда-нибудь) слабым, униженным, зависимым... чтобы "не ты, - а тебя" - Сапфиров недовольно сморщился, - насильовали... Ведь, вероятно, есть такая категория людей, (хм) - которым нравится, когда их, - (хм), - "берут" силой... И - ебут, ебут, ебут...

Но если подобному, - внезапно спохватился Бенедикт Валерьянович, - хоть какое и можно найти объяснение... то, совершенно непонятно, - зачем он хотел, чтобы обо всем этом узнал я?... Ведь глупо не сопоставить странную взаимосвязь между: "просьбой" срочного приезда в квартиру, приоткрытой дверью в комнату (то, что она поначалу была закрыта, а потом - нет, Сапфиров теперь не сомневался), водителем Мировского, подъехавшим ровно в тот момент, когда хозяин выходил из подъезда (значит, время было известно заранее!)...

Действительно, - вспомнил он слова Барта, - зачем я ему понадобился?... И ведь, при желании он с легкостью мог сделать так, чтобы я - не только не догадывался, но, пожалуй, и вообще бы не узнал, - чем он занимается, как говорится, во "внеурочное время"... А здесь - явно заметна - преднамеренность. Мировский, словно нарочно, обставил все так, чтобы я о его другой жизни - узнал "как можно быстрее"... Странно?... Странно и не понятно?... Непонятно... Хотя... чем больше об этом думаю, тем яснее начинаю понимать, что это, пожалуй, вообще только "цветочки"... А "ягодки" могут быть такой "клубничкой", что еще придется бежать куда глаза глядят...

... Хотя - что это я впадаю в такую меланхолию? - попытался взять себя в руки Бенедикт Валерьянович. - Ведь на самом деле еще ничего такого (экстраординарного?) и не произошло. Ну, расслабился мужик. Ну, нравится ему "расслабляться" таким образом. А что до меня, так он просто

мог и забыть, на какое время мне назначил. "Замотался", так сказать, - улыбнулся Бенедикт Валерьянович, представив комичность ситуации. - А впрочем, - что это я действительно накручиваю тут сам себе, - уже спокойно (мысли неожиданно успокоились, да и дом виднелся), - подумал Сапфиров.

И лишь где-то глубоко, в самых потаенных уголках подсознания, - предательски пульсировала мыслишка: то ли еще будет?...

ГЛАВА 9

Однако, дома Сапфирова ожидало потрясение иного рода. Застав, вероятно, кульминацию истерики у жены (и это несмотря на ее сильный характер, - все время удивлялся Бенедикт Валерьянович), и с трудом все же успокоив супругу (любимую...нелюбимую?), - Сапфиров услышал новость, от которой сам в бессилии опустил в кресло. У его дочери, Валерии, оказалось подозрение на злокачественную опухоль мозга. Сейчас она находилась в больнице (забрали на детальное обследование, после того как узнали результаты случайно сделанной - внеплановая диспансеризация в спортивной секции - энцефалограммы).

- Да нет, подожди, так просто это не может быть, - попытался собраться с мыслями Бенедикт Валерьянович. - Не может быть, чтобы это было именно так. Вполне возможно, что еще окажется недоразумением... - размышлял вслух Сапфиров, заодно пытаясь успокоить супругу, да и себя...

- Да, опомнись! - закричала на него жена. - Какое может быть недоразумение?! Я же тебе сказала, что врачи...

- Если ты не можешь себя держать в руках - то лучше заткнись сама, - медленно и четко, почти по слогам, произнес Сапфиров с неожиданной - и уж совсем для него не характерной ранее - решительностью.

...Удивительное дело, всегда "забитый" Бенедикт Валерьянович, сейчас чувствовал в себе какую-то

непонятную силу, уверенность, позволяющую ему (сам поражен не менее, чем разом - заметим - притихшая жена) попытаться вполне адекватно (ну надо же, и это я?! - с уже предательски подступавшим - надолго же меня хватило!? - сомнением отметил про себя Бенедикт Валерьянович) оценить ситуацию.

И все же - чуда, конечно же, не произошло. Быть может, была это лишь запоздалая попытка - как оказалось, неудачная - реанимировать (должно же оно у него существовать?!) чувство собственного достоинства? Быть может, - еще что? Но уже в следующую минуту, мысли Сапфинова пришли в такое хаотическое замешательство (причем, не только от наложения одной на другую, но и от разом опешившей жены - начавшей истошно кричать, проклиная его - да, заодно, почему-то, и всех его родственников - последними словами...), что он нервно вскочил с кресла, принявшись беспокойно ходить взад-вперед по комнате.

Должен же быть какой-нибудь выход, - попытался собраться он с мыслями, усилием воли заставляя себя абстрагироваться от происходящего хаоса, в который его ввергала расходившаяся в истерике супруга... Но, как назло (хотя, что там - уж ему-то себя не знать: при любом, - даже маломальском внешнем раздражителе, - способность "к сосредоточению", практически сводилась на "нет"), - у него ничего не выходило.

Следующим шагом (так сказать, почти традиционным после всего подобного), - было посещение бара (пока - домашнего), где он благополучно и напивался.

Причем (и, пожалуй, именно это было самое печальное), - пить он мог несколько дней подряд; пока не начинался запой; переходящий в длительный (месяц, два, три...) - период "ничего неделания"; заканчивающийся (пока еще заканчивался), - так же внезапно, как и начинался. Просто в один момент (когда уже не только пропиты свои деньги, деньги семьи, деньги жены, частично - кто и сколько дал - деньги тетки, друзей, коллег, и просто знакомых, но уже приходилось приниматься за мебель, аудио-видео технику и

т.п. - именно так, после печального краха челночной операции, были пропиты оставшиеся деньги с продажи машины - товар купил почти на все деньги, но остаточная часть от этого "почти", составляла тоже определенную сумму - месяц запоя), Сапфиров просыпался (жена, в первый же день в таких случаях, забрав дочь, всегда уходила к подруге) голодный, холодный, голый... (невероятная загадка - почему голый-то?.. Сколько ни пытался, - Сапфиров никогда не мог ее разгадать); обросший редко-жидкими клочками (вероятно, все же пытался бриться?); обычно, на полу в одной из комнат; и при этом - с поразительно непрекращающейся икотой (громкой - и самого себя раздражающей).

А хуже всего было то, что в эти моменты Сапфирову вовсе не хотелось жить. Однако из-за довольно слабого (ничтожного - как однажды бросила в гнев жена, периодически справляющаяся о состоянии мужа по телефону) характера, Бенедикт Валерьянович был абсолютно не способен на какой-нибудь насильственный уход из жизни (суицидальные казусы не про него); а потому (очень тяжело и нехотя) он был вынужден возвращаться к обычной жизни.

...Проходило какое-то время и, Бенедикт Валерьянович, вроде как, окончательно успокаивался. И так (какое-то время!) продолжалось до того, пока вновь что-нибудь не сбивало его с привычного ритма; и опять следовал неизменный запой.

Похоже, подобное грозило начаться и сейчас. Мозг Сапфирова уже готов был отдать приказ ногам двигаться привычным маршрутом, как неожиданно раздавшаяся трель телефонного звонка внесла свои коррективы.

Однако трубку никто снимать не решался. Звонок замолчал также неожиданно, как и раздался. Но через пару секунд - телефон зазвонил снова.

Теперь уже супруги ринулись к нему почти одновременно. Победила жена. Все-таки спортивное прошлое. Реакция там, и все такое...

- Это тебя, - сказала она, кладя трубку рядом с аппаратом, и как-то по-особому смотря на мужа.

- Сапфиров?! - словно музыкой прозвучал баритон Мировского. - Послушай, Сапфиров, - слегка заплетавшимся голосом (коньячок... - отметил про себя Сапфиров, и где-то внутри живота разлилось тепло от мысли, что он сейчас тоже займется этим же...) вопрошал Мировский. - Чем ты сейчас занимаешься?

Сразу вспомнив о случившемся, Бенедикт Валерьянович поведал все старому товарищу.

- Подожди! - попросил его Мировский, явно собираясь с мыслями. - Слышишь, чуть-чуть подожди... - на том конце провода возникла тишина, - в какой она больнице? - через время, уже с деловой решительностью в голосе (вот оно, спортивно-комсомольское прошлое, - подумал Сапфиров), - спросил Мировский.

Бенедикт Валерьянович, переадресовав вопрос жене - ответил.

- Ничего не предпринимай, я сейчас перезвоню, - выпалил Мировский, повесив трубку.

Сапфиров с супругой сели около телефона, периодически поглядывая на одиноко лежащую трубку.

- Значит, слушай меня внимательно, - позвонил Мировский уже через десять минут. - Сейчас же бери такси и поезжай в больницу. Запомни фамилию - Бомшев. Игорь Андреевич. Это мой хороший знакомый. Главврач одной из клиник. Он сейчас туда подъедет. Жди около регистратуры. Я тоже выезжаю... И не волнуйся так (видно, ощутил его прерывистое дыхание Мировский) - вопрос решим. Все. До встречи, - Георгий Георгиевич повесил трубку.

- Значит, ситуация такая, - пояснил Бомшев (он оказался средних лет, гладко выбритый, в великолепном двубортном сером костюме, с сумкой--ноутбуком в одной руке и брелком "Тайота" в другой, и действительно - главврач одной из частных клиник. А может и ее совладелец?). - Пока это подозрения... Хотя и вполне может случиться - просто надо быть готовым ко всему - что так окажется на самом деле и подозрение подтвердится... Но и в этом случае не повод

опускать руки... Подобное лечат. В том смысле, что делают операцию. Правда, не везде... Но можно и в нашей...

- Ты мне скажи, где лучше, - перебил его Мировский, похозяйски развалившись в кресле главврача больницы, куда они приехали. (Тот тоже присутствовал).

- Если лучше, то за границей, - честно признался внимательно следящий за разговором главврач больницы. (Бомшев в согласии кивнул головой).

- Ну, значит, и будем лечить за границей, - сказал Мировский. - Мне нужно, чтобы сегодня же ее отправили за рубеж, - привычным для себя нарочито уверенным тоном обратился он к обоим главврачам. - Страну и клинику выберите сами. Вопрос в качестве лечения. Все понятно? - спросил он.

- А вы сейчас поезжайте домой, - получив положительный ответ от врачей, Мировский переключился на Сапфирову и его жену (Елена не могла удержаться, чтобы не поехать в клинику с мужем). - Возьмите коньячка. Или водочки. Хорошенько поужинайте. Да ложитесь спать. Завтра в офис не приезжай, - Мировский посмотрел на растерянного Сапфирову, видно запутавшегося как ему реагировать на происходящее. - Отдохни. Побудь с женой, - продолжал распоряжаться Мировский, повернувшись с улыбкой к Елене. - Я сам позвоню и скажу первые новости. Положительные, разумеется! - добродушно рассмеялся он, похлопав Сапфирову по плечу, и продолжая улыбаться его жене. Ну, а сейчас все. Можете идти. А я еще, с вашего позволения (Мировский - продолжая улыбаться - в который уж раз, перевел взгляд с Бенедикта Валерьяновича на его жену, глядевшего на него как на бога, спустившегося с небес), останусь. Надо уточнить кое-какие незначительные детали.

- Вот, это человек! - с придыханием в голосе проговорил восхищенный Сапфиров, когда они вместе с Еленой вышли на улицу. - Вот это человечие! - восторженно добавил он.

- Не тебе чета, - подумала Елена, вспомнив эротичный прищур улыбающегося Мировского. - Ей явно был симпатичен этот человек. И даже больше - если бы сейчас он

вышел следом и позвал ее - хоть куда, хоть на необитаемый остров, хоть в постель, - она бы пошла. Не раздумывая. И дело было вовсе не в том, что жена Сапфинова была развратной особой, готовой, как говорится, с первым встречным. Ни в коем случае. Она о себе была слишком высокого мнения. Поэтому и держалась излишне строго, быть может, слишком часто, бросая пренебрежительную усмешку на очередной взгляд очередного поклонника.

Но в том-то и дело, что тут была ситуация совсем иного рода. И почему-то Елена (чуть ли не в первый раз в жизни) призналась себе, что с таким, как Мировский, она, пожалуй, и готова была бы совершить... все, что он пожелает... Любое, что - без сомнения - вызвало бы негодования у (нет, не у мужа; вернее, и у мужа тоже; но муж - "тюфяк", переживет), вызвало бы взрыв негодования, в первую очередь, у тех пуритански настроенных граждан, которые и подумать бы не могли, что Елена, позволила бы с собой "вытворять" Мировскому... Этому настоящему мужчине...прирожденному лидеру и умнице, - подумала она, садясь в такси, которое (наконец-то!) поймал Сапфинов.

- На Гражданку, - сказал Сапфинов, плюхнувшись рядом с водителем и продиктовав ему подробный адрес.

Машина, взвизгнув тормозами, резко тронулась с места, оставив за собой лишь бестелесное белое облако выхлопных газов с растворившимися в них остатками тревог, волнений, сомнений и всяких прочих мыслей наших героев.

ГЛАВА 10

Произошедшее событие (и главное, поведение Мировского) на миг отогнало ту проблему, выход из которой Сапфинов уже было нашел. А все дело в том, что еще тогда, возвращаясь из офиса Георгия Георгиевича и, вроде как (в результате размышлений по дороге), решив, - по крайней мере пока, - оставить ситуацию в том виде, в каком она и была, - Сапфинов, перед самым входом в дверь своей квартиры, внезапно принял другое решение: бросить (пусть и с таким трудом найденную) работу. Точкой раздора в его мыслях была, конечно же, не сама работа, а Мировский. Бенедикт

Валерьянович довольно ясно себе представил, к чему "подобный союз" мог его привести. (Причем, решение пришло неожиданно. Часа пути от офиса до дома не хватило, чтобы понять то, что он осознал во время ничтожно малого времени, прошедшего от входа в подъезд до входа в квартиру. А понял он, что надо сразу все бросать, и бежать, бежать, бежать от Мировского; исключив любые контакты с ним).

И вот теперь, после того, что тот сделал, узнав о несчастье, постигшем, по большому счету, чужого ему ребенка (позвонивший уже на следующий день Мировский сообщил, что девочка благополучно долетела до Франции, и теперь проходит обследование в одной из лучших клиник Парижа), Сапфирову стало по-настоящему грустно (да что там грустно, на душе кошки скребли) за свое недавно принятое решение. Что стОит весь мир перед слезами одного ребенка, - сказал когда-то Достоевский. Что стОит все то, что могло ожидать Сапфирова, работай он с Мировским, в сравнении с тем, что (не окажись Мировского) могло произойти с его дочерью. Сапфиров достал из серванта початую бутылку коньяка, налил себе полный бокал "с под шампанского" и осушил одним махом. Потом налил еще один, и, собираясь проделать то же самое, был застигнут за этим занятием женой.

- Что, теперь водку решил "жрать" стаканами?! - бросила ему в лицо Елена. (Елена, вообще-то, по крайней мере чисто внешне, производила впечатление, вроде как, и интеллигентной женщины. Но Сапфиров понимал, что детдомовское прошлое - отец погиб, когда ей было лет 5, мать через год наложила на себя руки - волей-неволей давало о себе знать. И, по всей видимости, как следствие тому - иной раз совсем уж неадекватное поведение в обществе, или попросту, неумение себя вести, от которого, впрочем, в большей мере страдал Бенедикт Валерьянович, нежели сама Елена).

- Ну, зачем ты так? - попытался усовестить супругу Сапфиров, тем не менее, поставив наполненный стакан обратно. - Что ты вечно, как зверь рычишь, - неожиданно

Бенедикт Валерьянович озвучил появившуюся у него мысль (или коньяк начал действовать?!) - Что ты орешь на меня постоянно! - воспалился Бенедикт Валерьянович, распустив ворот рубашки (пиджак вообще бросил на стул. Не попал) - Если надоел, так и скажи!

На миг было опешившая от смелости мужа, женщина быстро догадалась, что дело было в уже "принятом". И предпочла ретироваться. Так то (когда трезвый) ее муж был тихий, даже, действительно, какой-то "забитый". Но, по всей видимости, внутри него сидел настоящий бес-разрушитель, которого Бенедикт Валерьянович и благополучно выпускал на свободу в редкие моменты (иной раз, впрочем, становившиеся очень даже - видно нравилось - частыми) приема крепко-алкогольных напитков.

Потому-то Елена промолчала, заметив только мимоходом, что она вовсе не хотела никого обидеть.

- Обидеть! - Уцепился опьяневший (коньяк, да на голодный желудок...) Сапфиров. - Ох, какие мы цацы!... Фи-фи-фи, фи-фи-фи, - начал паясничать Бенедикт Валерьянович, передразнивая жену и для того приподняв штанины и, изображая то ли балерину, то ли пьяную цаплю, сделал несколько трясущихся шагов на цыпочках. - Все из себя воображаем кого-то! - орал он. (Второй стакан последовал за первым, как только Сапфиров улучил момент, когда вспыхнувшая в гневе жена выскочила из комнаты). - Ну куда же ты, цапля моя! (значит все таки цапля) - позерствуя, вопрошал опьяневший Сапфиров, направляясь вслед за женой в другую комнату. Слишком высокая Елена (под метр восемьдесят) порой и правда напоминала цаплю. - Подожди меня, я иду к тебе, - ерничая и гримасничая, Сапфиров пустился на поиски супруги.

Внезапный звонок (который сразу и распознать то - в дверь? по телефону? - было нельзя) прервал дальнейшее развитие сюжета. (Звонил Мирковский, который почувствовав состояние, в котором находился Сапфиров, попросил - попросил! - того срочно одеваться, и через четверть часа спуститься вниз. За ним заедет машина).

Бенедикт Валерьянович попробовал, было, сослаться на случайно возникшие обстоятельства (да ты же сам, в конце

концов, сказал, что сегодня я свободен!?) Но Мирровский был неумолим, еще раз повторив свое решение. (Теперь уже решение!)

- Еленочка! - метался Сапфиров по квартире: из ванной (холодный душ) - в туалет (прорвало), потом в комнату (где моя одежда?), в туалет (опять прорвало), в ванную и т.п. Весь недавний героизм с него спал, и теперь он был похож на общипанного, мокрого, полупьяного заблудившегося и разом постаревшего цыпленка.

- Что мне делать? - жалобно вопрошал Сапфиров, бегая из комнаты в комнату. - Еленочка, прошу тебя, пожалуйста, в последний раз, помоги мне, - канючил Сапфиров, который вскоре замямлил себе под нос слова благодарности (объявившаяся Елена - курила на балконе - бросила тут же ею найденный костюм Сапфирова на кровать, попутно, Впрочем, "подарив" ему такой уничижительно-презрительный взгляд, что тому и вовсе расхотелось вообще все... Тем более - думать, что (через пять минут!) предстанет "перед оком" всевидящего Мирровского...

Но, как бы то ни было, а Сапфиров (в каком бы состоянии не находился, опоздать он не был способен "по принципу"; пунктуальность давно вошла в привычку) в назначенный час стоял около подъезда, ожидая объявленной машины.

"Мерседес" Мирровского, опоздав минут на десять-пятнадцать (в отличие от Сапфирова, Мирровскому, как истинному хозяину жизни, - подумаешь, там, минута-туда, минута-сюда, - было практически наплевать на какую бы то ни было обязательность. И если он кому-то и назначал точное время, - а назначать он любил, - то это означало лишь то, с которого часа должны были ожидать его, Мирровского... Ну, никак не он сам... Причем, в зависимости от того, насколько нуждался Мирровский в человеке, (если вообще в нем нуждался?) - он мог опоздать: от нескольких минут (исключительно редкий случай) до получаса. И, что самое интересное, - люди ждали. Причем, зачастую, при виде наконец-то появлявшегося Мирровского, встречали того придуманной за него же причиной опоздания (мол, пробки, да?!...).

- Извини, что потревожил в выходной день, - приветливо произнес Мирковский, ощупывая взглядом то состояние, в котором находился Сапфиров. - Но на сегодня возникло одно дельце, на котором ты должен присутствовать. А потом отдохнешь, - как можно дружелюбней сказал Мирковский, откидываясь на спинку кресла, и, советуя сделать то же самое Сапфирову (мол, минут двадцать можешь покемарить).

ГЛАВА 11

Читатель, внимательно следящий за теми отрывочными набросками, коими мы пытаемся характеризовать Георгия Георгиевича Мирковского (и, особенно, если сопоставить все полученные данные с тем образом, который, волей-неволей, у нас вырисовывается), пожалуй, уже догадался, что состояние, в коем оказался - и пока еще пребывал, не успев до конца отрезветь - Сапфиров, вполне мог спрогнозировать всевидящий Георгий Георгиевич. Чтобы не предпринимать дальнейшие (и, пожалуй, излишние) попытки запутать наше повествование, объясняя ход мыслей Мирковского, скажем сразу, что так оно на самом деле и было.

А потому, позвонив к нему на квартиру и застав Сапфирова действительно - как он и предполагал - пьяным, Мирковский под выдуманном предлогом (хотя, насколько предложение поработать может быть предлогом, да еще и надуманным?) выманил того из квартиры.

Зачем ему это было нужно?... И куда они ехали?...

А ехали они... на ту самую квартиру Мирковского, где когда-то уже был Сапфиров... Причем теперь, напоив (и без того полупьяного) Бенедикта Валерьяновича еще в машине (...да, кстати, у меня случайно оказалось "Мартини" попей, вместо воды... горло-то, наверное, сушит?... пей, пей, не стесняйся... у меня еще есть...), Мирковский вовлек его в те

развратно - извращенные действия, - в которых некогда участвовал и сам; и которых, - так некогда опасался Сапфилов.

Теперь главным героем был Бенедикт Валерьянович. А Мировский, выступал в неожиданном амплуа видеолюбителя, и уже на следующий день передал зардевшемуся Сапфилову кассету.

(Среди других "действующих лиц" - было с десятков обнаженно-раскованных девушек; с которыми Сапфилов неожиданно стал реализовывать самые гнусные свои фантазии; что, должно быть, невероятно удивило бы людей, знавших Сапфилова; ну, быть может, накопилось...)

ГЛАВА 12

Последующие несколько недель прошли в обычном рабочем режиме: офис, деловые встречи, поездки в другие города (Москва, Саратов, Киев...), включая границу (Финляндия, Швеция, Германия...)

Мировский являл собой пример поразительной корректности (нет, нет, Бенедикт Валерьянович, вот тут Вам надо было говорить то-то и то-то, а вот тут - то-то и то-то) и щедрости (возьмите, вот, честно заработанные денежки, да нет, где же много, наоборот, извините, что пока мало, но остальные все деньги в обороте, и не хотелось бы, знаете, их оттуда пока забирать... Но ничего, Вы должны знать, что все равно все Ваши труды окупятся сторицей... Да ну, что ты (переходы с "Вы" на "ты" иной раз были незаметны и поразительны), не благодари, это действительно очень мало в сравнении с тем, что ты для меня делаешь...)

Причем, что же на самом деле Сапфилов делал такого, за что ему полагались подобные деньги, он, как не пытался, понять не мог.

В один из дней, озабоченный какими-то своими проблемами, Мировский сообщил Бенедикту Валерьяновичу, что тот должен поехать в банк (вместе с бухгалтером,

---

отвезти кое-какие документы, а заодно зайти к управляющему - вот, передадите ему бумаги, - Мировский показал на аккуратно лежащие на столе папки). - Сам я, к сожалению, не успеваю. Надо еще заехать в несколько мест. Деловые встречи (нет, нет, спасибо, я вполне справлюсь сам). Но вот вечером, Вы уж, пожалуйста, постарайтесь непременно заехать ко мне. Где-нибудь часиков в семь-восемь. Обсудим одно интересное дельце...

Как и было запланировано, Сапфиров сделал все, что от него полагалось в этот день. Оставалось только заехать домой к Мировскому (в настоящий дом, а не в "конспиративную" квартиру, где они встречались доселе).

Ровно в полвосьмого вечера Сапфиров пару раз надавил на кнопку дверного звонка и вежливо отступил назад, давая возможность открывавшему Мировскому лицезреть его физиономию на некотором, так сказать почтительном, расстоянии.

Однако, дверь вместо Георгия Георгиевича открыла жена. По всей видимости, увидеть кого-либо, кроме мужа, она не ожидала, а потому немного смутилась, поплотнее запахивая халатик, под которым, как осознал Бенедикт Валерьянович, окинувший взглядом соблазнительную фигуру (с явно, более чем выразительными формами сорокалетней женщины) ничего не было.

- Извините, я тогда зайду в другой раз, - смутился Сапфиров, почувствовав внезапный прилив крови где-то там, внизу живота.

- Да нет, отчего же, если Жора Вам назначал, проходите пожалуйста, - и она чуть шире открыла дверь, приглашая Бенедикта Валерьяновича проходить внутрь.

- Не знаю, мобильный почему-то не отвечает, - произнесла жена Мировского, когда по прошествии получаса, видя, как чего-то смущается гость (даже боится пошевелиться в кресле), решила поинтересоваться у мужа, когда тот придет.

Прошло еще сорок минут (Сапфиров сидел все в том же неподвижно-напряженном положении). Потом еще двадцать. На часах было начало десятого, когда раздался телефонный звонок, и Мировский, сначала супруге, а потом и Сапфирову

(дай трубочку Бенедикту Валерьяновичу) сообщил, что он, к сожалению, вынужден еще немного задержаться, но у него намечается один разговор с Бенедиктом Валерьяновичем (одно, очень интересное, предложение), так что никуда не уходи, дождись, я скоро должен подъехать; ну а пока (дай трубочку моей супруге), - чтоб было чем скрасить ожидание, - посидите за бутылочкой вина (возьми в баре).

Через час (когда захмелевший Сапфиров - что-то пьянел он в последнее время подозрительно быстро - с трудом отводил взгляд от открывавшей вторую бутылку разоткровенничавшейся женщины, у которой халатик то и дело распахивался, приобнажая то пышную грудь, то не менее привлекательные бедра) позвонивший Мирровский сообщил, что, к сожалению, неожиданно возникли неотложные дела в Москве (Сапфиров знал, что там у того было несколько предприятий) и он сейчас находится у трапа самолета. Так что их встречу (еще раз извини, Бенедикт Валерьянович) придется перенести на послезавтра (завтра весь день буду в столице).

Собравшийся было уходить Сапфиров все же поддался уговорам супруги Мировского еще немножечко посидеть (все равно вино я уже "открыла"... а пить сама не могу...), а еще через полчаса он уже обнимал податливое тело женщины, высвобождая ее от надоевшего (постоянно распахивающегося) халатика, и - еще доли секунды - входя в нее своим истосковавшимся (столько-то терпеть соблазны!), разгоряченным и напряженным (порядок слов - любой) членом.

Потом они пили шампанское (несколько бутылок, привезенных из Франции, хранились в баре); потом Сапфиров вновь "брал" (разошедшуюся в исступлении страсти) женщину, жадно задающей вошедшему в нее мужчине, - необходимый (чудовищный?!) ритм телодвижений... А еще через время, - они повторяли все вновь; и, некая "допинговая подпитка" (в виде еще одной, - какой уже по счету? - бутылки шампанского), была как нельзя кстати...

ГЛАВА 13

- Неужели ты и вправду не знаешь, что от него хочешь? - с подозрением посмотрел на Мировского Валентин Сергеевич Гранатов, его старинный приятель, в прошлом работавший, как и он, в горкоме ВЛКСМ (а после и в партии), а теперь (последние несколько лет) занимавшийся издательским бизнесом, которому Мировский поведал о бывшем однокашнике, взятом на работу. - Извини конечно, но, зная тебя - просто не могу в это поверить!?

- Хочешь сказать, что я во всем придерживаюсь выгоды? - подкинул в костер сухих веток Мировский, и посмотрел на товарища, решая, обидеться ему, или нет?..

Погода была идеальная для осени: сухо, прохладно, безветренно, и они - вместе с женами - выехали на "пикничок" недалеко от города, на берег Финского залива. Пока - нечасто видевишиеся женщины - о чем-то весело щебетали, стоя у воды, мужчины, распределив обязанности: Мировский - костер, Гранатов - шашлык, наслаждались своим мужским одиночеством.

- А иначе я и мыслить не могу, - честно признался Гранатов. - Зная тебя, - весело рассмеялся он.

- Ну, может, ты и прав, - согласился Мировский. - Хотя, если честно, я просто хочу создать сильную команду; чтобы не только мне доверяли, но и я мог положиться на любого.

- Не знаю, не знаю, - взглянул на него Гранатов. - А что бы тебе не взять на работу других однокашников? Всяк, добрая половина из них не смогла "приспособиться" к нынешним временам, и перебивается "с хлеба на квас"... Они тоже будут тебе рады... И также преданы, - то ли в шутку, то ли всерьез заметил он.

- Ну, не буду же я их искать по адресным столам, - заметил Мировский, наконец-то справившись с костром (который стал гореть единым большим пламенем), и теперь, отступив от него, кивком головы показал Гранатову, мол, все, моя часть закончена, теперь дело за тобой.

Гранатов тоже кивнул головой, мол, хорошо, у меня уже тоже шашлык нанизан, и достал из стоявшей рядом сумки бутылку водки.

- Не желаешь по пятьдесят? - спросил он.

- Да давай, конечно, - согласился Мировский.

- Де-воч-ки! - Гранатов повернулся к прохаживавшимся где-то около реки женам, вопросительно приподнял над головой бутылку водки. - Не желаете с нами "начать"?

Те махнули рукой, мол, пока без нас.

- А вот у меня нет такого неоценимого работника, - признался Гранатов, разливая холодную прозрачную жидкость в пластиковые стаканчики, заботливо извлеченные из сумки Мировским. - Да... если разобраться, кадры - это вечная проблема, - добавил он расхожий штамп.

- Это уж точно, - согласился Мировский.

- Слушай, а ты не опасаясь, что твой Сапфиров от тебя сбежит?

- Сбежит? - недоуменно посмотрел на него Мировский.

- Ну да! - честно признался Гранатов. - Ведь, как я понимаю, ты его уже начал вводить в курс своих личных дел.

- Все-то ты знаешь, - больше с показным недовольством, чем то было на самом деле, закричал Мировский.

- Или нет? - Не унимался Гранатов, - Я же не знаю всего, конечно... так... предполагаю. (Гранатов знал Мировского уже лет двадцать; а потому, вполне был наслышан и о его, - как бы это помягче сказать, - разгульной сексуальной жизни... Одно время он даже вместе с ним - устраивали подобные оргии... с привлечением полу- проституток, полу-комсомолок... и сейчас, узнав, что старый приятель кого-то к себе приблизил, - он был уверен наверняка, что тот не обойдется и без постепенного приобщения того - к подпольно-сексуальным игрищам... Особенно учитывая, что, вряд ли Мировский потерпит рядом с собой человека, от которого нужно было бы все время что-то скрывать!..

Была, правда, и еще одна причина, о которой Гранатов, несмотря на то, что, как ему казалось, он хорошо знал своего приятеля, даже не догадывался. А это то, что Мировский (где-то в подсознании) чувствуя себя неуютно от собственной порочной сути - стремился вовлечь в нее и

других; тем самым, словно, получая "индальгенцию" (а, на самом деле, высвобождаясь, вероятно, от возникающей тревожности). И при этом, если к относительной "массовости" он все же не стремился (то, что упал в грязь кто-то неизвестный, не вызывает таких злорадных эмоций, как если бы на его месте оказался знакомый человек), удержаться от того, чтобы подобную участь с ним разделил Сапфиров, Мировский не мог.

Быть может, этим и объясняется его первоначальное желание (как можно ближе) приблизить к себе случайно встреченного им однокашника (горячее участие в судьбе дочери того, выделение ему самому солидных денежных вознаграждений - недаром Сапфиров недоумевал, за что можно платить такие деньги - и т.п. - это была все часть одного плана); а после, уже после того, как "рыбка" заглотнет "наживку" (и тем самым окажется на вечном крючке), - и можно будет начинать осуществлять над ним свои (как он их называл про себя, - только про себя, - опасаясь доверяться кому-то) опыты.

Вернее, этот так называемый "опыт", - Мировский только впервые начинал "апробировать"... И "подопытным кроликом" должен был стать - Сапфиров. (Прежде, Георгий Георгиевич все же был действительно занят другими делами; или, говоря еще проще, накоплением капитала. Когда же того "накопилось" более менее достаточно, - так, что вполне, без какого-либо ущерба можно и поделиться, - он заметил, что ему попросту становится скучно жить. А так как в душе Мировский, - что бы там не считали другие, - чувствовал себя ученым: то, вполне объяснимо, что страсть "к экспериментам", - должна была себя проявить. Тут-то и подвернулся Сапфиров).

- Не знаю, - задумчиво ответил на вопрос Гранатова Мировский. Хотя на самом деле он все, конечно же, знал. Просто не хотел ни для кого делать исключение (даже для товарища), излишне распространяясь о своих планах...

ГЛАВА 14

- Что-то ты сегодня припозднился, - сказала Елена, вытаскивая из духовки свежее испеченный пирог с яблоками и обращаясь к мужу, только что пришедшему "с работы" и заглянувшему к ней на кухню. - Ну, да ладно, проходи, сейчас будем кушать.

- А с чем связан такой праздничный ужин? - недоуменно, но в то же время (на всякий случай) улыбнувшись, поинтересовался Сапфиров.

- Если ты имеешь ввиду пирог, то это еще не все, - сказала Елена и, открыв холодильник, ловко сервировала стол: черная и красная икра, жареный лосось, печеный картофель, несколько видов салатов, различная зелень, бутылка шампанского, бутылка красного вина, несколько банок с пивом...

- Ого-го-го, - только успел вымолвить пораженный Сапфиров. - И по какому поводу все-таки торжество?

- Ну, во-первых, можно сказать, просто так, - пожалала плечами Елена. - Это на самом деле не приурочено ни к какой знаменательной дате.

- А во-вторых? - нетерпеливо спросил Сапфиров, которому пришла мысль, что он совершенно ничего не понимает.

- Ну, а во-вторых, - внимательно посмотрела на него Елена. - Я просто неожиданно задала себе вопрос: почему мой муж зарабатывает такие деньги, а мы по старинке экономим на еде?

- Понятно, - догадался Сапфиров, - и это, - он обвел взглядом стоявшие на столе деликатесы...

- Да-да-да, - подтвердила его предположения супруга. - Или вас что-то не устраивает? - полушутя, полусерьезно (как только изредка может шутить всегда внешне строгая женщина) спросила она.

Сапфиров лишь развел руки, мол, все понял - ретируюсь.

- Вот так вот, - почти про себя констатировала факт радостная супруга. Вообще надо заметить, как любой сильной женщине - а супруга Сапфирова себя к таковым бесспорно относила - ее, вроде как, и не должны были слишком радовать маленькие победы над, и так, от природы "закомплексованным" мужем. Но, с другой стороны, она все же в первую очередь была женщиной; а потому, как любой

представительнице слабого пола, ей было вдвойне приятно одержать победу над мужчиной. Даже если он был такой безобидный как Бенедикт Валерьянович. Ведь это все-таки был мужчина.

Кстати, в последний месяц (с тех пор, как начал работать на новом месте) Сапфиров - а, стоило признать, она часто называла его по фамилии,- начинал ее радовать.

Притом, что какие бы то ни было перемены, произошедшие с ним, - были не заметны. Он оставался таким же, как раньше. Скорее всего - (а, именно об этом сейчас размышлял Сапфиров, только что закончивший принимать душ) - все дело было в тех деньгах, кои он стал теперь приносить домой (кстати, сам не зная почему - может, архетипическая, где-то на уровне коллективного бессознательного мужская солидарность - но Бенедикт Валерьянович отдавал жене ровно половину всех денег, полученных от Мировского. Хотя и этого, судя по всему, было более чем достаточно. Как-никак, 2,5 тысячи долларов!)

- Кстати, у меня тоже есть, чем тебя порадовать, - произнес Сапфиров, усаживаясь за стол и открывая бутылку шампанского. Наполнив бокалы, он взял свой и, театрально выждав паузу, во время которой многозначительно смотрел на заинтригованную супругу, продолжил. - Сегодня я разговаривал с Францией... Валерию на днях выписывают из больницы! Диагноз не подтвердился!

...- Еще, еще, еще, - почти что рычала Елена, властно вцепившись ногтями в Сапфирова и задавая ритм его телодвижениям. Вот уже как полчаса, в порыве страсти смахнув скатерть, он, посадив женщину на стол и закинув ее длинные ноги себе на плечи, брал ее, буквально разрывая изнутри своим разгоряченным орудием желания. Вовремя чувствуя подходящий финал, женщина ловко сжимала своими наманикюренными пальчиками два мягких и податливых шарика Бенедикта Валерьяновича, меняя в это время позу - и все продолжалось сначала.

Решив не испытывать выносливость натруженных мышц, супруги (конечно же, не останавливаясь) сползли на

кухонный пол, где продолжили то же самое. Каким-то образом, вскоре они оказались в прихожей, потом в спальне, снова в прихожей, наконец, Елена (а в страсти - и это, как ни странно, она в себе открыла только с возрастом - она была неистощима, не только разрешая и позволяя с собой делать все, что хотели мужчины - помимо мужа, к сожалению (к сожалению, для мужа) были еще двое постоянных любовников, причем, недавно случайно узнавшие друг о друге, и объединившись, они теперь "посещали" Елену вдвоем), почувствовав, что Сапфиров больше не в силах сдерживаться, она ловко выскользнула из-под него (в этот момент он накачивал ее аккуратно между ее двух прекрасных округлых ягодиц, чувствуя там себя заметно увереннее, чем в более традиционном месте) и быстро приоткрыв в страстном томлении еще сохраняющие остатки яркой помады губы - приняла в себя накопившееся желание мужа, после чего откинула голову - со слипшимися и взлохмаченными в страсти волосами - назад, забившись в порыве припадкоподобного наслаждения.

Через несколько минут, приняв душ и достав из холодильника предусмотрительно оставленную закуску (икорка, балычок, лимончик) и холодную, "со слезиночкой", бутылочку "Столичной", умиротворенные супруги, усевшись (или, точнее сказать, улегшись) около телевизора, принялись весело болтать на ничего не значащие темы.

В душе, каждый по-своему, был доволен происходящим.

Вечер подошел к логическому завершению.

Наступала ночь...

ГЛАВА 15

На следующий день, стоило только Бенедикту Валерьяновичу войти в кабинет Мировского, как тот, поджидая его одетый в длинное пальто, смотревшееся, впрочем, несколько несуразно на его низкорослой кряжистой фигуре, кивнув в сторону лежащих на столе папок, велел их положить в портфель, который теперь Сапфиров носил

всегда с собой, и следовать за ним. Когда они вышли на улицу, их там уже поджидал и не только "Мерседес" Георгия Георгиевича и джип "Тайота-Ландкрузер" охраны, но и еще один внушительного вида автомобиль - джип "Гранд-Чероки".

- А это для кого? - мелькнуло в голове Бенедикта Валерьяновича.

- Это для тебя, - ответил на его немой вопрос Мировский. - Водить, надеюсь, не разучился.

- Это мне?!... - вслух удивился, пораженный услышанным, Сапфиров, боясь сдвинуться с места.

- Да, да, - убедительно ответил Георгий Георгиевич. - Вот ключи, - он передал брелок с ключами. - Вот, доверенность на машину (последовала сложенная вдвое бумажка). - Пользуйся!

- Спасибо... - еле выдохнул Бенедикт Валерьянович, все еще находящийся под впечатлением от произошедшего.

- Ну, ну, - одобрительно похлопал его по плечу Георгий Георгиевич. - Садись. Осваивайся.

Сапфиров медленно направился к автомобилю. Обошел его со всех сторон. Сел. Осмотрелся. Включил зажигание. Мотор послушно заурчал, маня своей скрытой мощностью нескольких сотен лошадиных сил.

- Так, - удовлетворенно заметил Георгий Георгиевич, отмечая про себя, что у Сапфинова несколько подрагивают от волнения руки.

Мировский забрался на переднее сиденье.

- Сейчас мы едем на одну встречу, - сказал он. Речь идет об одном из наших химических заводов. В свое время у меня появилась возможность приобрести блокирующий пакет акций. А еще, позже - и перекупить контрольный. "Подставы", конечно, но что делать, - усмехнулся Мировский. - Законы бизнеса. Если - не ты, то - тебя.

Но не в этом суть. Некоторые акционеры, из числа, конечно же, крупных держателей акций, чувствуя, что почва уходит из-под ног и понимая, что оказались практически без ничего, решили натравить на меня бандитов. Но суть в том, что я к этому времени уже полностью избавился от них. И никто не знает истинного положения дел на заводе. Кроме

меня, разумеется. Поэтому твоя задача - убедить их, что завод находится на грани банкротства.

- А ты не думаешь, что они с собой привезут эксперта-химика, который убедит их в обратном?

- В том-то и дело, что нет, - серьезно сказал Мировский. - Этим ребятам просто не найти такого человека. У них в голове-то две гайки да четыре винта. Но, на всякий случай, я с ними договорился, что привезу постороннего эксперта.

- И им буду я, - догадался Сапфиров.

- Да, - запросто ответил Мировский.

- Все ясно, - произнес, уже вполне владея собой и соглашаясь; впрочем - разве у него был выбор? - Сапфиров.

Мировский вылез из машины, оставляя Бенедикта Валерьяновича наедине и давая возможность вникнуть в суть проблем в переданных ему бумагах.

- Ну, как? - спросил Георгий Георгиевич через время, когда Сапфиров, приоткрыв дверь джипа, спрыгнул вниз.

- Все действительно составлено очень грамотно, - достаточно убедительно - с некоей, еле заметной профессиональной завистью к таланту составителя - произнес Бенедикт Валерьянович. - Интересно, кто составлял? Случайно не ты? - Сапфиров заинтересованно посмотрел на Мировского.

- Да нет, - усмехнулся Мировский. - Есть тут у меня... пара экспертов.

- А, ну да, - кивнул головой Сапфиров.

В назначенное время, на трех машинах - два джипа, и "шестисотый", сделанный специально, на заказ, в Германии, "Мерседес" Мировского - они подъехали к одному из мостиков на Крестовском острове. Вокруг была почти что первозданная тишина; немного не характерная даже, для городской парковой зоны Петербурга. Деревья уже начали сбрасывать листву; и та, разноцветными фантиками покрывала начинавшую сесть траву, кружилась в переменчивом течении Невки, обнималась с кувшинками на парковых озерах. Все вокруг никак не располагало к какому бы то ни было "выяснению отношений".

В тот же самый момент, когда они, подъехав к назначенному месту - наслаждались природой, из-за деревьев показалась быстро приближавшаяся кавалькада машин. Удивленный Сапфиров насчитал чуть ли ни с десяток. Правда, машинки все же были так себе. "Девятки" разные, да старенькие "Фольксвагены" попеременно с подержанными "Ауди", да "Тайотами".

Мировский, быстро смекнув, какого уровня перед ним (хе-хе, - усмехнулся он, заговорщически подмигнув Сапфирову, "бандитенки"), стал поджидать "переговорщиков".

Настроение его заметно улучшилось.

Дождавшись пока те выйдут из своих автомобилей, Георгий Георгиевич скептически оглядел приехавших, пытаясь отыскать среди них главного. Внешний вид парней явно оставлял желать лучшего; напоминая, скорее, хипповато-панковскую тусовку, нежели, какое бы то ни было, бандитское сообщество.

Не медля, Георгий Георгиевич первым ринулся в атаку.

Со стороны казалось, что прилично одетый дяденька (вес Мировского приближался к ста кило; при росте не больше метра шестидесяти; по возрасту же, он был даже чуть старше Сапфинова; где-то 41- 42; хотя, быть может, и все 45 - Сапфиров, неясно что-то такое помнил, как, вроде бы еще в институте произошла какая-то путаница с возрастом его однокашника, вроде как "заниженного") и два его старших сыночка (высокие - Мировский был им по плечо - "накачаные" телохранители, в прошлом - мастера спорта: один по вольной борьбе, другой по боксу, в темных костюмах и галстуках, действительно внешне - обоим было по 25 лет - производили впечатление старших сыновей влиятельного папаши) проводили "разъяснительную" беседу с нерадивыми школьниками-хулиганами, лазящими в их сад за яблоками.

Сапфиров даже на миг подумал, что его участия и не потребуется. Те и без того периодически кивали, соглашаясь, головами.

В тот же момент, обернувшийся к нему Мирковский махнул рукой, явно приглашая сыграть роль третейского судьи. Или все же эксперта. Независимого.

- А вот и наш эксперт, - серьезным, без выражения каких бы то ни было эмоций голосом, - произнес Мирковский, представляя подошедшего Бенедикта Валерьяновича. Сапфиров, - как он только что узнал, - должен был играть роль "старшего сотрудника Центра исследований", чуть ли не Академии Наук Российской Федерации.

Сапфиров по-деловому, со знанием дела, быстро посвятил собравшихся в суть вопроса. По его словам (как и было предварительно оговорено с Георгием Георгиевичем) завод влачил жалкое существование, выпуская неликвидное и абсолютно не конкурентоспособное сырье на устаревшем оборудовании.

- Так на чем вы еще держитесь? - искренне задал вопрос старший из парней, лет 30-ти, в потрепанной джинсовой куртке и таких же брюках.

- Да в том-то и дело, что эти "волчары" мне самому дурачили глаза, - искренне ответил Мирковский, изображая из себя "одураченного" хозяина. - Я сам только недавно, после того, как вы мне назначили встречу, решил попытаться вникнуть, чем они там занимаются, - доверчиво продолжал говорить Георгий Георгиевич, панибратски обращаясь к разомлевшим от такого доверия "браткам". - Вот, даже, в НИИ обратился... попросил "добрых людей" сделать подробный экспертный анализ... Оказалось - пшик, - обижено (мол, надо же, столько времени "водили за нос") развел он руками.

- Что будете теперь делать? - участливо спросил парень, уже сожалея, что ввязался в подобную авантюру. (Хотел заработать денег, - оказалось, что и брать-то не с чего).

- Да, закрою к чертовой матери, - так искренне ответил Мирковский, что ему чуть не поверил - вовремя спохватившийся (чертовщина какая-то!) - и сам Сапфиров. Впрочем, Мирковский, на самом деле, был "искренен" (вот уж, пропадает дарование, - пронеслось в голове Бенедикта Валерьяновича); он просто научил себя верить, - тому, что

должен был говорить. И верить вдвойне, - если то был явный обман. Иначе, не поверят другие.

Поняв, что здесь ловить действительно нечего, парни, вежливо попрощавшись, попрыгали в свои авто, решив ехать вымещать злобу на "так подставивших их" коммерсантов, обещавших - что "дело верное".

- Прощайте ребята, - с небольшой толикой грусти Мировский смотрел вслед удаляющимся автомобилям. Ему всегда было как-то неловко видеть "несчастных" людей.

- Ну, а теперь можно и отдохнуть, - повернулся он к (тоже смотревшим вслед уезжавшим) телохранителям и Сапфирову.

- Так, на сегодня можете быть свободны, - он раздал парням по паре стодолларовых бумажек (поезжайте куда-нибудь, расслабьтесь. Считайте, что это премия за сегодняшний день). - А ты, Бенедикт Валерьянович, садись в свой "Чероки" и следуй за мной. - У нас еще намечена отдельная культурная программа. - Да, кстати, все твои "верительные грамоты" можешь отдать мне.

- Вот, - получив папки из рук, убравшего было их в портфель, Сапфинова, он передал их парням. - Отвезите в офис. Пусть секретарь положит ко мне в кабинет, - распорядился он, пожав им на прощание руки и, кивнув Сапфирову, мол, давай, садись в свою машину, направился к "Мерседесу".

Вскоре все разъехались. На примятую колесами траву вновь стали падать темно-красно-желто-бурые листья, до этого устилавшие капоты, багажники и крыши стоявших машин, а подувший ветерок быстро рассеял выхлопные газы уехавших автомобилей, замечая следы пребывания людей, и вновь являя природе ее первозданную красоту.

День только начинался.

- Располагайся! - Мировский щедрым жестом окинул просторную комнату одной из своих квартир, куда он привез захмелевшего (после так удачно закончившейся встречи они заехали в ресторан) Бенедикта Валерьяновича. - Вот тебе пульт от видеомэгнофона и телевизора. Вот - он протянул ему пластмассовую коробочку, от музыкального центра. - Кассеты в ящике. - Пользуйся! - распорядился он. - А у меня еще небольшое дельце. Я отлучусь всего минут на тридцать-сорок.

- Да, кстати, - сказал он, выходя из комнаты и открывая крышку расположенного в стенке бара. - Все напитки тоже в твоём распоряжении. Если хочешь что перекусить, - Мировский показал в сторону кухни, - холодильник забит до отвала, - на его лице появилась улыбка школьника, ожидавшего похвалы за принесенную пятерку.

- Я скоро вернусь, - еще раз попрощался он и вышел из квартиры.

Сапфиров включил музыкальный центр, выбрав какую-то кассету, вставил ее в видеомэгнофон и, поставив все на умеренную громкость, подошел к бару, налил себе полный бокал "Мартини", махом осушил его, налил еще один, и, сделав несколько глотков, направился на кухню. Заглянув в холодильник и, секунду подумав, решил, что, пожалуй, пока он есть ничего не хочет, Бенедикт Валерьянович пошел обратно в комнату. Неожиданно он заметил еще одну дверь.

- Странно, - пронеслось у него в голове. - Я что-то ее раньше не замечал. - Он толкнул дверь и вступил внутрь, заинтересованно осматриваясь. Комната являла собой точную копию той, откуда он только что пришел. - Ничего не понимаю? - подумал он. - Зачем в одной квартире две одинаковые комнаты?

Неожиданно в дверь кто-то позвонил. Потом еще, и еще раз, уже настойчивее.

Сапфиров прислушался. Ему показалось, что он слышит многочисленные голоса, женские и мужские, как будто там, за дверью, кто-то шутил и смеялся.

Сапфиров подошел к двери. Звонок уже не умолкал.

- Хозяина нет дома, - сказал Сапфиров, но, заглянув в глазок и увидев стоявших на лестничной площадке нескольких молоденьких девушек, он тут же, смутившись от своей излишней предосторожности, отворил дверь.

- Здравствуйте, - поздоровалась (несколько вышедшая вперед) юная симпатичная брюнетка, являя собой популярный стандарт 90-60-90. Правда, первый показатель у нее явно превышал норму сантиметров на десять. - Нас пригласил Георгий Георгиевич, - сказала она, тоже от чего-то смутившись. - Мы танцевальная группа "Лучи рассвета". Георгий Георгиевич обещал нам поддержку, - откровенно призналась она, видимо - подумал Сапфиров - попытаюсь объяснить цель визита. - И дал этот адрес, - продолжила девушка, - назначив сегодняшний день. А его нет? - обеспокоено спросила девушка и беспомощно оглянулась на стоявших позади остальных?

- Теперь у Сапфирова появился повод взглянуть на ее спутниц. Это были четыре девушки. Цвет волос у каждой индивидуальный, присущий только ей - белый, черный, желто-рыжий и красный - фигурки же у всех, как у одной - у брюнетки. Были еще и два парня, которых Сапфиров не сразу и заметил. - Чуть выше среднего роста, лет по 18-20, худощавые и женственные, с длинными, до плеч, и черными, как смоль, волосами. - Этакие, танцовщики-испанцы, - внезапно подумал он. - Тогда как у всех девушек прически чем-то напоминали "каре". По крайней мере, длина была не больше.

- Заходите, - сказал Сапфиров, отступая в сторону и давая возможность пройти молодой группе. - Георгий Георгиевич будет минут через тридцать. Пока можете его подождать... - Бенедикт Валерьянович на миг задумался, решая какую же комнату им предложить. В одной ему велел ждать сам Мировский. А о другой, получается, он узнал сам. - ...проходите вот сюда, - Сапфиров показал (на закрытую ранее) комнату.

- А я, с вашего позволения, - Сапфиров задержал взгляд на выпирающем из-под футболки бюсте одной из девушек, и, сглотнул предательски подкатившую к горлу слюну, - побуду в другой.

- Не "Лучи рассвета", а какие-то "Лучи секса", - пришла ему мысль, когда он, оставив девушек, прошел в другую комнату, усаживаясь на диван.

Его взгляд случайно скользнул по экрану телевизора. Удивленно взглянув еще раз, Сапфиров чуть не вскочил, но, постаравшись держать себя в руках, подошел к уже открытому бару... Налив сразу два бокала с "Мартини", он почти разом осушил их один за другим, и, теперь уже как вроде немного успокоившись, еще раз взглянул в экран телевизора. Там двое полуобнаженных чернокожих парней занимались любовью с зажатой между их мускулистыми телами белокожей девушкой, формы которой явно напоминали угадываемые под одеждой у недавно виденной "солистки".

- Разрешите? - в комнату заглянула брюнетка.

Сапфиров, дернувшись от неожиданности, оглянулся.

- Вы все же не подкажете, Георгий Георгиевич сегодня точно подъедет? - с застенчивой улыбкой спросила она. - У нас вечером еще выступление. Может, лучше зайти в другой раз? - нежно проворковала она. Неожиданно взгляд девушки скользнул по экрану телевизора, и она тотчас же покраснела. Или это Сапфирову показалось?

- Да нет, нет, - Сапфиров, заметивший реакцию девушки, сделал шаг ей навстречу, теперь, вероятно, уже наверняка, закрывая телевизор.

- Георгий Георгиевич обязательно приедет, - поспешив необычайно вежливым голосом (удивился сам) исправить положение, но при этом так некстати - и что это он так робеет перед молоденькими девушками? - почувствовал, что стыдливая краска приливает и к его лицу. - Не желаете немножечко "Мартини"? - спросил он, желая хоть каким-нибудь действием скрыть неловкость.

- О, я даже не знаю... - смутилась девушка.

- Давайте-ка выпьем, - с появившейся откуда-то уверенностью (что совсем, надо заметить, было не свойственно застенчивому и вечно сомневающемуся Бенедикту Валерьяновичу, иной раз боящемуся сделать

лишний шаг, опасаясь быть неверно понятым) Сапфиров шагнул к бару, наливая два бокала "Мартини", и протягивая один из них девушке. - Как Вас зовут? - спросил он, удивляя уже сам себя.

- Снежанна, - ответила брюнетка, принимая из рук Бенедикта Валерьяновича бокал. - А Вас?

Сапфиров представился. Подняв бокал и показывая пример до сих пор еще смущенной девушке (давайте - давайте), он медленно стал пить. Заметив, что девушка последовала его примеру, Сапфиров налил еще.

- О, нет, мне, наверное, будет много, - засомневалась Снежанна, собираясь поставить бокал на барную стойку.

- Ну что же Вы, - вежливо произнес Сапфиров, подставив ладонь под дно ее бокала. - Это всего лишь "Мартини", - улыбнулся он.

Подождав, пока девушка, сделав несколько глотков, уберет от губ бокал, Сапфиров неожиданно - и в первую очередь для себя - прижал безропотно подчинившуюся фигурку, почти в то же мгновение отыскав податливо раскрывшиеся губы.

- Нет-нет, - брюнетка все же попыталась (неловко и неуверенно, словно раздумывая: а стоит ли это делать?) выставить ему навстречу руки, но, распалившийся от страсти Сапфиров, лишь обнял еще крепче.

У девушки оказалась настолько тонкая талия, что Бенедикт Валерьянович почувствовал, что вполне может удерживать ее одной рукой; поэтому другую он пустил "в исследование" фигурки, беззастенчиво скользя по упругим холмикам, скрывавшимися под джинсами, и почувствовав, что брюнетка, вроде как, уже и не "сопротивляется", он слегка приотпустил ее, и, помогая девушке освободиться от ненужной ткани, стал жадно целовать ее озорные, торчащие в разные стороны груди. Неожиданно брюнетка положила свою ладошку туда, где у Сапфирова уже давно бушевало пламя. Заглянув в глаза мужчине, взгляд которого говорил сам за себя, девушка присела и, выпустив наружу желание, жадно обхватила его губами.

В момент, когда брюнетка жадно стонала, водрузившись на "распластанного" Сапфинова, в комнату заглянула еще одна девушка, которая, впрочем, оказалась более практичной подруги, а потому, без каких-либо дополнительных прелюдий - лишь только мимоходом, пригубив прямо из бутылки "Мартини" - тот час же присоединилась к "влюбленным".

Когда вернулся Мирковский, он застал сцену, в которой вся группа "Лучи рассвета" - до того успешно опорожнив почти все содержимое его двух баров - предавалась сексуальным оргиям, казалось, на специально отведенном для этого (исходя из размеров) диване. И не последнюю роль в этом "ансамбле" играл Бенедикт Валерьянович, о чем (ха-ха) Георгий Георгиевич ему и напомнил на следующий день (в офисе), поставив видеокассету (оказывается, от начала до конца все снимала камера), на которой Бенедикт Валерьянович "забавлялся" (надо же было так напиться?!) не только с девушками (с одной... с разными... в разных позах...), но и ...с молодыми парнями (!) Причем - как усмехнулся Мирковский - у Сапфинова последнее получалось даже с большей заинтересованностью.

На лбу Бенедикта Валерьяновича выступили крупные капли пота.

- Не может быть?! - с невероятным усилием (что там было больше - страха? отчаяния?) прошептал он, с трудом удерживая равновесие, чтобы не свалиться в обморок.

- Да брось ты! - просто сказал, как отрезал, Георгий Георгиевич, нажимая "Stop" на пульте видеоманитфона. - Кассету можешь взять "на память", - ответил он, отмечая про себя как Сапфинов, тут же вскочив, стал вынимать "компромат" из магнитофона. - Тем более, я ее переписал специально для тебя, - весело рассмеялся Мирковский, заметив, как изменилось лицо у его однокашника, попытавшегося тотчас же сделаться меньше и незаметнее... - Да, не переживай ты так, - попытался успокоить его Мирковский. - На вот, выпей лучше коньячка, - он протянул ему рюмку. - Я же никому не собираюсь об этом говорить...

Да, и с кем не бывает?! - участливо произнес он, искоса поглядывая на еще больше сникшего Сапфинова.

В течение рабочего дня, Бенедикт Валерьянович был сам не свой, став еще более печальнее и мрачнее, чем он, быть может, был и так.

Казалось, он был готов по одной команде выполнить приказ любого, начиная с Мировского и заканчивая секретаршей.

Так он был подавлен, уязвлен и ...поражен случившимся.

- Ну, надо же, какие метаморфозы? - подумал Мировский, вспоминая, как запечатленный на кассете Бенедикт Валерьянович властно отдавал приказы облепившим его юношам и девушкам, направляя в нужное русло (находившийся под его полным контролем!) процесс гомогетеросексуальной оргии. - Совсем другой человек?! - продолжал удивляться Мировский, тем не менее, удовлетворенно потирая (мысленно) руки. Первая часть его "опыта" удалась. "Объект" себя вел в полном соответствии с той ролью, которая ему была отведена на начальном этапе. Георгий Георгиевич мог торжествовать первую победу.

Он налил себе еще коньяка и, выпив, достал из кармана пачку стодолларовых купюр, задумчиво пробежал по ним взглядом (словно сосчитывая), после чего протянул понуро сидевшему Сапфинову.

- На вот, это что-то вроде премии, - сказал он.

- Премии за что? - слово на автомате, но в то же время с - впервые за время его общения с Мировским - прозвучавшими металлическими нотками в голосе, поинтересовался Сапфинов, не отрывая взгляда от пола.

- За работу, мой друг, конечно же, за работу, - улыбнулся Георгий Георгиевич (про себя подумав о двойственности сказанного) и ласково похлопал Сапфинова по плечу. - Купи своей семье какой-нибудь подарок, - сказал он, - завтра же тебе предстоит встречать дочку.

- ?! - приподнял глаза Сапфинов.

- Да-да, твоя дочь уже возвращается, - никогда не отказывающий себе в удовольствии к подобным эффектам, произнес Мировский. - Записывай рейс.

Сапфиров совсем "потерявшись" достал блокнот, сделав необходимую запись.

- Ну, вот и хорошо, - согласился Мировский. - Завтра можешь не приходить. Побудь с ребенком. А послезавтра - жду с самого утра, - сказал он, протягивая Сапфирову руку, - не переживай. Все в жизни надо уметь сносить легко. И победы, и поражения. Тем более видимых поражений у тебя и нет. Каждый волен вести свою частную жизнь так, как ему заблагорассудится. Она поэтому и называется - частная, - добавил на прощание он, сощурившись в своей - все чаще теперь замечаемой Сапфировым - привычке.

На душе у Бенедикта Валерьяновича было беспокойно.

ГЛАВА 17

- Послушай, Исаак Альбертович?! - вопрошал пьяный Сапфиров, обнимая зашедшего к нему Барта (Бенедикт Валерьянович пил уже неделю. Жена, опять убежавшая к тетке - вот две змеюки! - предприняла попытку хоть как-то остановить мужа - позвонив их "другу семьи" - Исааку Альбертовичу Барту, который, поначалу отнекиваясь, у самого, мол, много работы, в итоге все же поддался на уговоры и приехал. Но Сапфиров напоил и его. И теперь, вусмерть пьяные, они сидели, обнявшись, за кухонным столом, на котором была разложена закуска). - Неужели тебе никогда не хотелось послать все к черту, да сбежать куда-нибудь на необитаемый остров?

- Хотелось, наверное, - с характерной его национальности уклончивостью, отвечал Исаак Альбертович. Его принадлежность к сынам Моисея ни у кого не вызывала сомнений. Все, как говорится, было налицо. Вернее - на лице.

- Ну, так что же тебе мешает? - затуманенными глазами посмотрев на товарища, поинтересовался Сапфиров.

- Ну, ты понимаешь... - в который уж раз пробовал объяснить Исаак Альбертович. - Все-таки у меня есть определенные обязательства перед обществом.

- Да, брось ты! - махнул рукой Бенедикт Валерьянович. - Какие могут быть обязательства, когда это самое общество поступает с нами как захочет?!

Сапфиров был не в силах признаться старому приятелю о произошедшем с ним случае в квартире Мирковского; и Барт - видя состояние Сапфирова - был искренне уверен, что его друг просто не справился с хлынувшими на него деньгами.

- Чем ты можешь сейчас быть недоволен? - недоуменно вопрошал Исаак Альбертович. - Сначала ты долго сидел без определенной работы и, как следствие этого, без денег. Теперь, когда твой месячный доход намного превышает среднестатистический по России, - ты снова пьешь?!

- Пью! - заплетающимся голосом произнес Сапфиров, разливая в стоящие перед ним рюмки водку.

- И я тоже пью, - вздохнул Барт, принимая из рук старого товарища рюмку. - Вот, только не знаю, почему?

- А может, тебя тоже заела эта среда? - многозначительно посмотрев на Барта, заметил Сапфиров.

- Может, - согласился тот. - Хотя... все-таки не может, - немного подумав, опроверг он предположение Бенедикта Валерьяновича.

- Может, и не может... - раздумчиво повторил Сапфиров, слегка посмаковав эту вступительную часть, самое, как говорится начало - тривиальное и давно приевшееся философских размышлений - А знаешь, что? - он внимательно посмотрел на Исаака Альбертовича. - Возьми меня к себе в институт. Хоть лаборантом, - попросил он.

Барт замялся. Ему было неудобно отказать товарищу, почти что другу, которого, притом, знал очень много лет. Но все же он понимал, что взять его не может. Сколько бы тот не просил. И дело тут даже не в том, что не было места (хотя того тоже не было). Но все же, если поднапрячься, проблему можно было решить, взяв того или лаборантом, или что-то около того. Но ведь, это бы означало, что в ту лабораторию, где будет работать Бенедикт Валерьянович, для него, Барта,

---

больше ходу нет. Смотреть в глаза человеку, работавшему когда-то заведующим лабораторией крупного НИИ, доценту, кандидату наук, да, своему старинному приятелю, наконец, Барт бы попросту не смог. Но и места "повыше" давно были все заняты людьми, которым (им, или их родственникам) когда-то Барт был обязан. Как говориться, круговая порука.

И все же, не это смущало Исаака Альбертовича. И даже не то, что в один прекрасный день его друг не придет на работу, найдя какую-нибудь традиционно-уважительную для "запойщиков" причину. Нет. Исаак Альбертович просто знал, что Сапфиров, сколько бы не ругал свою нынешнюю работу - оттуда никогда не уйдет. И, как минимум, две причины, которые по мнению Барта на то были - значительно перевешивали все остальные. Во-первых, - это огромные деньги, которыми, как уже было понятно, более щедро его одаривали. А во-вторых - элементарное чувство порядочности, которым всегда отличался Сапфиров, и которое в свою очередь не позволило бы ему теперь "повернуться спиной" к человеку, который так много (а сомневаться в благородстве Мировского - было бы, по меньшей мере, кощунственным) для него сделал.

И Бенедикт Валерьянович, впрочем, это понимал не хуже Барта. Поэтому-то он и пил сейчас, зная, что завтра: попарится в баньке, окунется в ледяной бассейн, даст себя выжать массажисту, сходит в салон-парикмахерскую, - в общем, приведет себя в самый надлежащий вид, дабы предстать перед Мировским даже без намека на недельную пьянку. Так. Болел, мол, просто. Простудился. Но сейчас - снова здоров. И готов с новыми силами окунуться в работу... И в разврат... на этой работе...

Из головы Бенедикта Валерьяновича все никак не уходило увиденное им на кассете... Зачем все же Мировский снимал? Неужели ему для каких-то целей понадобился компромат на него?.. И на кого - на кого? На своего секретаря-референта Бенедикта Валерьяновича? Или на бывшего однокашника Сапфирова? А может, на мужа жены Елены? Недаром Бенедикт Валерьянович стал замечать, что в последнее время его жена как-то разом похорошела, расцвела. Причем, если все это еще и можно было - сославшись на внезапное

улучшение финансового климата - хоть как-то объяснить, то ее внезапные отлучки?... (ой, забыла сказать, сегодня у сотрудницы на работе день рождения, позвонили - нужно было срочно бежать на примерку; позавчера?... позавчера... хм, так позавчера - в школе была внезапная проверка... комиссия из ГорОНО...)

И все это было на фоне того, что Елена - ссылаясь на чрезмерную занятость и - отсюда - усталость - практически до минимума сократила выполнение своих домашних обязанностей (так называемый супружеский долг был не в счет - здесь Елена по-прежнему отдавалась Сапфирову с присущей ее темпераменту страстью); но, вот, поздние приходы домой ("а, все равно, автобусы не ходят, метро закрыто, в такси - не "содают")... никак не хотели объясняться с позиции элементарной логики...

Но, и без каких-то "дополнительных обоснований", - Сапфиров понимал, что с его женой произошли какие-то изменения. А, сопоставив факты и вспомнив, что все это случилось аккуратно после первого знакомства Елены с Мировским (от Сапфирова тогда не ускользнуло, какими глазами она смотрела на Мировского), Бенедикт Валерьянович понял, что у него есть серьезные основания подозревать супругу.

Кстати, когда-то, схожий взгляд Елены (тогда еще - студентки), Сапфиров ощутил на себе; и уж кому, как не ему, не знать, - что он означал; вернее, на что была готова его обладательница... В первый раз у них все "случилось" в первый день знакомства, в одной из лабораторий, где, повалив на стол несколько не сопротивлявшуюся студентку, доцент Сапфиров тот час же убедился, что мог делать с ней все, что хотел.

А, по тому, как она "доверилась" ему, - Сапфиров тогда понял, что впредь следует руководствоваться только одним правилом: можно везде, куда угодно, как угодно, и сколько угодно!.. Причем, должно быть тогда же, у Бенедикта Валерьяновича появилась странная мысль: а кто из них старше?... Ну, в смысле - опытнее?... И по всему выходило что она! Десятилетняя разница в возрасте - не в счет! Ибо, как раз в части опыта - ей было не занимать. Она могла дать

фору любому! И только через час - час самых разнообразнейше-изошренных любовных утех - расставшись с ней, - Елена тогда готовилась стать учителем математики, - Сапфиров, на шатающихся от усталости ногах, еле добрался до стула; а Елена, "поблагодарив" Бенедикта Валерьяновича за полученное удовольствие, быстро одела входившие тогда в моду джинсы, и, помахав на прощание изможденному доценту, весело выпорхнула из аудитории. У нее еще оставалось две пары занятий. А вечером - тренировка по волейболу).

И вот теперь оказывалось, что он подозревал свою супругу - в адюльтере. И, ни с кем иным, - как с его непосредственным начальником, как он считал приятелем - быть может, даже другом, товарищем - и бывшим однокашником - Георгием Георгиевичем Мировским.

Это была еще одна причина, по которой он сейчас пил. Но неожиданно пить ему вовсе расхотелось. Попытавшись придумать причину, чтобы выпроводить уснувшего прямо за столом Барта, Бенедикт Валерьянович ничего путного так и не решил, как попросту став настойчиво трясти того, бормоча что-то про "внезапно возникшие дела". И, осознав безрезультатность, - сбежал вниз, за водителем Барта; и уже вместе, им удалось затолкать тело директора в машину; после чего Бенедикт Валерьянович поднялся наверх и завалился спать; поставив будильник на три часа дня, чтобы (проснувшись через час) успеть привести себя "в надлежащий вид".

Перед Мировским он собирался предстать уже завтра. И, по всей видимости, потребовать - объяснений.

ГЛАВА 18

Георгий Георгиевич радостно потирал руки. Все проходило, как он и ожидал.

Однако, это была только первая часть плана. Сапфиров уже был на том крючке, с которого было не так просто соскочить. Но, беря во внимание соседствующую почти в

каждом человеке, наряду со здравомыслием - сумасбродность, когда, даже загнанный заяц, не видя больше никакого пути к спасению, неожиданно падает навзничь и ударами задних лап убивает преследовавшего его коршуна, что уж тогда говорить о человеке; Георгий Георгиевич решил подстраховаться: еще туже затянув петлю на шее бывшего однокашника. А это можно было сделать не иначе как, вынудив его, Сапфинова, заниматься теми делами, из-за переживания от последствий которых, тот уже неделю как беспробудно пил, не появляясь на работе.

Но пока он решил его не тревожить; дав время - свыкнуться (Сапфинову) с происходящим. Необходимо было как-то закреплять достигнутый успех. Именно над этим и размышлял Мировский, собрав небольшой "консилиум" из своих знакомых, которые, все без исключения - а это пять молоденьких мальчиков - были, как говорится, нетрадиционной сексуальной ориентации. Вот, от них-то и хотел, сейчас Георгий Георгиевич, что бы они в разных, - с прогнозируемым результатом, - планируемых сейчас ситуациях, появились перед Сапфиновым. Для всех была поставлена одна задача - спровоцировать Бенедикта Валерьяновича на сексуальный контакт. А, чтобы тому легче было согласиться, и заодно, чтобы хоть как-то завуалировать свою истинную цель, каждому из мальчиков в поддержку были приданы по две девушки. Самой, что ни на есть, эротической внешности. Таких, при виде которых - большей частью, из-за читавшейся на их лице доступности - хочется всегда.

Каждому из пятерки была выдана видеокамера.

Тому, у кого должно было "получиться первым", - полагался приз; три тысячи долларов. Помимо текущих расходов.

Если получится и у остальных (а то и у всех), - каждому последующему: на пять сотен меньше, чем предыдущему. Такая вот - лотерея.

А чтобы подтвердить свои намерения, Мировский продемонстрировал им специально отведенные на эти цели

тридцать тысяч долларов (если все сделаете, как задумано, - будет вам еще по одной премии! После чего пожал каждому руку, заверив именно его, что он надеется, что тот будет первым.

Так вступила в действие вторая часть плана.

Теперь дело оставалось за малым. Надо было сидеть и ждать. Вернее, не сидеть, конечно же, заниматься своими обычными делами - тем более, что, увлекшись этой завлекающе-эротической игрой, он несколько подзабросил и свою основную работу. Но по большому счету Мировский не переживал, рассудив, что главное - получить моральное удовлетворение. А работу он наверстает. Пока пусть работают его управляющие. Тем более, что на каждом его предприятии (а это с десятков заводов, несколько фабрик, уже две - недавно прикупил еще одну - типографии, сеть ресторанов - казино - магазинов, ну и еще кое-что там "по мелочи", типа - собственного кинотеатра, или нескольких - скупленных на корню у разорившихся крестьян - колхозов...) была своя команда топ-менеджеров. И поначалу, вдававшийся в каждое производство Георгий Георгиевич, постепенно перешел к тому (времени на все не хватит!), чтобы осуществлять только общее, так сказать, центральное руководство. А так как, пока все работало и без его участия, - он вполне мог позволить себе реализовать какой-нибудь новый проект. Как говорится - для удовольствия. Кто-то играет в гольф или футбол, катается с гор на лыжах, "качается" в тренажерном зале или борется со стрессом, нещадно выбивая его из боксерского мешка, а он, - Георгий Георгиевич Мировский, - отдыхает, только когда видит, что кто-то попал в расставленную ловушку; и - пытаюсь выбраться - карабкается, ругается, ползает, взывает к пощаде; не понимая, - что выхода нет; и ему уготовано бродить по запутанному лабиринту, ловя миг удачи, зависящий исключительно от воли его - Георгия Георгиевича Мировского. А он, Георгий Георгиевич, будет наслаждаться, наблюдая за потугами своей жертвы; и именно осознание собственной власти - и было то, ради чего затевалась долговременная игра. Жертве, - уже никогда не будет

позволено выбраться из загона; и уготована роль - тешить алчное самолюбие Мировского...).

Такую (или примерно такую) картину - Мировский рисовал себе сам. Прекрасно понимая - что он из себя представляет. Или, все же, - подобное понимание проявлялось лишь в минуты каких-то откровений? Но, уж наверняка - Георгий Георгиевич нисколько не беспокоился, что кто-то, как-то, называет его "за глаза". Он достаточно трезво смотрел на жизнь. А особенно - на неудачников в этой жизни.

И если разобраться, - то кто, на самом деле, - более ничтожен? Победитель или проигравший? Тот, кто мог торжествовать победу всегда? Или те, кто лишь на миг вкусил удачу? А потом - упал лицом вниз?

Тот, кому достались лавры победителя (а значит: деньги, власть, положение в обществе) или, - кто уже никогда не способен "подняться"?! Кого легко - можно растоптать в грязи?

Кто в этом "спектакле" был главным? Не он ли, - Георгий Георгиевич Мировский, бывший комсомольский работник, а ныне крупный бизнесмен, шутя, как с солдатиками, играя с человеческими судьбами?!

Ни ему ли, - по гроб жизни обязаны те, кого он взял на работу; и которые, благодаря ему, - а платил он всегда щедро и не скупясь, - смогли почувствовать себя людьми?!

И уже совсем неважно - что все они оказались зависимыми от Георгия Георгиевича... Ведь (в итоге) - они добились того, к чему стремились. Он, именно он - и никто другой - помог им. Дал возможность почувствовать себя людьми. Помог, - раскрыть заложенный в каждом природный потенциал.

Вопрос, - что он хотел взамен?.. Ну, так это, - пусть для них останется вопросом. По крайней мере - пока.

И пока... пока, Георгий Георгиевич Мировский, - начинал осуществлять свой полномасштабный эксперимент. Уже, можно сказать, удачный. Ну, или - удачный наверняка. В перспективе. Потому как иного - просто и не может быть. Хотя... наверное, - все может получиться...

Впрочем, об этом - Мировский старался не думать. Он привык отгонять от себя худые мысли. Не зачем, - утомлять

себя анализом их. Все должно получиться так, как он задумал. Так, - как было всегда. Так - будет и теперь.

И иного - не дано.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

Бенедикт Валерьянович осознавал, что он все больше и больше попадает в зависимость к Мировскому. И тут дело даже не в том, что всего за несколько месяцев работы он получил (в качестве зарплаты, премий и всяких там вознаграждений) почти 30 тысяч долларов (то есть, где-то по семь с половиной тысяч в месяц). И это еще, не считая того, что Георгий Георгиевич дал ему в бессрочное пользование (тоже, считай, подарок): автомобиль "Грант-Чероки" и дачу - участок с двухэтажным коттеджем в Репино, недалеко от самого предместья русского художника, давшего название окрестности. Помимо прочего, - и Сапфиров (не смотря на заверения Мировского) тоже об этом помнил, - Георгий Георгиевич оплатил лечение его дочери за границей.

А ведь были еще и другие, по словам Мировского, "мелочи"; как-то, - помощь с устройством в элитную школу дочери (заведующая - знакомая Георгия Георгиевича); перевод жены Сапфирова, Елены (неужели она действительно его любовница?) в элитный колледж; причем, сразу на должность заведующей учебной части (на том, чтобы дочь училась в ином месте, не там где работала жена - почему-то - опять же загадка для Сапфирова - настояла Елена)... Что еще?.. Участие в некоторых делах, помощь в которых может и не была столь важна, - но необходима (возникший каламбур разрешался простым образом - где-то с кем-то нужно было "свести", "переговорить", "замолвить словечко"... то есть, самым, что ни на есть, лучшим способом - подготовить почву для дальнейших действий или самого Сапфирова, или его жены, или его родителей (старики жили отдельно, совсем в другом городе. Вернее, уехали в другой город. Поближе к южному солнцу и Черному морю. Решив - хоть старость провести в сухом теплом климате. И в этом тоже помог Георгий Георгиевич. Он не только посоветовал им место - в пригороде Сочи, но и самолично переговорил с главой местной администрации, - его приятелем, - который выделил для них домик, из находящихся в его ведении бывших партийных дач, где теперь размещались художники, поэты, писатели, артисты, - и, - "его родители"...))

И все же - это все если и могло (хотя бы теоретически) быть причиной забот Бенедикта Валерьяновича, - а оно и было причиной его забот - но совсем не в той мере, как причина иного рода, которая являлась лишним - и как бы дополнительным - поводом для его душевной грусти... Той грусти, которая иной раз заставляла его в совсем неподходящий час (если бывают для грусти подходящие часы?!), отгоняя от него какое бы то ни было - случившееся хоть иногда - веселое настроение, и, окуная его в причину горестных воспоминаний; обрекая на более чем серьезные муки совести...)

Что он хотел сказать своей грустью?.. Да и мог ли он что-нибудь сказать?.. А надо ли было вообще что-либо говорить?..

Не было на это ответа... И чем больше размышлял об этом Бенедикт Валерьянович, тем сильнее убеждался, что ответа на это и вовсе - не существовало... Его попросту не было... Не было, быть может по той причине, что и быть не могло, - в который уж раз приходил к тупиковому заключению Бенедикт Валерьянович, все больше размышлявший об этом в последнее время.

Да и какой можно было найти ответ в той ситуации, в которой оказался он?.. Что ему нужно было теперь делать, чтобы выпутаться из этой ситуации?.. Ибо она была, пожалуй, одной из самых незавидных из тех, какие могли произойти...

Судите сами. Для всех Бенедикт Валерьянович Сапфиров - особенно в последнее время - был ближайшим помощником Мировского, одной "из его рук" (Георгий Георгиевич был как осьминог; он успел наоткрывать столько направлений в собственном бизнесе, - что, через какое-то время, - ему явно перестало хватать: как времени, так и сил; и тогда пришлось - чуть ли не на каждое из предприятий - поставить своего приближенного и преданного человека; и оттого, что подобных людей набралось достаточно много, Мировский и получил сравнение с многоруким подводным чудищем; причем, чем больше кому приходилось общаться с Мировским, - тем больше он убеждался в справедливости этого сравнения). Кстати, внешне Бенедикт Валерьянович с

недавних пор стал производить впечатление "преуспевающего бизнесмена" (тем более, он теперь - и занимался бизнесом; Мировский подарил ему часть акций; самую, правда, незначительную; но это был завод по производству полимерных материалов); он казался уверен в себе; обладал - точнее, стал обладать, - какой-то внутренней убежденностью в собственной правоте; и, стоило признать, Мировскому пришлось потрудиться, чтобы сделать его таким, каким он и хотел его видеть... то есть, подобием себя...

А, кроме того, Сапфинова удалось уговорить на небольшую пластическую операцию, чтобы придать, так сказать, его лицу - хотя бы оттенки - мужественности.

В итоге - Бенедикт Валерьянович Сапфиров стал походить на некий стереотипический образ мужчины, который - вполне мог нравиться определенной категории женщин.

Но... это была лишь внешняя, видимая с официальной стороны, оболочка.

А на самом деле...

- Ну что ты, мразь, так медленно ползаешь? - нависла над стоявшим на четвереньках обнаженным Сапфировым высокая женщина - лет 35-38 - полуобнаженная - в высоких черных ботфортах, черных солнцезащитных очках и широкополой, опять же черной, шляпе (а-ля гвардеец кардинала Франции времен Людовика XIII). В руках у женщины был кнут. Между длинных стройных ног - стоявший на четвереньках Сапфиров. Ей приходилось направлять его движения, заставляя ползти до цели. "Цель" находилась в нескольких метрах. Это была еще одна женщина, которая расположилась в широком кожаном кресле; и, судя по позе, которую она приняла - явно ожидала Сапфинова...

Осталось добавить, что все участники находились в полупьяном состоянии. Что до Сапфинова - он был попросту пьян. Видимо, как раз это и не позволяло ему с должной легкостью, как того хотела стоявшая над ним женщина,

---

преодолеть нужную дистанцию. А, может, его смущали стоявшие по обе стороны от него молоденькие - лет по 20 - мальчики. Худощавые, с точенными фигурками и смазливенькими личиками, они были одеты в одежду пажей. Правда, самая их главная мужская часть была обнажена и вздымалась вверх, поддерживаемая, уже на протяжении получаса, по-молодецки играющими гормонами.

Наконец, к радости собравшихся (а были и зрители, идея "о приглашении" которых, по всей видимости, была частью плана Мировского, складывающегося - обычно - из несколькоходовых комбинаций) "путь" был преодолен. И уже давно ничего не соображающий Бенедикт Александрович, уткнулся в тело явно заждавшейся женщины.

Как-то уже и неудобно говорить, что все снималось Мировским на камеру. А на следующий день, он передал кассету Сапфирову. "На память".

У Георгия Георгиевича была собрана целая коллекция подобных видеофильмов. Какую-то часть из них, в том числе и там, где его бывший одноклассник занимался однополый любовью, он продавал любителям "клубнички" за рубежом через налаженные связи порноиндустрии, - хотя это по прежнему было больше хобби, чем извлечение прибыли, - в Финляндии, Швеции, Голландии, Германии и даже, несмотря на отдаленность границ, в США. Другие, с удовольствием смотрел сам, расположившись в кресле и потягивая ликер, к которому неожиданно пристрастился в последнее время.

Знал ли сам Сапфиров о подобном? Пожалуй, не знал. Георгий Георгиевич вообще придерживался того мнения, что люди из его окружения - то есть те, на которых распространялось его влияние, - знали лишь то, что он хотел. А хотел ли сам Сапфиров заниматься подобным?.. Трудный вопрос... Может, и не хотел - учитывая периодически опутывавшие его невеселые мысли и переживания. Но то, что не заниматься этим он не мог - это было наверняка точно. Ибо его личной жизнью, да и вообще его жизнью,

---

теперь руководил Мировский, заставляя участвовать в том, что он для него решал. Это было одним из условий Георгия Георгиевича...

Долги надо было отрабатывать...

ГЛАВА 2

- Поздравляю, старик, - Исаак Альбертович, дочитав последнюю страницу, убрал аккуратно сцепленные машинописные листы обратно в папку и передал ее внимательно следящему за ним Сапфирову. - План на самом деле великолепен. Вот только... - он на миг задумался.

- Ты не хочешь "подключаться"? - осторожно поинтересовался Бенедикт Валерьянович, все же надеясь на то, что Барт согласится. Ему очень хотелось, чтобы тот согласился. Вот уже вторую неделю как они встречались, обсуждали возможность совместного открытия бизнеса (завод по изготовлению теплоизоляционных материалов), и теперь, когда Бенедикт Валерьянович собственноручно составил бизнес-план, на его взгляд - более чем ясно показывающий преимущества их будущего предприятия, он начинал недоумевать, что, собственно говоря, Барта еще сдерживает.

- Что только? - спросил Сапфиров. - Разве план не проработан? - он посмотрел на сидящих рядом с Бартом - передавая им папку - трех приглашенных "экспертов", один из которых приходился каким-то дальним родственником Барту (молодой парень, недавно с отличием закончивший Технологический институт Санкт-Петербурга и искавший приложения "полученным знаниям"), двое других были старыми знакомыми Барта, вместе с ним, когда-то, задолго до прихода туда Сапфинова, начинавшие работать в НИИ, и потом, - когда государство сократило финансирование, - ушедшие на вольные хлеба. Сейчас они считались представителями малого бизнеса. И, - воспользовавшись предложением Исаака Альбертовича, - собирались свой бизнес расширить. Упрочить, так сказать, позиции. Перейти

на новый виток развития. Звали их - Иван Игоревич и Геннадий Васильевич. Молодого парня звали Влад.

- На самом деле я думаю, что повода для сомнений нет, - поддержал Сапфинова один из будущих компаньонов, Иван Игоревич, мужчина с серьезным, даже несколько строгим лицом, носящий пышные черные усы, весьма подходившие к его, габаритных размеров, фигуре.

- Я тоже думаю, что смог бы подключиться, - передавая папку обратно Сапфинову, сказал Геннадий Васильевич, высокий сухощавый мужчина с добрыми, смеющимися глазами и окладистой - шкиперской - бородкой. - Надо только расписать, кто по сколько должен вложить. То есть, выявить процентную долю каждого в нашем совместном предприятии, - сказал он, улыбнувшись, и последовательно посмотрев на каждого из присутствующих.

- А также назначить управляющего директора, - соблюдая такт и давая возможность высказаться "более старшим" товарищам, вступил в разговор Влад. Он был высокого роста, лет 25, с располагающей красивой улыбкой на гладковыбритом лице и взглядом человека, уверенно смотрящего в будущее. Было видно, что управляющим директором он очень хотел быть сам, а потому, заметив на себе любопытный взгляд догадавшегося об этом Ивана Игоревича, открыто посмотрел на него, принимая вызов.

- Ну, что ж, - видя, что все приглашенные в качестве экспертов и возможных компаньонов согласились, и вопрос остался только за ним самим, Исаак Альбертович обвел внимательным взглядом собравшихся.

Сапфинов улыбнулся. Он заметил старую уловку Исаака Альбертовича (все-таки национальность к тому обязывала), который, выждав паузу, теперь мог говорить, зная мнение остальных.

- Ну что ж, - повторил Барт, останавливая взгляд на Сапфинове, - Может, я и ошибался - хотя некоторые сомнения в таком серьезном деле никогда не помешают - но сейчас я еще раз все взвесил и понял, что нужно соглашаться... Дело осталось только за малым: распределить, как правильно тут уже заметили (он еле заметно косил глаза

на Геннадия Васильевича), долевое участие и обязанности каждого. Если позволите, я сразу снимаю с себя какие бы то ни было управленческие функции. Все-таки на мне еще руководство институтом. Единственное, что могу себе позволить, - быть простым акционером, дружелюбно усмехнулся он.

- Я, к сожалению, тоже не могу, - вздохнул Сапфиров. - По крайней мере - пока.

- Собираешься уходить от Мировского? - быстро спросил Исаак Альбертович, догадываясь, что создаваемое предприятие рассматривается его товарищем как "запасной аэродром", на который в скором времени ему суждено "приземлиться". По крайней мере, он знал, что Сапфиров этого очень хотел. А потому сейчас, без труда сопоставив все, когда-то высказанные Бенедиктом Валерьяновичем размышления по поводу своей нынешней жизни, он без труда попал своим вопросом сразу в десятку. - Я имел в виду, в перспективе, - добавил Барт, видя, как смутился его товарищ.

- Значит, выборные управленческие должности остаются за нами, - констатировал факт Геннадий Васильевич, шутливо сжав губы (мол, вот вы как) и посматривая то на Влада, то на Ивана Игоревича...

- Ну что - давайте еще раз посмотрим какая сумма нам потребуется, а заодно и прикинем какова доля каждого, - по привычке взяв инициативу в свои руки, Исаак Альбертович, поближе подвигаясь к столу (они совещались в кабинете директора НИИ) и доставая чистый лист бумаги.

В последующий час - все было закончено. Исаак Альбертович удовлетворенно вертел в руках готовый документ. По нему выходило, что сам Исаак Альбертович вносил 25% от суммы требуемого начального капитала. Еще 10% - вкладывал Геннадий Васильевич. 7% - приходилось на Ивана Сергеевича. 3% - была доля Влада. Ну, а оставшиеся 55% (и, тем самым, контрольный пакет акций) - получал Бенедикт Валерьянович.

Мужчины дружно пожали друг другу руки и, весело балагурия, вышли на улицу.

Попрощавшись - Бенедикт Валерьянович направился к своему джипу, Геннадий Васильевич садился в припаркованный неподалеку от входа "Ауди - 80". Иван Игоревич - в "Фольксваген-Гольф", а Влад - в "Жигули" пятой модели. Сам Барт, сославшись на еще какие-то неотложные дела, остался в кабинете, взяв со всех четверых обязательство пока не разглашать "достигнутое соглашение" (он опасался конкурентов), а, кроме того, встретиться всем вместе вечером (сейчас был только полдень), дабы отметить сделку в "Метрополе". Несмотря на множество открывшихся в городе ресторанов, он не изменял старым привычкам, сохраняя верность единожды полюбившемуся заведению.

- Вообще-то - Барт консерватор, - неожиданно подумал Сапфилов, закончив прогревать работающий двигатель - зима была в самом разгаре - и плавно нажимая на педаль газа. Он был доволен. Доволен, как встречей, так и своей машиной, с удовольствием слегка притопив педаль газа, дав волю скрытым в мощном двигателе сотням лошадиных сил. Машина набирала ход.

ГЛАВА 3

Последующие дни были особо ничем не примечательны. Мировский, казалось, решил сосредоточить все силы на работе. Тем более, его бизнес уверенно развивался. Осваивались все новые и новые направления. Вскоре он уже вплотную подошел к строительству. Причем, только недавно основанная им строительная фирма, вскоре уверенно стала подбираться к лидирующей в этой области в городе. Профессионалы недоумевали. Обыватели только качали головами, чувствуя на себе результаты затеянной менеджерами Мировского рекламной компании, которая обрушивалась на их головы с экранов телевизоров, да "мозолила" глаза в развешенных по городу рекламных щитах и плакатах. Конечно, возможно, именно здесь как нельзя кстати, сказались и солидные "связи" Мировского (многие из его бывших коллег комсомольцев "плавно влились в новое время", заняв административные посты в аппарате власти),

---

кое-кто, впрочем, намекал на щедрые суммы, выделяемые на взятки, но, как бы то ни было, уже вскоре фирма Мировского получила солидные государственные подряды, действительно обеспечив себе не только лидерство в отрасли, но и стабильное поступление финансов.

Бенедикт Валерьянович по-прежнему находился всегда "при" Мировском. Он вполне освоился с требуемыми от него обязанностями и теперь мог иногда заменять "шефа", самостоятельно ведя переговоры.

Однако, для Мировского - и в первую очередь для всех - это была официальная жизнь Сапфинова. Жизнь "помощника" крупного бизнесмена (перспективы "своего" направления по-прежнему, несмотря на прошедшие несколько недель со дня встречи в кабинете Барта, были только на бумаге. И дело было как раз в Сапфинове, который несколько преувеличил те финансовые возможности, которыми располагал, явно не соизмерив их с теми средствами, которые, как оказалось, были необходимы. Правда, он надеялся взять кредит. Но, пока, это у него не выходило. Банкиры, выслушав Сапфинова, одобрительно кивали головами, но, когда доходило до дела, - почти единодушно отказывали). Жизнь обеспеченного человека, в меру обеспеченного, все же надо было заметить, жизнь... которая, в последнее время, не приносила Бенедикту Валерьяновичу никакой радости.

Брак, кстати, был почти разрушен. Практически все свободное (не считая рабочего) время, Сапфинов проводил в обществе Мировского. А в те немногие часы, что находился дома, - его жена неизменно отсутствовала. Причем, узнать, где она была на самом деле - не представлялось никакой возможности. В последнее время она все чаще и чаще ссылалась на неотложные дела, которые почему-то всегда странным образом приходились на период его возвращения домой. Уличить жену в измене пока не представлялось никакой возможности. Слишком он приходил вымотанный и усталый, чтобы что-то сопоставлять и анализировать. Да и причины у нее всегда были идеально-убедительными для того, что бы дать лишний повод хоть в чем-нибудь усомниться. Однако, интуитивно (есть ведь в нас еще и такое

чувство!) Бенедикт Валерьянович понимал, что на самом деле тут что-то нечисто. И в такие минуты он даже, бывало, устало вопрошал жену: "Куда, - мол, - ты так скоро и неожиданно собралась?" Но, как правило, дальше этого дело не заходило. Он даже не слушал супругу, всегда обстоятельно излагавшую ему все подробности того, куда она на сей раз направляется. И, хоть жена замечала, что Сапфиров слушает ее ответы как бы мимоходом, на автомате (словно, только чтобы не казаться невежливым: задал вопрос - надо выслушать и ответ) она каждый раз придумывала новые причины; ни разу, нужно отдать ей должное - не повторившись.

Хотя что, на самом деле, было Бенедикту Валерьяновичу до каких-то там отлучек супруги, когда он с каждым днем все больше ощущал, что превращается для Мировского в настоящего раба. Или слугу... Слугу олигарха... А Георгий Георгиевич, учитывая размах своих предприятий, объединяемых в корпорации, где годовой доход исчислялся в сотнях миллионах долларов, пожалуй, по праву мог таковым и называться. Хотя, если разобраться, олигарх - не имя. Это образ жизни. И Мировский всей своей жизнью по праву вписывался в этот образ. Вот теперь он даже имел собственного слугу (хотя таковым, быть может, Сапфирова и не считал). Или считал? Но тогда, в отличие от обычного слуги (коиными, в какой-то мере, могли показаться, скажем, некоему потустороннему наблюдателю и многочисленные работники его корпораций), в отличие от слуги-исполнителя (Кто откажется исполнить любой приказ за деньги? А за большие деньги?), желание Георгия Георгиевича еще и совпадало с тем, чтобы этот слуга был... как бы слуга - не совсем обычный. Георгий Георгиевич хотел иметь слугу, глядя на которого никто бы не мог и подумать, что это его слуга. То есть, слугу, живущего двойной жизнью. Слугу, на которого в официальной (той, что на виду) жизни кое-кто мог и равняться. Слугу, который и сам бы не ожидал, где и когда будет проходить та незримая нить, тут же превращающаяся в четко очерченную границу, за чертой которой преуспевающий, серьезный, лощеный Бенедикт

Валерьянович (а, примерно таковым - он уже и стал), - уже, вроде как, - и не человек вовсе.

А так, жалкий придаток воли и могущества своего хозяина - Георгия Георгиевича Мировского.

А раз так - то заметно четче высвечивается и сам Мировский. Причем, Георгий Георгиевич вскоре так запутал ситуацию, что он только сам мог в ней разобраться. Да и то - изрядно, при этом, постаравшись. Ну, или, собрав в кулак свою волю. Но тогда воля - тоже понятие весьма расплывчатое?..

Судите сами. Сначала Мировский добился того, что внешне ущербный и неуверенный Сапфиров в обществе - в том обществе, куда, так сказать, для посторонних вход казался за семью замками - стал собой являть пример архиуверенного в себе человека. И для того, чтоб это было именно так, ушло немало времени и усилий Георгия Георгиевича.

Однако, потом он переменял свое решение. И ему захотелось, чтобы и в жизни "забитый" и неуверенный в себе Сапфиров являл пример монолитно-сцепленной глыбы. Чтобы, в один прекрасный момент, из бесспорного аутсайдера - он превратился бы в явного лидера. То есть, человека, способного вести за собой других людей, человека - служившего примером силы, воли, характера...

И на это потребовалось куда больше времени. Тем более, что в потусторонней (то есть, частной, личной жизни) тот должен оставаться таким, об которого смело можно было вытирать ноги. И вот для достижения этого времени потребовалось значительно больше. Ибо необходимо было, - не просто превратить Бенедикта Валерьяновича в раба; но в такого раба, который в любое мгновение (как говорится, по мановению волшебной палочки, то есть - приказа Мировского; а, в последующем, должно быть достаточно - и взгляда) способен был вновь стать "господином". Вот так вот. Да еще немаловажной деталью должно было стать то, чтобы Сапфиров смирился с происходящим. И, - даже не пытался изменить ситуацию. А если и попытался бы, то разве что - мысленно; но на этом - все должно было и закончиться).

Сам же Мирковский вполне наслаждался ощущением вседозволенной извращенности. И в минуты сладострастных утех он попросту расслаблялся, с удовольствием снимая с себя полномочия лидера; предоставляя это, - приглашенным по вызову девочкам.

Но разница между Мировским и Сапфировым была такова, что, в отличие от Сапфинова, Мирковский мог в любой момент прекратить разыгрываемый спектакль. Он был - в одном лице - и режиссером, и спонсором его. Сапфиров же - подобного сделать не мог. А оттого - и был обречен играть уготованную ему роль.

Причем, если в ситуации с Мировским заранее были известны как актеры-исполнители, так и разыгрываемые сценки, - то для Сапфинова все было - впервые; и он должен быть постоянно готовым, - к любому повороту сюжетной линии разыгрываемого Мировским спектакля...

Так что - если у кого-то и был повод радоваться, - то только не у Сапфинова. Он наоборот, - все чаще начинал задумываться о своем месте и о роли "этого места" - в собственной жизни.

Но, как он ни пытался найти выход из сложившейся ситуации, - верного решения: не находил. Настолько все грамотно продумал главный "кукловод" - Георгий Георгиевич Мирковский.

ГЛАВА 4

В один из дней, Мирковский предложил Бенедикту Валерьяновичу посетить свою (очередную) конспиративную квартиру. Правда, что это было "предложение" - слишком мягко сказано. Просто, Сапфиров, придя утром на работу и застав Георгия Георгиевича, погруженного в перебирание каких-то бумаг - получил от него сложенный вдвое листок, раскрыв который, увидел написанный от руки адрес.

- Прочитал? - спросил Мирковский через время, протянув руку, чтобы забрать его обратно. - Ты должен быть там в 18 часов (получив листок обратно, он быстро смял его и

собирался, было, бросить в корзину, но, подумав, положил его себе в нагрудный карман пиджака). - Сейчас ты возьмешь ребят и съездишь на одну встречу. Так - ничего серьезного. Можешь ей не придавать особого значения. Просто внимательно выслушай все требования (периодически на фирмы Мировского - было все-таки начало 90-х, в какой-то мере расцвет криминала, получившего определенную вседозволенность - "наезжали" некоторые, только что организованные преступные группировки. Правда, узнав, с кем имеют дело (а в друзьях Георгия Георгиевича, в прошлом борца-международника - ходили лидеры нескольких самых крупных ОПГ Питера, даже без вопросов предупредившие его, что всегда можно сослаться на них), от Мировского отставали. Но со временем появлялись новые "команды" и "бойцы", - с жадностью взиравшие на размах корпорации Георгия Георгиевича и мечтавшие оторвать себе хоть кусочек...

Так было и в этот раз. Директор одного из его, Мировского, недавно открывшегося ресторана, позвонил и сказал, что "какие-то молодые и накачанные ребята" предложили свою "крышу". А когда он, мол, заметил, что, собственно говоря, "крыша-то" есть - те назначили встречу, решив посмотреть на конкурентов.

- Веди себя как всегда: раскованно и уверенно. Назови имя... - Георгий Георгиевич произнес фамилию одного из своих друзей-борцов; если не поможет - переназначай "стрелку"; и пусть с ними разговаривают по-другому, - строгим тоном, войдя в образ, распорядился Мировский.

- Ну, а вечером - жду, - тот час же улыбнулся он, подумав о чем-то своем, и дружески похлопал Сапфинова по плечу.

Бенедикт Валерьянович все сделал так, как велел Мировский. Тем более, что ожидаемая встреча прошла на редкость удачно. Мечтавшие о славе бандиты приехали на "стрелку" на старой, полуразвалившейся "копейке"; и сникли - только увидев остановившиеся напротив три "джипа" и вышедших из них высоких парней в черных длинных пальто (Мировский обожал внешний антураж; да и - Марио Пьюзо

постарался); ну, а когда, Сапфиров подробно объяснил: "кто", "что" и "почем", и вообще, сколько может "стоять" подобный "наезд", если приедут вместо Сапфирова "другие люди", - те вежливо извинились (братан - зуб даем: накажем тех, кто нас так подставил), вовремя сообразив, на кого списать "левую наколку".

Сапфиров с охранниками Мировского (у того был свой, правда незначительный - он этому не придавал серьезного значения - штат охранников) уже уехали, а "копейка" еще долго стояла на месте, то с надрывом, урча и кашляя, заводилась, то снова глохла; и неизвестно от чего больше: от неисправности мотора или от проклятий сидевших в ней пассажиров.

Но Бенедикту Валерьяновичу было уже не до них. Он думал о предстоящей сегодня еще одной встрече. И, примерно догадываясь о том, что она будет "из себя представлять", он уже заранее испортил себе настроение; вспомнив унижения, какие ему приходилось испытывать на подобных "мероприятиях"...

Однако, истинного размаха спектакля, - он предположить не мог.

Началось все с того, что он забыл адрес. Причем, сколько не силился вспомнить - безрезультатно. Нужное название - не шло.

Неожиданно, в который уж раз заливая в себя двойную порцию кофе и выкуривая бесчисленное количество сигарет (в последнее время Сапфиров - доселе крайне негативно относившийся к табаку - вдруг ни с того ни с сего закурил; причем, не прошло и нескольких недель, как он уже дымил как паровоз), в его памяти - всплыли два адреса.

Почему два? - подумал он, но, опасаясь, что они снова исчезнут, быстро записал вспомнившиеся сведения в блокнот. Теперь оставалось выбрать из двух один. Какой же на самом деле "настоящий"? - морщился Сапфиров, пытаясь восстановить в памяти всю картину происходящего утром в офисе Мировского события.

- Ну да, конечно же, это он, - воскликнул радостный Сапфиров, стукнув слегка себя ладошкой по лбу (мол, как

это я забыл?), и, глядя на записанный адрес, вычеркнул другой. - Ну, что ж, - несказанно обрадовавшись этому событию (недавняя грусть от ожидавшегося вечером события даже отошла на второй план) Сапфиров начал собираться. Вернее, собирать было особо нечего - все, что было нужно, Мировский выдавал сам. А потому, Бенедикт Валерьянович попросту откинулся в кресле; и, закрыв глаза, - решил посидеть ни о чем не думая.

Это у него получилось. И вскоре, - он полностью абстрагировался от окружающей действительности. То есть, попросту - уснул.

ГЛАВА 5

Проснувшись от какого-то смутного сомнения, Сапфиров быстро взглянул на часы. Было начало шестого. А ему еще ехать через весь город! Он вскочил, привел себя в минимально возможный, за то короткое время, что он на это отвел, порядок, почти бегом спустился с лестницы и, прыгнув в машину, - даже не дав двигателю прогреться - рванул вперед. Вперед, навстречу неизвестности. Ибо, чего он пока еще и не мог предположить, так это того, что спросонья перепутал адрес; примчавшись заблаговременно, - к предполагаемому дому. Да не к тому, а почему-то к другому - по тому, второму адресу, всплывшему в его голове каким-то странным и загадочным образом, и, напроць при этом, вытеснившему "настоящий".

Отдышавшись, Сапфиров осмотрелся. До начала встречи еще действительно оставалось много времени... и можно было успеть выкурить сигарету... Прикурив, Бенедикт Валерьянович отвлеченно рассматривал улицу. Вокруг не было ничего примечательного. Как и в любых дворах, припаркованные к обочинам автомобили, прогуливающиеся женщины с колясками, играющие в песочнице дети. Несмотря на лежащий повсюду снег, песок, видимо, только недавно завезли, и он даже не успел покрыться ледяной коркой, характерной для минусовой температуры.

Вдруг внимание Сапфинова привлекла зашедшая в подъезд молодая женщина, издали очень похожая на его жену. У нее была даже схожая длиннополая дубленка.

Сапфинов присмотрелся к табличке с номерами квартир, прибитой над подъездом, и понял, что не туда попал. Ему нужно было как раз в тот подъезд, в который зашла женщина. Быстро выйдя из машины, Бенедикт Валерьянович побежал вслед предполагаемой (она - не она?!) жене. И все же, неужели, это она?! Тогда объясняются все ее внезапные отлучки?!

Вбежав в подъезд, он прислушался. Где-то вверху раздался радостный мужской голос, и щелкнула дверь закрываемой двери. - Убью! - пронеслось в голове у Бенедикта Валерьяновича. Он, было, уже вступил на ступеньку лестницы (лифта по привычке даже не стал дожидаться), как вдруг в его голове ясно высветился адрес, который был на бумажке Мировского. Подчиняясь какому-то внутреннему голосу, Сапфинов вышел из подъезда и поискал глазами табличку с названием улицы, какие можно было встретить (при желании, конечно, или лучше сказать, при везении, ибо кое-где подобные таблички или давно сорвали хулиганы, или сами оторвались от давности лет) на углу каждого дома. Сапфинову повезло. Подъезд был угловой, и в нескольких метрах где-то сбоку висела аккуратно прицепленная табличка.

Адрес был другой!..

Но почему же он приехал именно сюда?..

И тут Бенедикт Валерьянович вспомнил, что когда-то, пару месяцев назад Мировский ему назначал встречу именно по этому адресу. Значит, одна из квартир Мировского здесь все-таки была... А что, если в ней сейчас на самом деле находилась его жена?!.. Сапфинов припомнил, что, когда он приехал домой, то застал свою супругу в прихожей; супруга собиралась куда-то уходить. На вопрос: "Куда?" та, не в пример обычному, уклончиво пояснила, что сегодня у нее очень важная встреча; вернее, не у нее одной, - добавила она, заметив недоуменный взгляд мужа. - А еще и других ее коллег. Все дело в том, что именно сегодня, - Елена многозначительно посмотрела на мужа, - к ним в колледж

приезжает один английский миллионер. Владелец нескольких десятков - а то и сотен - частных школ по всей Англии. Почему же он приезжает именно вечером?.. Да она и не задумывалась... Хотя, может, ему так легче преодолевать часовой барьер... Но, как бы то ни было, она обязательно об этом расскажет, когда вернется... А если это будет несколько позднее обычного, то, мол, пусть ее драгоценный супруг (поцелуй, потом еще один) об этом не переживает... Такое случается не каждый день... Да и он, если ей не изменяет память (руки - в бока, взгляд - наигранно исподлобья) ведь тоже иногда приходит поздно?!.. А чаще всего - очень поздно!.. Причем случается, что не приходит вообще, ссылаясь на ночную работу. Но какая может быть ночная работа у секретаря-референта? С каких это пор наши бизнесмены стали вводить в своих офисах ночные смены?.. Ну и, в общем, все в таком же духе... И сейчас, ясно вспомнив свой разговор с женой, Сапфиров (будь что будет - окажется не она, сошлюсь, что перепутал адрес; тем более, что я его действительно перепутал!) вошел в подъезд и стал, вначале медленно, словно еще раздумывая, а после уже быстрее, ускоряя шаг - с каждой пройденной ступенькой - ещё быстрее подниматься наверх; так что, приблизившись к нужной квартире, был вынужден остановиться, чтобы отдышаться и привести себя в порядок. Просто так врываться, дела негодующее лицо, искать жену, бегая по всем комнатам, Бенедикт Валерьянович никогда бы не смог. Хотя, могло случиться, что он именно так бы и поступил. Если бы случайно, раздумывая, как ему обосновать свой приход, он не оперся об обитую кожей дверь.

Та неожиданно легко поддалась, и Сапфирову ничего не оставалось, как войти внутрь. Как когда-то - из расположенной напротив комнаты раздавалась музыка. Бенедикт Валерьянович прошел, собираясь уже было приоткрыть ее... как она открылась сама. И он увидел свою жену, голую, и танцующей посреди комнаты. Не успел он опомниться, как перед ним возникло искаженное от злобы лицо Мировского.

- Что ты тут делаешь?! - почти закричал он, но тут же, видимо, попытался взять себя в руки и даже попробовал

неуклюже улыбнуться. Но улыбка действительно не смотрелась на его недовольном лице. - Что ты тут делаешь? - повторил вопрос Мировский, и, слегка подтолкнув Сапфинова к выходу из комнаты, вышел вместе с ним, плотно прикрыв за собой дверь.

- Но это же моя жена?! - с появившимся сомнением, и все еще не веря в происходящее, попытался заступиться за себя Сапфинов.

- Ах, так?! - негодуя вспыллил Мировский. - Да, - это твоя жена! Посмотри, - он резко распахнул дверь. - Чем она будет сейчас заниматься.

Бенедикт Валерьянович инстинктивно посмотрел туда, где минутой раньше танцевала его жена. Елена теперь обнималась с окружающими ее несколькими обнаженными мужчинами, и тут же, опустившись на колени, она стала жадно делать минет одному из них. Но, долго не задерживаясь на нем, она уже переключилась на другого. Потом снова вернулась к первому. Наконец, широко раскрыв рот, она решила "подарить наслаждение" сразу двоим мужчинам. И это ей удалось. Сапфинов стоял обескураженно-завороженный, смотря на любовные ухищрения своей супруги.

- А теперь, умник, - раз уж ты решил "перепутать адрес", - подчеркнул Мировский, - и приехать сюда, - живо раздевайся и присоединяйся к ним, - тоном, не терпящим отлагательств, распорядился он, кивнув в сторону парней, вытворяющих с его женой "черт те что...".

- Ну, живо! - прикрикнул Мировский, грозно посмотрев на Бенедикта Валерьяновича.

Тот, опустив голову, стал выполнять приказание своего хозяина. Именно хозяина - ибо Сапфинов уже давно смирился с отведенной ему ролью слуги. Слуги, который обязан выполнять любые прихоти своего...да, в общем, и без того было все понятно...

- Вот так вот! - удовлетворенно про себя заметил Мировский, усаживаясь (слегка предварительно приподняв складки ткани брюк над коленями - чтобы не помялись) поуютней в мягкое широкое кресло и, достав оставленную

им ранее стоять на полу бутылку виски, стал слегка отхлебывать обжигающую приятную жидкость, изредка делая комментарии в устроенном им порно-спектакле.

По его кивку вскоре вступили в действие и другие, - их Сапфиров сразу не заметил, - актеры, стоявшие в ожидании своей роли, в углу; и Мировский теперь предавался еще большему наслаждению, наблюдая за оргиастическими телосплетениями чуть ли не десятка мужчин и женщин. Причем, явно, главными лицами в этом спектакле - были Сапфиров с супругой.

К тому же, все было обставлено таким образом, чтобы Бенедикт Валерьянович непременно видел, как его жена занимается любовью (причем, явно получая от этого удовольствие и не пытаясь этого скрывать) сразу с несколькими мужчинами. А Елена, - должна была видеть как муж: стонет от наслаждения, получаемого не только от женщин и юношей (без которых, - у Сапфирова создавалось впечатление, - Мировский теперь и не намеривался обходиться), но и - опытных мужчин. В руках которых Бенедикт Валерьянович превращался в "юную, неопытную, девушку"; в первый раз открывавшую для себя запретные... "тайны любви".

А еще через время, уже не в силах сдерживаться, Георгий Георгиевич нажатием кнопки дистанционного управления разом выключил все скрытые в стенах камеры (себя он никогда не снимал), и с веселым, почти гиканьем, бросился в "гущу событий", при помощи ловких, так кстати всегда вспоминаемых приемов борьбы, переворачивая кого-нибудь в удобное положение и изливая в свою "жертву" нескончаемый поток накопившейся страсти.

Но к подобному все привыкли. Так было всегда.

ГЛАВА 6

- Послушай, Мировский, - позвонил Георгию Георгиевичу Гранатов. - Ко мне тут обратился один мой приятель. Предложил открыть завод по производству изоляционных

материалов. Ты знаешь, я прочитал его бизнес-план, да навел кое-какие справки - это на самом деле выгодное дельце! Все-таки, прокладывают у нас теплопроводы всегда. Так что в заказах проблем не будет. Единственное, что смущает, - первоначальная сумма. Но я сейчас отдал своим экономистам, - они мне должны дать заключение. Тебе это интересно?

- А кто твой знакомый? Я его не знаю? - спросил Мировский.

- Вряд ли, - с сомнением произнес Гранатов. - Некто Геннадий Васильевич Золотарев.

- А, нет, такого, пожалуй, не знаю, - немного подумав, ответил Мировский. - А ты мне что, решил предложить совместный проект? - усмехнулся Мировский.

- Да нет, - честно ответил Гранатов. - Я сам, наверное, не буду вписываться. Просто дело обстоит так, что этот самый Золотарев должен был заниматься подобным еще с несколькими соучредителями. Но он сейчас на мели. А деньги вложить хочет. Вот и обратился ко мне с просьбой помочь. Но не это интересно, а другое. Дело в том, что главный из тех, с кем он пытается стать акционером - Бенедикт Валерьянович Сапфиров. Это, если не ошибаюсь, о нем ты мне как-то рассказывал?

- Сапфиров? - пораженный, повторил Мировский. - О нем... Конечно же, о нем... - задумчиво добавил он.

- Ну, в том-то и дело, - усмехнулся Гранатов. - Так что, как говорится, имей в виду.

- Спасибо, - поблагодарил удивленный полученным известием Мировский. - За мной должок.

- Да, что там, - махнул рукой на том конце провода Гранатов. - Свои люди, - сочтемся.

...Значит, наш достопочтимый Бенедикт Валерьянович решил выбрать самостоятельный путь? - размышлял Мировский.

Уже прошло минут десять после разговора, а он все еще стоял у аппарата (звонок Гранатова застал Мировского дома, когда он собирался уходить на работу), обдумывая складывающуюся ситуацию. - И вопрос, - в сумме, которой у

него нет. Мирковский вспомнил порядок цифр, названный Гранатовым; вспомнил и опасение того, что сумма - на его взгляд - занижена. Или - пока нет?! - задумался Мирковский.

Георгий Георгиевич понимал, что рано или поздно Сапфиров должен попытаться выскочить из-под его зависимости. Но это он может сделать, только получив мощную финансовую подпитку извне. Да и то, любопытно, как он собирается уходить, учитывая собранный на него компромат в виде запечатленных на пленку многочисленных и разнообразных сексуальных извращений. Стоит только один из подобных сюжетов показать по телевидению и представить как результат расследования какого-нибудь журналиста, - и все: карьера Сапфирова заказана. Вряд ли кто с ним тогда захочет иметь дело. Странно, если он этого еще не понимает?

Ну, как бы то ни было, ситуацию лучше изменить еще на начальной стадии, потому что пытаться подстроиться под раскрученные обстоятельства - сложнее.

Георгий Георгиевич придумал план, схожий с тем, что ему уже приходилось осуществлять раньше. Правда, в этом случае, получилось даже легче, чем он ожидал.

Сначала через подставное лицо он ссудил Золотареву деньги. Потом, когда выяснилось, что средства всех учредителей вложены, но этого действительно (Мирковский тоже, через своих экономистов, просчитал бизнес-план) оказывается мало (как верно подметил Гранатов, слишком мало - первоначально рассчитанная в изложенном бизнес-плане сумма оказалась почти в два с половиной раза меньше необходимой), - и всех будущих акционеров овеял страх, а вместе с ним и справедливый вопрос - что же теперь делать? - к ним на помощь пришел все тот же подставной человек Мирковского, который еще раз ссудил (под процент) деньги Золотареву, словно в благодарность предлагая и себя ввести в состав акционеров... Тогда, мол, он тут же погасит недостающую сумму.

- Лучше синица в руках, чем журавль в небе, - только подытожил свой "незавидный" (кстати, с соответствующим удручающим видом) монолог человек Мирковского, как тут

уж действительно все разом поняли, что у них попросту, вроде как, и не остается никакого другого выхода. Кстати, даже ту сумму, которая была заложена в смете первоначально, Сапфиров вынужден был, как говорится, "наскребать по сусекам". И то до конца не вписывался в задуманные 55 %, вынужденно решив ограничиться 50 плюс одна акция. Но вот теперь - после последнего расклада - у него уже явно не хватало на контрольный пакет. И делать было нечего. В случае отказа - он потеряет и те деньги, что уж вложил.

Как только Георгию Георгиевичу передали согласие незадачливых акционеров, он тут же открыл финансовые шлюзы. Дело закрутилось с новой силой. А еще через время завод получил свой первый заказ.

Казалось, все учредители могли торжествовать победу. Но вот только процентное отношение у них было теперь совсем иное. Сапфиров довольствовался лишь 25 процентами акций. Барт, вместо первоначальных 25-ти смог осилить только 13. Остальные, доложив необходимую сумму, остались на прежних позициях - 10, 7 и 3 % соответственно. Новичок, которого представил Золотарев, внес 22 %, приведя с собой еще четырех человек (тоже все люди Мировского), которые внесли оставшуюся сумму, разделив 20 % поровну - по 5 % на каждого.

Таким образом, Сапфиров уже не оказывался полновластным хозяином завода, но мог себя утешить тем, что его идея претворена в жизнь, предприятие начало приносить первые доходы, и он мог надеяться на то, что через какое-то время сможет не только рассчитаться по всем долгам, но и получить ту долгожданную независимость, о которой мечтал все последнее время.

На этой мажорной ноте, пожалуй, можно было бы остановиться, если бы Мировский, выждав какое-то время, пока завод не заработает почти на полную мощность (а энтузиазм работающих "на себя", да притом еще, как оказалось, в том проекте, о котором чуть ли не все мечтали, был несравнимо выше вкалывающих "на дядю"), не начал предпринимать те ходы, которые неизменно приводили к

одному и тому же результату - его полновластному хозяйствованию в них.

Так грозило случиться и сейчас. Сначала Георгий Георгиевич (через подставных лиц имеющий 42% уставного капитала), используя находившийся в их распоряжении блокирующий пакет акций, стал тормозить работу завода; якобы он был не согласен с линией поведения других акционеров (при этом о самом Мировском, конечно же, никто не догадывался); потом - он потребовал возврата долга у Золотарева; и тому ничего не оставалось, как расплатиться своими акциями, вымолив оставить ему хотя бы один процент. Теперь у Мировского оказывался 51 % акций; и право - диктовать условия. И чтобы закрепить успех, он санкционировал эмиссию (дополнительный выпуск акций - сам же, и - скупив их). В результате, получив почти 80 процентов авций.

А еще через время, ловко используя где шантаж, где угрозу, он вообще свел участие всех остальных участников (некогда громадного проекта) к нескольким процентам. Нисколько, заметим, вслед за Сапфиновым, - не мучаясь угрызениями совести. Да ему, впрочем, и незнакомо было подобное чувство. Он уверенно шел вперед. Даже не наступая на горло своей совести, - а попросту: не замечая ее. И, подобное руководство, - сыграло свою роль. Корпорация Мировского - вышла на мировой уровень.

С чем его, собственно, и собирався поздравить Сапфинов.

Впрочем, что до Сапфинова... Узнав, что Геннадий Васильевич Золотарев продал свою часть акций, он как-то сразу почувствовал, что это - начало конца. Ибо ничто уже не сможет остановить тех людей, которые вынудили Золотарёва выйти из дела, поступить так же и с остальными (в чем, он и оказался прав).

Бенедикт Валерьянович понял, что он попросту решил вступить в игру, не только не соразмерив свои силы, но, как оказалось, и возможности, да к тому же еще и не до конца изучив правила. В игру - результатом которой, было его неизбежное поражение. И, осознав все это, Бенедикт Валерьянович (сказать, кстати, что расстроился - значит ничего не сказать) попросту разом потерял желание жить...

Ноги же повели его по единственно верному маршруту - в ближайший бар, где он вскоре и злополучно напился. Напился так, что на следующее утро, очнувшись в сточной канаве, - без денег, документов, ключей от машины и вообще без чего бы то ни было ценного, - он еще долго в недоумении вертел головой, так, пожалуй, и, не вспомнив, что же с ним вчера приключилось...

Тем более, что и вспоминать об этом - не хотелось...

ГЛАВА 7

- Неужели так и пройдет моя жизнь? - задумался Бенедикт Валерьянович, наблюдая за первыми распускающимися почками, всем своим движением символизирующие приход весны. - Да и что она собой сейчас представляет?.. Так. Услада причуд человека (да и человека ли?), к которому я так необдуманно попал в кабалу... Неужели этого стоят все те деньги, которые я от него получил?.. Неужели это все перевешивает то, чем может по праву гордиться любой интеллигентный (и нравственно чистый, - честный и чистый в данном случае синонимы) человек? - тяжело вздохнул Бенедикт Валерьянович. - Человек, живущий не только в гармонии с окружающим миром, но и, прежде всего, в гармонии с самим собой. Со своей совестью. Со своими, когда-то единожды утвержденными нравственными - и жизненными, конечно же, жизненными - принципами? Неужели я согласился все это поставить на карту в обмен на удовлетворение амбиций своего призрачного и презренного тщеславия?.. Разве ради этого стоило жить?.. Жить, учиться, работать, к чему-то стремиться, чтобы в итоге был уготован такой вот итог?.. Неужели, если сейчас попытаться подвести черту под своей жизнью, она окажется такой отвратительной?.. Этого ли я хотел, когда, крепко зажав диплом в руках, смотрел в далекое будущее?.. Какое оно? - думал я тогда. - Что ждет меня впереди? - задавал я себе вопрос и получал манящие своей неизведанной радостью ответы... Разве такого я хотел будущего, когда, защитив кандидатскую, и отклонив многочисленные предложения,

---

занял одну из ведущих должностей в институте? Получив вскоре и всю лабораторию?.. Да, и если разобраться, случайно повстречав старого однокашника и приняв его подкрепленное соответствующими финансами предложение, я в тот момент даже не предполагал (да что там предполагал - ничего такого и в мыслях не было!), что столь неожиданное назначение обернется таким вот образом?..

Что теперь было говорить?.. О чем теперь приходилось думать, мечтать, к чему теперь можно стремиться?.. Особенно после того, как единственно появившаяся возможность получить хоть намек на какую-то, пусть в будущем, - опять в будущем - независимость, бесследно исчезла в растаявших каплях последнего (неужели уже март?) снега?.. И теперь, с появлением весеннего солнышка, как будто бы дарящего всем надежду на скорые положительные изменения в жизни, у него, Бенедикта Валерьяновича Сапфинова, наоборот, настроение было мрачнее мрачного; ибо Сапфинов более чем ясно понимал, что для него ничего уже не изменится. Что ему по-прежнему предстоит исполнять любую волю, любое, самое мерзкое и извращенное, желание своего "работодателя". Тем более, что Бенедикт Валерьянович перед ним оказался в таких долгах (последние пятьдесят тысяч долларов ему пришлось занять у Георгия Георгиевича, когда он стал понимать, что увеличение уставного капитала неизменно повлечет за собой и резкое понижение его доли акций; тогда он, - желая хоть как-то удержать первоначально задуманный процент, - обратился к Мировскому, который, кстати, - и это сейчас вспомнил Сапфинов, - даже не выслушав до конца, мол, надо, значит надо, тут же ссудил ему необходимую сумму).

Знал бы тогда Сапфинов, что он просит у человека, который через подставных людишек (вполне в духе Мировского) уже "включился в игру". В его, Сапфинова, игру; одерживая в ней неизменную, и такую привычную для Мировского, победу. Кстати, и "неизменную", как раз потому, что все, к чему бы не притрагивался Мировский, вскоре оказывалось у него в руках. Так этого ли хотел Сапфинов?

Но Бенедикт Валерьянович прекрасно понимал, сколько бы он еще не корил себя, не разбирал произошедшие ошибки, не думал, как же все-таки выпутаться из случившейся истории, он неизменно придет к одному и тому же результату. Итогом которого будет все та же его работа у Мировского. Работа на Мировского. Работа, которую он теперь так ненавидел. Но какую оставить, бросить, - был не в силах.

Что же ему оставалось? Только смириться. Смириться, дав волю Мировскому придумывать все новые сценарии спектаклей, в которых по-прежнему главную роль (режиссура оставалась за Мировским) должен был исполнять Сапфилов.

И - его жена Елена. Ибо в один прекрасный момент Георгий Георгиевич намекнул ничего не подозревающей женщине, что пора бы начинать и отрабатывать оказанное ей доверие. Тем более, пообещав взамен получение в скором времени поста директора того же самого элитного колледжа, в котором она уже работала на должности завуча, благодаря протекции Мировского.

Так что, как говорится, круговая порука. А, кроме того, Мировский иногда и сам "забавлялся" с ней, подбрасывая ей, впрочем, более чем щедрые подарки (это притом, что и любовник он был отменный - мнение самой Елены, высказанное... впрочем... кому она об этом могла говорить?!).

Кстати, что касается подарков, то к ним, например, относился почти совсем новый - каких-то там два года эксплуатации - автомобиль "Рено". Или - двухнедельный отдых на Лазурном берегу Франции, в Ницце... И хотя сопровождать ее в той поездке должен был один, тщедушного вида, старикашка (почти семидесятилетний знакомый Мировского, то ли швед, то ли голландец, увидевший Елену на порнокассете, а те, - нужно отдать должное Мировскому - по-прежнему продавались исключительно за границей, - и воспылавший к ней страстью), это было почти что для нее и не "беда" вовсе; к тому же, и выбора-то особого у Елены не было - таков был приказ Мировского, который в последнее время предпочитал

особо не церемониться. Впрочем, спорить с ним никто не решался.

- Что лучше, - иной раз, видимо в минуты особого вдохновения, вопрошал Мирковский, обращаясь ко все больше попадавшей к нему в зависимость женщине, - получать гроши, работая в муниципальной школе, и ждать, пока муж принесет в конце месяца свои копейки да соизволит исполнить "супружеский долг", - или зарабатывать сотни долларов, будучи предоставленной самой себе и несколько раз в неделю получать удовлетворение от стремящих доставить тебе удовольствие мужчин. При этом, зная, что об этом никто из окружающих даже не догадывается!

И ты, в итоге - можешь себе позволить все, что угодно, живя так, чтобы ни в чем себя не ограничивать!

Елена тогда промолчала. И Мирковский так и не заметил, что женщина, пожалуй, была совсем иного мнения. Переживая много месяцев назад за свою "бедность" - она, тем не менее, быстро пресытилась свалившимися богатствами; а, может, понимая, какую за это приходилось платить цену, теперь склонялась к мысли, что, пожалуй, ее прежняя жизнь была не так уж и плоха. И именно теперь ей больше всего хотелось вернуть все обратно.

Но, опасаясь наказания, она не в силах была противиться воле Мирковского. А потому, Елене оставалось только одно - терпеть, унижаться и верить, что когда-нибудь это все же закончится.

Вот только когда - она не знала...

ГЛАВА 8

В один из дней, придя на работу, Сапфиров застал Мирковского в весьма приподнятом настроении.

Завидев Бенедикта Валерьяновича, тот поделился своей радостью. Оказалось, он должен был сегодня ехать в Англию. Одно из крупнейших английских риэлтерских

агентств наконец-то подыскало ему подходящий замок. - Настоящий, старинный особняк XVII века, - не в силах был скрывать своего восторга Мировский. - Недалеко от Лондона.

- Собираешься стать "сэром"? - съехидничал Сапфиров, скептически относившийся к аристократическим поползновениям своего однокашника. Он вспомнил, как еще в первые дни начала его работы у Мировского тот похвастался, что стал князем (геральдический совет потомков древних родов иной раз слишком щедро - были б только деньги - раздавал титулы; Мировский тогда шутил, что, наряду с ним титул князя получил какой-то "потомственный" прораб, после перестройки занявшийся коммерцией, и теперь, - потративший "на свою блажь" достаточно приличную сумму). Правда, как помнил Сапфиров, "князя" - тому, вроде как и не дали, ограничившись "графом". Но прорабу и этого было, более чем, достаточно.

- Значит, выезжаешь сегодня? - поинтересовался Сапфиров, не зная, собираться ли ему тоже (это была излюбленная привычка Мировского, с момента первоначального появления Сапфирова у него в офисе, он требовал, чтобы он неизменно сопровождал его во всех своих поездках. Причем, как по городу, так и за границу. А так же просто по стране. В общем - везде. Подобного Бенедикт Валерьянович ожидал и сейчас).

Однако, оказалось, что Георгий Георгиевич едет исключительно сам. Он даже поначалу не хотел с собой брать телохранителей. Но, выслушав убедительную просьбу начальника охраны, он все-таки хоть и нехотя, но согласился. Причем убедил его один-единственный довод, что, мол, каждой царственной особе полагается свита. Так пусть и для Георгия Георгиевича его телохранители будут той самой свитой. Иначе, - "англичане не поймут". Хотя, что на самом деле поймут или не поймут англичане, начальник охраны Мировского, сам из зарубежных стран до того бывавший только в Афганистане - да и то, лишь бегая по горам, выполняя "интернациональный" долг - конечно же, не

знал. Но он прекрасно понимал, что, если что-нибудь случится с Мировским - ему придется заново искать работу. И совсем не гарантия, что он еще найдет такого щедрого "клиента". Да еще такого, которому, в принципе, и опасность-то не угрожает (в обратном, кстати, охране приходилось убеждать Мировского, не смотря на то, что на Мировского не было совершенно ни одного покушения).

Когда Мировский уехал (предположив, что вернется не раньше, чем через неделю; а до того времени, мол, считай, что у тебя неожиданный отпуск), Сапфиров, проводив его до аэропорта и посадив в самолет, собрался уже было ехать домой (вернее, не домой, а на снимаемую им небольшую квартирку в Петроградском районе. После того, что он узнал о жене - и даже наблюдал воочию - ему не очень-то хотелось ее видеть; поэтому и пришлось, даже втайне от Мировского - тот напрочь запретил думать о разводе - подыскать себе что-то уединенное, где он мог бы наслаждаться тишиной. Ведь это так прекрасно, когда ты один... Когда тебе никто не мешает... Когда никто не "сверлит мозги"... Не кричит на тебя... Ни выказывает абсолютно никакого недовольства... Когда, приходя домой, ты знаешь, что все будет именно так, как ты того захочешь... И тебе не надо будет подстраиваться под еще чье-нибудь мнение... Разве это не настоящий подарок от жизни? Сапфиров внезапно поймал себя на мысли, что за долгую супружескую жизнь он хотел именно этого. Покоя. А, учитывая, что для их дочери Бенедикт Валерьянович нанял гувернантку, он мог быть абсолютно спокоен, зная, что даже в отсутствие жены, его Валерия будет накормлена, напоена и уложена спать), и вот как раз от этих приятных размышлений Сапфирова оторвал сигнал пейджера (в те времена мобильные телефоны были у единиц; и даже пейджер - считался признаком обеспеченной жизни).

Сообщение прислала жена Мировского - Ольга, которая приглашала Бенедикта Валерьяновича ("непременно!") сегодня заехать к ней. (Вообще, после той первой встречи они встречались еще пару-тройку раз. И сценарий был до незадачливости однотипен: секс, секс, и секс. Ольга оказалась - на удивление Сапфирова - весьма страстной, если

не сказать - ненасытной особой. Казалось, она готова была утолять свою, казавшуюся невероятной, страсть напролет дни и ночи. Во время одной из поездок Мировского они не вылезали из постели две недели, отрываясь только для приема пищи, курения сигарет, да еще некоторых необходимых для нормальной жизнедеятельности вещей. В остальном же - был непрекращающийся секс).

Сапфиров задумался. Хотя, что тут было думать. Ехать было надо. И дело даже не в том, что послушаться ее просьбы - пока только просьбы, но она как-то в шутку заметила, что, стоит только хотя бы раз ей услышать отказ, - она обо всем расскажет мужу. Причем, не о том, что Сапфиров ее просто домогался или как-то абстрактно хотел изнасиловать. А именно о том, что они уже давно и долго занимаются друг с другом любовью. - Интересно, как на это прореагирует Мировский? - прищурился один глаз, пошутила тогда Ольга. - Мол, не забывай, если со мной он вовсе ничего и не сделает (Сапфиров тогда предположил, что отношения между Мировским и его женой несколько выходят за рамки счастливой семейной пары), то, как он поступит с тобой, - остается только предполагать. Ведь одно дело, когда "трахают" кого бы то ни было - он и сам этим грешит (высказала то ли утверждение, то ли предположение супруга Мировского) - и совсем другое, когда занимаются любовью с твоей женой. А жена, для такого человека как Мировский, - это, так же как его дом, машина, фирма... Это его собственность! Ну, и как же ты думаешь ему реагировать, когда кто-то посягает на его собственность? - подвела нелицеприятный в целом для Сапфинова итог Ольга. Так что послушаться ее - было почти равносильно: "очень сильно рассердить" Мировского.

Впрочем, было и еще кое-что. Бенедикту Валерьяновичу чем-то нравилась эта женщина, у которой периоды влюбленности (как он считал) и особенно бурных романов (как точно также он предполагал) остались в прошлом. И она - обладая незаурядным сексуальным темпераментом - просто как за соломинку теперь держалась за Сапфинова, понимая, что вряд ли судьба ей предоставит еще один подобный шанс. Что означало - извлечение, чуть ли не максимальной выгоды,

---

из уже имеющегося. Тем более, что такого интеллигентного, податливого, ласкового, да и просто зависимого от нее человека (конечно, не в той мере, как от ее мужа; хотя - стоило отдать должное этой своенравной, если не сказать, властной, женщине - и от нее тоже. Хотя бы потому, что в экстренном случае - рассказывать мужу обо всем будет именно она!) не так то легко и найти. К тому же, существовала еще одна немаловажная деталь, которая играла, в общем-то, не последнюю (если не первую) роль. Сапфиров необычайно подходил Ольге, что называется, в постели. А ведь, быть может, именно это и решило исход Ольгиных (что скрывать - было и такое) раздумий. Ибо случается же так, что "перепробовав" (некоторая схожесть с десертными номинациями, да?) десятки (а то и... впрочем, Ольга никогда не считала своих поклонников) мужчин, женщина понимает, что наивысшее-то удовольствие (как это назвать более оригинальнее?!) - она получала только с одним. Или с двумя. А с остальными был просто секс. Пусть даже и очень качественный.

Причем оказывается, что тот, с кем она была "на седьмом небе" блаженства, в обычной жизни был, как говорится, так себе. Как говорится - пройдешь и не заметишь. И должно быть особое стечение обстоятельств, чтобы предоставить человеку шанс раскрыть себя...

В случае с Сапфировым, все, казалось, было именно так. Что, в общем-то (потом, когда Ольга пыталась подвергнуть некоему анализу то, что произошло) и было для нее удивительно. Ведь, (насколько она знает саму себя?!) ей всегда нравились сильные, решительные мужчины, как Мировский, а потому, увидев в Сапфирове его прямую противоположность - она даже (с промелькнувшим в ее голове негодованием) спросила сама себя, мол, что это ты так на него смотришь?! Да и вообще: разве еще остались такие вот кюхли?

Но как позже оказалось - не только бывают, но и вполне даже имеют право на существование. И по мере допивания бутылки (надо заметить - великолепного бургундского вина из коллекции Мировского), Ольга все больше ловила себя на мысли, что, пожалуй, ей как раз такие мужчины, по крайней

мере - сейчас, и нравятся! А потом, у нее родилось такое желание, что она еле сдерживала себя, чтобы не наброситься на этого вот кюхлю первой.

К счастью, этого не потребовалось. Сапфиров тогда сам заметил ее "невинные" женские ухищрения, как-то - неожиданно распахнувшийся халатик или случайно оголившаяся часть груди. (Своей-то грудью она могла гордиться по праву! Причем ошибался тот, кто думал, что такой размер и необычайная упругость - следствие вмешательства пластической хирургии. Совсем даже нет. Все было - настоящее).

И в этом (с превеликим, надо заметить, удовольствием) в который уж раз убедился Сапфиров, который теперь (откликнувшись все же на "просьбу" женщины) только успел подойти к "заветной" двери домашней квартиры Миrowsкого, как оказался буквально втянут изголодавшейся по ласке (с мужем совсем что ли не трахается?) Ольгой.

И вновь закружилась карусель бесконечных охов, ахов, стонов и наслаждений.

Любовники только смогли остановиться (и то, скорее были вынуждены, чем того желали сами) через неделю, когда звонивший из Лондона Миrowsкий сообщил жене, что приедет завтра утром. Он вообще имел хорошее правило, - о чем Ольга тут же сказала испугавшемуся было Сапфирову - всегда предупреждать о своем приезде. Быть может это от того, что он просто не выносил неожиданностей, задумавшись о чем-то, предположила Ольга.

Словно в забытьи, заметно осунувшийся Сапфиров устало кивнул Ольге, прощаясь с ней.

- Я тебе еще позвоню, - проворковала Ольга (порхает как бабочка, - промелькнуло в затуманенной голове Сапфирова).
- Ведь когда-нибудь он снова уедет...

Сапфиров лишь вымученно улыбнулся в ответ, мол, ты же знаешь, - я всегда готов.

- Хороший он все-таки мужик, - на мгновение, абстрагируясь от присущей (опять же, исключительно в

минуты особенно подавленного настроения, что, в общем-то, случилось весьма и весьма нечасто) потребительской точки зрения, подумала Ольга, махнув рукой на прощанье Сапфирову и закрывая за ним дверь.

ГЛАВА 9

Вернулся Мировский в весьма приподнятом настроении. Сойдя с трапа самолета и пройдя контроль в аэропорту, он сразу направился к поджидавшему его Сапфирову. Чтобы его непременно встречал Сапфиров, тот передал по телефону секретарше. Девушке стоило большого труда разыскать Бенедикта Валерьяновича - домашний телефон не отвечал, пейджер был отключен, в офисе он не появлялся. Пришлось специально посылать человека, который буквально дежурил у подъезда его дома и застал того совершенно случайно, когда Бенедикт Валерьянович решил на минуту заскочить в квартиру за какой-то надобностью.

- Я вижу, все прошло успешно?! - опередил вопросы Сапфиров, отмечая про себя не сходящую с лица Мировского улыбку.

- Да, старик, все прошло как нельзя великолепно, - радостно согласился Георгий Георгиевич.

- Надеюсь, дворец именно тот, который хотел? - задал другой вопрос Бенедикт Валерьянович, сядя в свой джип и обращаясь к разместившемуся рядом Мировскому. - Или... что-то не так? - спросил он, видя, что Георгий Георгиевич молчит, погрузившись в свои мысли.

- Что? Дворец? - переспросил Мировский. - Ах да, дворец... Ну, во-первых, не дворец, а замок, - уточнил Мировский. - А замок действительно великолепен. Настоящий, старинный особняк. Причем, как выяснилось, не XVII, а XIII века, - восхищенно добавил он.

- Сколько же стоит такая красота? - задумался вслух Сапфиров.

- Эх, старик, лучше не спрашивай, - покачал головой Георгий Георгиевич. - Добрая часть моих годовых доходов.

- Но он того стоит? - пытаюсь скрыть недоумение (неужели Мировский получает такую огромную прибыль? В том, что старинный особняк, да еще и в Англии, стоит немалых денег Бенедикт Валерьянович не сомневался) - взглянул на Мировского Сапфилов.

- Еще бы, - с придыханием ответил Георгий Георгиевич. - Кстати, вот посмотри - риэлторы подарили мне рекламные фотоснимки.

- ...А это что такое? - обратил внимание Сапфилов на расположенное неподалеку от замка небольшое одноэтажное здание, явно построенное уже в этом веке.

- А, это.. - Мировский взглянул на протянутую Сапфиловым фотографию. - Это модерн, - усмехнулся он. - Сын бывшего хозяина замка...

- Бывшего? - посмотрел на Мировского Сапфилов.

- Ну, да, - запросто ответил тот. - Ведь теперь хозяин я!..

- А почему они решили продать замок? - недоуменно переспросил Сапфилов.

- Понимаешь, - замялся Мировский, поймав на себе взгляд тут же с любопытством посмотревшего на него Сапфилова. - Там вышла не очень приятная история... В один из дней сын неожиданно исчез. Сообщение в полицию и начавшиеся поиски не принесли никаких результатов. Он словно провалился сквозь землю. А через время, подтвердились самые мрачные предположения... Неподалеку от замка проходил подземный туннель. И в одном из мест почва слегка просела, образовав неожиданную трещину. Ну, мальчишка и угодил именно в нее. Поезда там проносятся с огромной скоростью... В общем, никто ничего не подозревал, пока в туннеле случайно не закоротило провод. Вызванные рабочие заметили фрагменты тела. Ну, а дальше, как положено, вызвали полицию. Сопоставили факты. И выяснилось, что это был исчезнувший сын хозяина замка.

- И поэтому тот и решился на продажу? - медленно проговорил пораженный Сапфилов.

- Да, - согласился с ним Мировский. - Сказал, что больше не в силах в нем находиться. В последнее время у отца с сыном стали возникать конфликты. Тот даже хотел уйти из дома. Кстати, чтобы хоть как-то его удержать, отец и

разрешил ему ту постройку, на которую ты обратил внимание. Причем, - по какому-то индивидуальному проекту. (То ли сын был дизайнер, то ли другой кто-то, из родственников?..) Но это неважно, - усмехнулся Мировский, - все лишнее уберем, - по-хозяйски заметил он.

- Да, - покачал головой Сапфиров, в который раз убеждаясь в практичности своего шефа. Тот действительно нисколько не думал - не в пример порой излишне сентиментальному Сапфирову - о произошедшей трагедии, собственно говоря, - как понял Сапфиров, - и вынудившей продать родовой замок. Причем, наверняка, - Сапфиров в этом почти не сомневался - это было поспешное решение (какая еще реакция может быть у отца, потерявшего сына?!) И вполне можно было предположить, что потом тот одумается... Но замок-то уже не вернешь... Да, какой там вернешь?!.. Зная Мировского, Сапфиров понимал, что тот и на милю никого из бывших владельцев близко не подпустит. Что уж говорить о "нарушающем старинную архитектуру" каком-то здании. Вполне можно предположить, что приказ о сносе новостройки уже отдан, - рассентиментальничался Бенедикт Валерьянович. (Впрочем, это было вполне в его духе...)

- Ну, ничего, старик, - улыбнулся Мировский, не заметив изменившегося настроения Сапфирова (настроение, собственно, еще с утра было не ахти какое; теперь же, - испортилось окончательно). - Сейчас заедем в офис. Посмотрим, так сказать, обстановку. Ну, а потом, - еще шире (куда уж шире?) расплылся Мировский в сладострастной улыбке. - Приглашаю тебя в самый шикарный в городе ресторан. Будем гулять, кутить, в общем - веселиться! - В предвкушении праздника оскалился Мировский. - Такая покупка случается не каждый день! Тем более - что я подобного случая слишком долго ждал!

- Кроме нас будет кто-нибудь еще? - настороженно поинтересовался Сапфиров. Он вообще не разделял подобного настроения своего шефа. А после проведенных дней с его женой, честно сказать, вообще хотелось просто-напросто, элементарно отоспаться.

- Ну конечно! - радостно ответил Мировский. - Я приглашаю всех, кто меня знает, - уточнил он, и, расслабленно откинувшись на спинку кресла, заснул.

Только сейчас Сапфиров догадался, что Георгий Георгиевич был попросту пьян. Причем выпил он, по всей видимости, уже в аэропорту. Или в самолете... перед посадкой... Потому-то его и "разобрало" именно сейчас.

- Ну, пусть спит, - подумал Сапфиров, на миг задумавшись, куда же его теперь везти. А пока иной дороги в город - как только по Московскому проспекту - больше не было, Сапфиров слегка придавил педаль газа. - Отвезу-ка я этого алкоголика к его жене, - решил Сапфиров. - И, как ему не хотелось вновь увидеть жену Мировского, но Бенедикт Валерьянович понимал, что это будет единственно правильное решение. Пусть Георгий Георгиевич лучше отдохнет с дороги дома - организм-то уже не юный... И, свернув с Московского проспекта, Бенедикт Валерьянович довольно быстро (ранним утром город еще не был так запружен машинами) оказался на Невском, по нему, через Дворцовый мост, на Каменноостровском проспекте, дальше поворот направо - на Большой, затем на улицу Ленина, по ней до Чкаловского, и далее, на Зеленина; где, собственно говоря, и жил его шеф.

ГЛАВА 10

На следующее утро отдохнувший Мировский появился в дверях офиса.

- Со мной никого не соединять, - распорядился он, проходя в кабинет.

- Там Вас спрашивал Бенедикт Валерьянович, - сказала секретарь.

- Ну, его - как придет, - сразу ко мне, - ответил Мировский.

Сапфиров, приехавший почти за час до появления шефа и не застав того (секретарь лишь смущенно улыбнулась, мол, знаем, что вернулся, но даже не предполагаем когда появиться у нас), спустился вниз в компьютерный отдел.

Офис Георгия Георгиевича занимал три этажа семиэтажного бизнес-центра. Вообще-то они давно уже собирались переехать в отдельное здание. И, насколько было известно Сапфирову, вроде как и помещение необходимое уже нашлось. И, тем не менее, видно что-то мешало; потому как пока - ситуация оставалась в том виде, в каком Бенедикт Валерьянович и застал ее; когда, почти год назад - уже прошел год! - пришел устраиваться на работу.

Компьютеры, кстати, находились в каждом отделе; Мировский насколько не собирался отставать от прогресса; но, этот, в который направлялся Сапфиров, - был особый.

Огромная комната - метров сорок-пятьдесят, а то и все шестьдесят - была сплошь заставлена наисовременнейшими мониторами и системными блоками, так что на каждого работника, сидящего, надо заметить, в строго отведенном для него месте, приходилось даже не по одному - двум, а (Бенедикт Валерьянович всегда ломал голову - зачем это надо?!) по несколько компьютеров. При этом сколько их всего там умещалось - Сапфиров точно не знал. Но то, что цифра превышала три десятка, было точно. Зачем столько - Сапфиров тоже не знал. Да, он сюда, впрочем, приходил не по какой-то служебной надобности, а по вполне прозаической причине.

А дело все в том, что уже несколько недель, как здесь работал его племянник (сын сестры). Сестра - Анна, еще лет двадцать назад вышла замуж за военного; и с тех пор моталась с мужем по гарнизонам, не имея постоянного угла.

Пока сын учился в школе можно было терпеть.

Но когда подошел призывной возраст - женщина не на шутку всполошилась. Вдоволь насмотревшись на жизнь военных, она была категорически против того, чтобы ее сын разделил подобную участь отца; а потому практически настояла, чтобы он поехал в Санкт-Петербург поступать в какой-нибудь институт. (Хоть в какой! - напутствие матери). Причем, на вечернее отделение; чтобы в дневное время - устроиться работать.

У мальчика оказались способности к программированию; а потому, Бенедикт Валерьянович, как только узнал о желании племянника - желание это, надо заметить, все же более было

продиктовано волей его матери - поработать, то почти тут же (не преминув описать способности паренька) обратился к начальнику компьютерного отдела с просьбой взять мальчишку на работу. И очень удивился, о каких-то секретах Сапфиров даже и не предполагал, когда тот, смутившись, захотел получить по этому поводу личное уведомление Георгия Георгиевича. Сапфиров, разумеется, получил его без труда, - Мировский сам позвонил непонятливому начальнику отдела, наорав на него и пообещав понизить в должности, - и только тут узнал, почему, собственно говоря, и произошла заминка. Как оказалось: отдел занимался исключительно хакерскими штучками типа взлома компьютерных сетей конкурентов, ну, и тому подобное... Наверное, тогда же - за долгие годы - он и увидел заметно повзрослевшего (последние воспоминания относились к десятилетней давности) племянника.

Григорий оказался приятным молодым человеком 18 лет, и уже был студентом 1-го курса института им. Бонч-Бруевича. Он достаточно легко вписался в рабочий коллектив (причина, - как считал Сапфиров: знания и коммуникативные способности - того); через неделю после поступления заслужив личную похвалу начальника отдела за взлом базы данных одного из ближайших конкурентов. Над этой работой, кстати, отдел бился вторую неделю.

И вот сейчас, Бенедикт Валерьянович решил навестить своего племянника.

Однако, он совсем забыл, что просто так в отдел не зайдешь. Стальная дверь открывалась по сигналу охранником изнутри. А для посторонних - необходимо было получить предварительное разрешение.

К подобным предосторожностям Сапфиров относился с пониманием. Но... что было делать ему. Племянника увидеть хотел. А о разрешении - не подумал.

Он вспомнил, что когда-то уже хотел навестить племянника. И трудности, с которыми столкнулся. А потому собирался уже поворачивать обратно, как неожиданно увидел начальника отдела, где работал племянник.

- Вы в отдел? - на ходу (это было, вероятно, что-то типа приветствия) спросил тот, собираясь, было, обойти

Сапфинова, но Бенедикт Валерьянович сделав шаг в сторону - преграждая проход - любезно протянув руку, заулыбался.

- Здравствуйте, - остановился начальник отдела. В его глазах читалось недоумение, мол, зачем это вы к нам пожаловали. А так как Сапфинов относился к разряду небожителей (в таблице о рангах), то вот как раз это "недоумение" начальник отдела и попытался (неудачно, неудачно...) сейчас скрыть.

Сапфинов понимающе оскалился.

По природе Бенедикт Валерьянович был потенциальный трус. Но в отношении с начальником племянника отчего-то чувствовал себя уверенно.

- Хотел вот навестить племянника, да забыл, что к вам так просто не зайти, - тем не менее, словно оправдываясь, произнес он. Ему в голову вдруг пришла какая-то идея. И он больше, чем требовалось, задержал взгляд на (тотчас же смутившемся) начальнике отдела. Вероятно догадавшись, что от него хотят, попавший впросак из-за некой двойственности положения, начальник отдела вызвался сам направить Григория к Бенедикту Валерьяновичу.

- Вот и хорошо, - как ни в чем не бывало (а может, ничего и не было?!) искренне поблагодарил его Сапфинов. - Если Вам что-то потребуется, всегда можете обращаться. Как говориться - напрямую, намекнул он и о своей близости к шефу.

- Спасибо, - поблагодарил начальник отдела, в глазах которого могло читаться, как: "при первой же необходимости - воспользуюсь"; так и - "подальше от начальства - себе спокойнее".

А еще через время, смущенный (столь редко в прежние годы виденный дядя теперь воспринимался не как близкий родственник, а - прежде всего - как начальник; и, что наверняка, - как некое лицо, знакомое с матерью и от которого всегда можно "что-то" ожидать) Григорий уже стоял перед Бенедиктом Валерьяновичем.

- В институте проблем нет? - первым делом (оправдывая бессознательные опасения молодого человека)

поинтересовался Сапфиров, памятуя свой недавний разговор с сестрой, где она почему-то весьма переживала за учебу своего сына (и это при том, что, как было известно Бенедикту Валерьяновичу, его племянник был круглым отличником еще со школьных времен) и просила брата обратить на это особое внимание. Он, дескать (вот и отгадка!) может так увлечься "своими" компьютерами, что... (далее Сапфиров никогда не слушал...)

- Да нет, все в порядке, - ответил Григорий. Вообще-то, племянник всегда казался Бенедикту Валерьяновичу достаточно серьезным (хоть и молодым) человеком. Сейчас же, вероятно, юношу раздирало и собственное величие (одна тысячедолларовая зарплата чего стоит) и, - общение с таким большим начальником (коим являлся его дядя).

- Мать волнуется, - как всегда смутившись, когда касалось даже намек на какое-либо "нравоучение", попытался пояснить цель своего визита Сапфиров. На работе, надеюсь, тоже все в порядке? (По большому счету он не знал, что и о чем говорить; при том, что и сама беседа-то была вызвана не какой-то - особой необходимостью, а всего лишь: вынужденным "бездельем" Сапфирова; да, к тому же, между племянником и дядей никогда не было доверительных отношений. И ждатель, что они возникнут сейчас?!..)

- Да, все о`кей, - беззаботно ответил Григорий, не забыв, впрочем, поблагодарить за то, что дядя - нашел ему такую работу.

- С общежитием как? - должно быть решил уже выяснить все до конца Сапфиров. (Григорий - несмотря на возможность снять себе более приличное жилье - жил, тем не менее, в общежитии. Так решила его мать - мальчик будет под наблюдением. Да и сам он был "не против". Тратя по минимуму, он все остальные деньги откладывал на покупку собственной квартиры).

- Да, все о`кей! - повторил ответ Григорий.

- Ну, раз у тебя все "о`кей", - передразнил его Сапфиров, собираясь уже уходить и, словно спохватившись, полуобернулся (получилась этакая смесь панибратства с любопытством): - У тебя-то... ко мне - есть какие вопросы?.. Ну, быть может, просьбы?" - выдавил он из себя.

- Пока нет, - оставляя право на обращение, спокойно ответил Григорий.

- Ну, тогда пока, - облегченно выдохнув, поспешил попрощаться Сапфиров, тот час же направляясь к кабинету Мировского.

- У себя, у себя, - подтвердила его предположение секретарь, когда Бенедикт Валерьянович зашел в приемную.

- Разрешите? - постучал Сапфиров, заглядывая в кабинет шефа.

- Про-хо-ди! - весело (он был опять "в настроении", - с удовлетворением отметил про себя Сапфиров) произнес Мировский.

На столе секретаря зазвучала трель звонка и раздавшийся голос Мировского напомнил ей, что "ни для кого его нет".

- Хорошо, - нежно проворковала секретарша.

ГЛАВА 11

- Завидую я тебе, - сказала Лора, подруга жены Сапфирова еще со времен спортивной юности, обращаясь к Елене, когда они вместе зашли в сауну.

Лора, такая же высокая, как Елена, но несколько массивнее ее, с крупными широкими плечами и бедрами, небольшой грудью и копной рыжих волос, в отличие от подруги, - не ушла из спорта "насовсем" оставшись работать детским тренером.

Получая небольшую зарплату, она искренне радовалась за подругу, нашедшую хорошую, высокооплачиваемую работу. И понимала, что о подобном (Елена, о том, где она работает - не говорила) ей остается только мечтать.

Была она разведена; одежду покупала "на распродажах"; еду - в магазинчиках "для малоимущих". И то единственное, что она могла сделать для подруги, - пригласить ее в сауну, находящуюся на территории спортивного комплекса; а значит, - бесплатную для тренеров и спортсменов.

В ней-то они сейчас и сидели, постелив простыни на медленно нагревающиеся доски.

Елена понимала боль подруги; и была бы рада что-нибудь для нее сделать; но... что она могла?.. Или могла?

- Ты знаешь, я скоро должна получить должность директора колледжа. Ну, того, где я сейчас работаю, - пояснила она, видя отвлеченный взгляд Лоры, не сразу переключившейся со своих мыслей. - Быть может, тогда у меня получится взять тебя на должность педагога по физическому воспитанию...

- Спасибо, - грустно посмотрев на подругу, поблагодарила ее Лора. - Но ты же знаешь - куда я без своих девочек? (Воспитанницы Лоры, 10-12 летние школьницы побеждали не только на городских, но и на российских соревнованиях. Притом, что ее секция - была бесплатная. А занимались - дети из малообеспеченных семей. И оттого, - когда заходил вопрос об уходе - она не решалась. Откровенно жалко было детей).

- Да, понимаю, - вздохнула Елена, грустно посмотрев на подругу. - Самой, иной раз, хочется послать все к черту; да уйти работать в обычную школу, - призналась она.

Лора обеспокоено посмотрела на подругу.

Елена до сих пор действительно скрывала какую "цену" она должна была платить за подобные богатства. Но теперь она решила ей все рассказать. Хотя бы по той причине, что так легче было бы носить свою тайну. Тем более, что и ближе Лоры - у Елены никого не было (оставшись без родителей, только недавно встретила родную тетю; разговорившись с "бабушкой" в магазине, внезапно поняла, что та: сестра ее покойного отца-подводника).

Да и с мужем в последнее время не ладилось. А ни с кем из новых, впрочем, как и старых коллег, близко она не сошлась. Предпочитая держать себя на дистанции. Она даже не уверена была, что, если - так же как ее муж - случайно встретит кого из бывших одноклассников, - подойдет ли к ним? По всему выходило - что нет.

Постаравшись ничего не пропускать (ну, может быть, опустив излишние подробности сексуальных извращений и унижений, которыми ей приходилось подвергаться), - Елена

поведала подруге о истинном происхождении "богатства". И "что", "по сколько", "когда", с "кем", и "где" - приходилось делать, чтобы "чувствовать себя - такой богатой".

Закончив рассказ, она посмотрела на заморожено внимающую каждому ее слову Лору.

Искусственно образовавшуюся паузу заполнить никто не спешил.

Елена... Елена, словно заново пережила все унижения. А Лора... даже не знала - как реагировать. Но сказать, что она была искренне поражена услышанным, - значит ничего не сказать. То, что она принимала как естественное (и долгожданное) подтверждение таланта и способностей своей подруги (а Елена закончила с красным дипломом институт и с золотой медалью школы), - теперь оказалось всего лишь платой - пусть и такой солидной - за блажь случайно встретившегося извращенца.

Куда же подевалась справедливость?..

А почему она решила... что все должно быть "по справедливости"?.. Откуда она взяла, что справедливость - существует?.. Кто это когда-то решил, что в мире все устроено по справедливости?.. Разве она не находит почти ежедневное подтверждение обратному?.. Разве она не видит, - хотя бы по элементарной оценке окружающего мира, - что, если человек негодяй, то с ним "ничего не происходит". И он вполне может дожить до старости, оставаясь таким же "негодяем". Тогда, - если бы все было "устроено по справедливости", - с "негодяем", наверняка должно бы было что-то случиться. Что-то такое, после чего бы он задумался о том: "кто он?" и "зачем существует"? Хотя, вероятно, если "негодяй" способен бы был задавать себе такие вопросы, был бы он тогда: негодяем?..

Так почему кто-то решил, что добро неизменно и всегда - побеждает зло?.. Не есть ли это - ничем не подтвержденное - предположение?.. Вносящее - сумятицу в умы людей?.. Человек ждет, что зло будет наказано. А, на самом деле, - ничего подобного и не происходит. Он еще и еще раз ждет, - и вновь: не происходит ничего. И начинает уже разочаровываться в "этом мире". А потом, внезапно, зло -

---

действительно "наказывается". Негодяй - "получает по заслугам". "Правда" - торжествует. И думает такой человек, - что он, верно, "ошибся в первоначальных расчетах"? А ему в ответ кивают герои многочисленных (лживых) кинофильмов; со "счастливым" концом и "справедливым" финалом. И, чем качественнее фильм (то есть, чем лучше режиссер, оператор и актеры), тем качественнее ложь; ибо тогда уже кажется, - что это и не ложь вовсе.

И верит в это человек. И становится, - радостным, да довольным.

А, когда снова замечает "несправедливость", то, иной раз, и внимания не обращает. Полагая, что "правда" - вновь "восторжествует". Надо - только подождать.

- Ну, что ты мне теперь скажешь, - задала вопрос Елена, перебив ход Лориных мыслей. - По-прежнему мне завидуешь? - устало поинтересовалась она.

Лора молча посмотрела на подругу. Что она могла ей сказать? То, что подобной жизнью живут сотни "девочек по вызову", получая за свою работу намного меньшую плату? Или то, что для нормальной интеллигентной женщины унижительно стыдно заниматься подобными вещами? Что ей должна была сказать Лора? И должна ли она была вообще что-нибудь говорить?..

Лора лишь грустно посмотрела на подругу и предложила "переходить к водным процедурам". Они и так слишком засиделись в парной. Пора бы "окупаться в отрезвляюще ледяной бассейн". Слегка остудить свои мысли.

И девушки, выскочив из перегревшейся сауны, весело, как в былые времена, взявшись за руки, прыгнули в бассейн.

День подходил к концу. А им еще нужно было успеть сделать и другие дела. Жизнь - продолжалась...

ГЛАВА 12

- А, присаживайся, - показал Мирковский вошедшему Сапфирову. - Спасибо, что вчера отвез меня домой. Я слегка перебрал в самолете, - подтвердил он догадку Бенедикта Валерьяновича.

Сапфиров кивнул головой, мол, что там, понимаем, сами такие, усаживаясь в кресло, на которое указывал Георгий Георгиевич.

- Я что тебя позвал, - произнес тот, внимательно посмотрев в глаза Бенедикту Валерьяновичу. - Ты знаешь, я уже говорил, что очень доволен своей поездкой в Лондон, - начал издали он, дав понять, что помнит состоявшийся в машине разговор. - Но это на самом деле не все. Вернее, не все, что мне удалось сделать в поездке. На самом деле - а это по-настоящему удача, та удача, которой можно по праву гордиться, - я еще заключил несколько соглашений, считай, договоров, о приобретении в собственность ряда крупных предприятий. В Англии, - подтвердил он догадку Сапфирова о волчьей хватке своего институтского приятеля. - Правда, находятся эти предприятия, - не в самом Лондоне; а в Манчестере; металлургическом крае Англии, - пояснил он. - И, кроме того, заметно отличаются от тех направлений в бизнесе, которые я имею - в России.

Заинтригованный Сапфиров внимательно слушал Георгия Георгиевича.

- Это две угольные шахты (хотел одну, но по цене выходило, что вполне можно было и обе) и металлургический завод, - Мирковский сделал паузу, наблюдая за реакцией Бенедикта Валерьяновича.

Тот еле сдерживался, чтобы не выказать своего удивления: как можно делать такие серьезные покупки, не подготовившись к ним заранее? Ведь это требует, как минимум, самых тщательных заключений экспертов. А помимо того, с какими же Мирковский туда поехал деньгами? Или у него на самом деле - а он давно об этом догадывался - деньги хранятся на депозитах в зарубежных банках? Тогда он становится по-настоящему опасен. Уйти от него - если он

сам того не пожелает - Бенедикту Валерьяновичу будет попросту невозможно. Он вспомнил свою недавнюю попытку, закончившуюся полным провалом, когда он пожелал иметь: "свечной заводик".

- Но и это еще не все, - снова начал Мировский, отметив про себя внутреннюю борьбу желающего казаться беспристрастным слушателем Сапфинова. - Потребуется перевод части управленческого персонала (и, безусловно, последующий за ним поиск новых кадров) в Англию. Вот я тебе и собирался предложить - не хотел бы ты поехать в Англию? Возглавить мое представительство? Парень ты с головой. К тому же за наш совместный год работы - я считаю - ты вполне научился понимать, что же я на самом деле хочу. В общем - я предлагаю тебе самую настоящую самостоятельность. Ту самостоятельность, которую тебе вряд ли кто-то предложит. К тому же - с самыми широкими полномочиями. Что на это скажешь? - чуть прищурив глаза, выжидательно посмотрел на него Мировский.

- Почему он от меня решил избавиться? - было первой реакцией Бенедикта Валерьяновича. Он еле сдержался, чтобы не задать ему этот вопрос. Но, вместо того, просто посмотрел в глаза Георгия Георгиевича и, не выдержав взгляда, опустил глаза, произнес неувверенным голосом, что он, мол, пока не уверен, что справится с "оказанным доверием"; и, если Георгий Георгиевич не будет против, готов пока поработать здесь, под его началом, и в родном городе.

- Так я и предполагал, - подумал Мировский, конечно же, никуда и не собираясь отправлять Сапфинова (не зря он столько над ним "работал", чтобы "сплавить" за тысячи верст), а, просто решая проверить своего "подопытного кролика", как Мировский, мысленно называл того.

- Хорошо, - сказал Георгий Георгиевич. - Но тогда, надеюсь, курировать "прием новых менеджеров" ты не откажешься? - улыбнулся он, всем своим видом показывая, что Сапфинову отказываться нельзя. - Нет, конечно, "находить", "беседовать" и "отбирать" людей - будет по

прежнему наш отдел по персоналу (именно отдел по персоналу занимался первичным отбором "конкурсантов" на вакансии; потом, те переходили к психологам, службе безопасности, ряду других "ведомств"; и только тогда, если к ним не оказывалось "вопросов" - они попадали в отдел кадров; что, собственно, и было "конечной инстанцией" - при приеме на работу. Кажущаяся громоздкость, и, - как некоторые считали, - излишний бюрократизм на самом деле оправдывали себя. И, как результат, - ни одного заявления об уходе, поданного с момента ввода "дополнительного фильтра", - как кое-кто называл кажущуюся громоздкость заполнения вакансий; и, кроме того, заметное увеличение КПД чуть ли не каждого из работников); но, окончательное право (так сказать, право последней инстанции) при приеме на работу, - будет принадлежать исключительно тебе. Согласен?! - не давая времени на размышления (что тут размышлять - уже все решено и без него) стальным голосом поинтересовался Георгий Георгиевич.

Было непонятно: спрашивал он, - или отвечал за него. Скорее, и то, и другое.

- Да, да, конечно, - быстро согласился Сапфиров. - Когда мне приступить?

- Бенедикт Валерьянович? - медленно произнес Мировский, мол, что это ты суетишься, во-первых, о сроках тебе скажут, а во-вторых, это нисколько тебя не освобождает от твоей основной работы, так что...

- Понял, понял, - действительно все понял Сапфиров. - Он научился понимать своего шефа с полуслова. Чему - нужно заметить - тот был весьма рад. Георгий Георгиевич вообще даже внешне походил на барина. А оттого, нисколько не отказывал себе "в удовольствии" выслушивать, - пусть и неискренние, - но зато такие приятные слова в свой адрес. Это у него вошло в привычку еще со времен комсомольского прошлого; и сейчас - он совсем не собирался от этого отказываться. Изменились времена. Но это совсем не значит - что должен изменяться он. Тем более, что по-прежнему - "начальник".

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1

Началось лето. Лето в Санкт-Петербурге было совсем не такое, как в центральной, а тем более южной России, где уже вовсю пекло солнце, а столбик термометра даже в вечернее время не опускался ниже отметки в 30R по Цельсию. И это в сравнении с 18-20 питерскими градусами в дневные часы! Но, тем не менее, это уже было что-то, в том смысле, что можно было расстегнуть куртку, даже надеть более легкую, и наконец-то забросить на антресоль зимнюю одежду.

Бенедикт Валерьянович проснулся когда утренние лучи уже вели хором в его квартире. Он посмотрел на часы. Было начало одиннадцатого.

Бенедикт Валерьянович сладко потянулся, лежа в постели, потом спустил ноги с кровати, которые сразу обволокло мягкой шерстью недавно купленного персидского ковра. Вообще, ковры у Бенедикта Валерьяновича были повсюду. Его новая пятикомнатная квартира в современном, только что построенном элитном доме, была больше похожа на жилище какого-то арабского шейха, нежели на квартиру скромного российского "помощника бизнесмена". Помимо ковров, которые были и на полу, и на стенах, а в некоторых комнатах и чуть ли не на окнах и потолках, - он не очень любил дневной свет, - повсюду были расставлены статуэтки (золотые, бронзовые, под старину, а то и просто антикварные, среди которых встречались и настоящие раритеты); и квартира, и обстановка - следствие "увлечения" жены Сапфинова каким-то иорданским шейхом. Тот подарил квартиру женщине, как написал в письме, кстати, адресованному мужу, то есть - Сапфинову, "в знак особой признательности за подаренные часы наслаждений". То есть, - в качестве "компенсации" за "пользование" супругой, понял Сапфинов.

Впрочем, Бенедикт Валерьянович был ничуть не в обиде "за такой подарок". Сейчас он стал совсем другим, чем был год назад. А чего-то - и вовсе не замечал. Ну, изменяет ему жена? - Изменяет! Разъезжает на подаренных авто да носит подаренные одежды? - Носит! И разъезжает! Ну, и что с того? Разве сам он не делает то же самое?

А, может быть, это плохо? Может, и плохо! Может, даже, и ужасно плохо, безобразно плохо, просто отвратительно! Ну, и что с того? Что он может изменить? Ведь было время, когда он честно пытался с этим бороться! Но сначала жена его просто послала!

(Ее "крутой нрав" никуда не исчез; в последнее время, из независимой ни от чьего мнения женщины - она превратилась в обычную стервозную бабенку; все отличие которой, - от той, другой, - теперь было лишь в том, что первой реакцией при каком-либо "интересе" со стороны мужчины было гневное недоумение; то есть она, попросту, любила потрепать нервы, разыгрывая из себя "недотрогу"; а потом, - с той же неистовостью, с какой она до того кляла "на чем свет стоит" "ухажера", - отдавалась ему; уже без какого бы то ни было отказа, выполняя любые желания мужчины).

А потом, желая оградить себя от дальнейших попыток мужа одержать победу в борьбе за свои права, она просто пожаловалась Миrowsкому; который и дал понять Бенедикту Валерьяновичу, - что, мол, жена того, уже и не совсем жена; и если она остается супругой "по паспорту", и это совсем не значит - что так на самом деле; и если кто и может приказывать ей - то только он, Георгий Георгиевич Миrowsкий. И - больше никто.

Да и вообще, мол, Вы, "товарищ Сапфиров", наверное, уже и забыли, когда сами бывали-то в положении вашей супруги? А что вы так изменились в лице? Не заметно? Заметно, еще как заметно. И, быть может, поведаете нам - о ваших сексуальных "пристрастиях"?.. Да нет, нет, нас несколько не интересует, - что любите Вы... Намного, например, интересней - что "любит" ваша супруга... ну, почему же?.. Конечно, - еще супруга... И таковою - она останется... Уж, Вы можете не переживать... А что - до "пристрастий" ее - так, мы и так о них знаем. Сама рассказала. Ну, например...

Что ты, дорогой, так покраснел?.. Или забыл... ну, ладно. Не выкобенивайся. Вот... вот, тебе, - держи бумажку-то, адресок... хотя, зачем, ты его, должно быть, и так знаешь... знаешь? - ну вот и хорошо... давай-ка, мой друг, подъезжай

вечерком - время там указано - да... немножко повеселимся. Вернее, хм, должно быть, кто-то повеселится, а кто-то и поработает!..

Так что, ничего хорошего из попытки хоть немного "урезонить" супругу - у Бенедикта Валерьяновича не вышло. Наоборот, он лишний раз напомнил о себе...

Хотя, вряд ли, о нем Мировский когда-нибудь надолго забывал...

ГЛАВА 2

- Ну что, готов? - спросил Мировский, когда, одетый в какой-то охотничий костюм времен средневековой Франции, обкуренный и полупьяный Сапфиров (сам Мировский в последнее время пристрастился к кальяну, иногда подменяя его кокаином и вермутом) показался перед ним, выйдя из одной из комнат, приспособленной под гримерную - одной из его, Мировского, специально отведенной для утех, квартир.

- Ну, тогда можно и начинать! - потер Георгий Георгиевич руки, еще раз оглядев смущенно улыбающегося Сапфирова, и дал отмашку начала представления.

Тут же все пришло в невероятное движение. Ударили динамики ритмичной латиноамериканской музыки, послышался перезвон струн испанской гитары, началась женская оперная партия, перебиваемая рэппом американских негров. Откуда-то появились и сами негры. На их мощных атлетических телах из одежды были только набедренные повязки. Вокруг них тут же стали танцевать полуобнаженные девушки с красивыми, великолепно по-женски развитыми телами "профессиональных танцовщиц". Постепенно девушки в ритме танца сбрасывали с себя ту немногочисленную одежду, какая на них еще была (узорные лифчики, тончайше-прозрачные трусики). Появились две женщины с красивыми, но строгими лицами в одеждах полураздетых наездниц (ботфорты, пеньюар, шляпа с полями да перьями). Ничего не понимающий Сапфиров (хм...что-то

он слегка перебрал), повинуюсь строгому жесту одной из них, сделал, было, несколько шагов вперед; как его тут же повалили (танцующие еще секундой раньше) девушки; и... руками, телами, языком и волосами - привели Бенедикта Валерьяновича в состояние самой, что ни на есть, "возбужденной плоти"; уступив место "наездницам"; и началось то, после чего еще долго Сапфиров отходил (обычно на другой день он брал отгул, дабы вернуться в надлежащий вид), не в силах встать со своей постели, отпиваясь кефиром и молоком, да давая долгожданный покой своему изможденному телу...

Впрочем, все тело Сапфирова, в той или иной мере, принимало участие в длившемся несколько часов сексуально-эротическом спектакле; где, уже через несколько минут, никто не разбирал: "куда", "в кого" и "сколько"?.. а также - кто "его"? и, главное, "зачем"?..

Впрочем, - зачем?.. Зачем?.. было известно только Мировскому; который, явно, наслаждался поставленным порно-спектаклем.

Да и что говорить?! Георгий Георгиевич ощущал такой подъем сил, заряжаясь от лицемерного действия... что всю неделю после - это ощущали на себе все, кто окружал Георгия Георгиевича на работе...

Может быть, благодаря подобному, - бизнес Георгия Георгиевича заметно отличался от большинства его конкурентов; поражая и восхищая размахом и масштабностью... и, конечно же, - получаемой прибылью.

И это, только исходя из официальной, надводной части, заметной для общественности и фискальных органов. Настоящих же размахов (созданной Мировским империи) - не знал никто. Мировский вообще предпочитал не изменять своему правилу: все должны были знать только то, что он решит, чтобы они: знали...

Потому и знали (даже его ближайшие помощники) только ту часть, которую им и позволялось знать (каждому свою). Даже не пытаюсь соединить (имеющуюся у любого из них) информацию; чтобы получить - "единое целое".

Да, быть может, подобного желания ни у кого и не было. Ни у кого, кроме одного человека; который, неожиданно (забавы ради?!) - собрал (на лазерных дисках) всю имеющуюся - информацию. Как о Мировском, - так и о корпорации.

И этим "человеком" - был... Григорий. Племянник Сапфинова, студент второго курса института, и, - по совместительству - хакер. Из специального отдела, созданного когда-то самим Мировским.

Получив информацию и только-только пробежав по ней глазами - Григорий понял, что в его руках оказалась неразорвавшаяся бомба. Бомба, стоимостью миллионы долларов.

Молодой человек устало откинулся в кресле (он давно уже снял однокомнатную квартиру, - "вето" матери было преодолено, - поставив там домашний компьютер) и, отвлеченно уставясь на включенный экран монитора (вернее - сквозь него) - стал обдумывать, как ему лучше распорядиться полученной информацией?

ГЛАВА 3

Июль был в самом разгаре. Правда, в утренние часы, когда солнце еще не достаточно активно, в городе было "по-настоящему хорошо".

Мировский, у которого была назначена встреча с Гранатовым на набережной Фонтанки (напротив Инженерного замка - летом он мог себе позволить иногда вырваться из надоевшего офиса), приехал почти на четверть часа раньше. Никогда не знаешь точно, когда доберешься; иногда, вроде, и едешь с запасом - а пробки на дорогах такие, что приходится выезжать на тротуар - только бы успеть. А случается - как сейчас - одну и ту же дистанцию проезжаешь

чуть ли не в два раза быстрее. И теперь, в ожидании приятеля, он медленно прогуливался по набережной.

- Неправда ли, - прекрасно? - спросил Мировский, подходя к красивой, - даже очень красивой, - молодой девушке лет 18-20-ти, любующейся старинным замком.

Обернувшись, девушка вопросительно посмотрела на него.

- Простите, - он сделал вид смутившегося человека. - Я, наверное, Вас потревожил?

Любопытно, но когда Георгий Георгиевич того хотел, то он мог быть весьма и весьма обходителен, вежлив и даже... сентиментален. Те, кто его знал давно - уверенно бы заверили, что это ни что иное, как очередная хитрость старого лиса. Но, на незнакомых людей подобная учтивость действовала расслабляюще.

- Да нет, что Вы, - покраснела девушка. - Я просто приехала поступать в институт. А сказали, что приемная комиссия начинает работать только с завтрашнего дня. Вот и подумала, зачем зря пропадать дню...

- И решили побродить по городу? - продолжил за нее фразу Мировский.

Девушка согласно кивнула и застенчиво опустила глаза.

- А, если не секрет, в какой институт? - стараясь не быть настойчивым, но все же не сумев побороть разгоравшегося любопытства (ведь девушка была действительно красива - высокая, с падающими на плечи черными волосами, большими глазами, длинными ресницами, обворожительной, слегка еще по-детски наивной улыбкой, а мини-юбка и топик только дополняли портрет незнакомки) поинтересовался Мировский.

- Театральный, - сказала она.

- Театральный?! - присвистнул Георгий Георгиевич.

- Что, думаете, не получится? - быстро спросила девушка. - Правда, я на всякий случай решила подать документы еще и в институт культуры.

- Да нет, почему же, - ответил Мировский. - А откуда Вы приехали? - задал он очередной вопрос.

- Из Краснодара, - по-прежнему смущенно призналась она. - Вернее, не из самого Краснодара. А недалеко от него. Из Красноармейского, - добавила девушка.

-
- Города? - посмотрел на нее Мирковский.
- Поселка. Поселка городского типа, - уточнила она, опустив длинные ресницы.
- А как Вас зовут? - если уж и быть любопытным, то до конца, подумал он.
- Аня.
- Аня? А меня Георгий.
- Простите, а как Вас по отчеству? - Чуть ли не умоляюще, - было видно, что она смущается не меньше покрасневшего (кто не хочет в схожей ситуации казаться моложе?) Мировского, - поинтересовалась девушка.
- Георгий Георгиевич, - действительно, пришла пора смущаться и ему. - Вы давно приехали в город? - учтиво поинтересовался Георгий Георгиевич, быстро справившись с первой - совсем не свойственной ему робостью.
- Всего несколько дней назад.
- А где остановились?
- У меня здесь живет дядя. В "Веселом поселке", - в первый раз за все время улыбнулась девушка.
- В "Веселом поселке"?! - оценил юмор Мирковский, он сам бывало в детстве шутивший над подобной "географической редкостью".
- Знаете что, Аня, - внимательно посмотрел на девушку Мирковский. - Я через полчаса освобожусь. Мне надо переговорить с одним человеком. - А потом, если не возражаете, - могу Вам показать город.
- Правда?! - готова была захлопать в ладоши девушка, но вовремя сдержалась. Она первый раз была в большом городе. И совсем не знала, как ей следует себя вести. Вернее - хотелось быть поосторожнее, выглядеть поувереннее. Но так как она, была еще, в сущности, ребенок, да еще из небольшого поселка, то вполне понятно, что первые искренние ее желания были, как говорится, родом из детства.
- Ну конечно! - галантно добавил Георгий Георгиевич. - Если согласны - давайте встретимся где-нибудь через полчаса, на этом же самом месте, - ответил Мирковский, чуть посмотрев поверх девушки и замечая подходившего к ним Гранатова.
- Я согласна! - улыбнувшись, кивнула Аня.

- Ну и славненько, - тоже улыбнулся Мировский.

- Здравствуйте! - галантно наклонил голову подошедший Гранатов.

- Здравствуйте! - улыбнулась и ему девушка. - Ну, я пойду пока, - просяще (была заметна ее скованность) посмотрела она на Георгия Георгиевича. Тот, продолжая улыбаться, и не сводив с нее глаз, кивнул.

- Можете посмотреть пока "чижика-пыжика", - сказал он, и, видя вновь появившееся смущение девушки, объяснил, что всего в нескольких десятках метров отсюда, прямо по набережной, там, где она пересекается с Мойкой, есть маленький бронзовый памятник герою шуточной песенки, прикрепленный к гранитному парапету почти у самой воды.

- ...Обхаживаешь молодое поколение? - весело пошутил Гранатов, глядя вместе с Мировским вслед удаляющейся фигурке девушки.

- Да, только сейчас познакомился, - отмахнулся Мировский, явно не желая распространяться по этому поводу.

- Ну, значит, что я хотел тебе сказать, - серьезно произнес Гранатов, вполне поняв своего товарища, и сразу переходя к делу. - То, что ты говорил по поводу Барта не совсем подтвердилось. Правда, мне удалось узнать, что, действительно, сейчас у них ситуация не такая, как раньше; как - еще, даже, - несколько месяцев назад. К тому же, Барт продал свой автомобиль. Что, как бы подтверждает наши предположения. Однако, никто из коллектива не ушел. И если и заметно было недовольство - то незначительное. Все ждут перемен к лучшему.

- То есть, пока терпят? - спросил Мировский.

- Ну, ты же знаешь, наш русский народ терпелив.

- Да уж, - покачал головой Мировский. - И что, нет никаких возможностей убрать его с должности? - недоуменно поинтересовался он.

Мировский, вспомнив, что у него когда-то была мысль заняться наукой. Пусть мысль и неосознанная. И он даже, помнится, изгнал ее. Но теперь ему казалось, появился шанс

реализовать "былое желание". Точнее - появились "финансовые возможности". Ведь он нисколько не собирался сам копаться в пробирках. Достаточно было - консолидировать специалистов; а собрать вокруг себя "любителей подобных занятий" он мог.

Но, не с нуля же начинать! И Мирковский решил пойти по заранее известной ему "дорожке". А именно, - забрать уже готовое учреждение. То есть, просто захватить Научно-Исследовательский Институт.

Дальше его мысль заработала в соответствии с уже известным планом. Став наводить справки - в том числе, "забросив удочки" всем друзьям и знакомым - Мирковский несказанно обрадовался, когда позвонил Гранатов, сказав, что один его знакомый как раз работает в НИИ. И, не абы кем, - а, одним из заместителей директора. Директором - был Барт.

Георгий Георгиевич дал команду выяснить реальную ситуацию в институте; а Гранатова - попросил аккуратно выяснить то же самое, - у своего знакомого. А заодно "прощупать" его на предмет перехода, иными словами - работать на другого человека. Ему даже можно было пообещать пост директора института, - улыбнулся тогда Мирковский. Тем более, как оно будет все на самом деле... - подумал Георгий Георгиевич, - покажет время.

И сейчас, когда Гранатов приехал - это была их третья встреча с момента появившегося у Мирковского интереса к институту - Георгий Георгиевич на самом деле был искренне рад. По крайней мере - делу дан ход. А результат - в этом Мирковский не сомневался - все равно будет в его пользу. Иного не дано.

- Я сейчас тоже просчитываю ситуацию, - ответил на его вопрос Гранатов. - Единственное, что пока могу сказать, - мой знакомый не прочь принять твое предложение.

- Ну, с этого и надо было начинать, - полегчало на душе у Мирковского. - Как считаешь - может, пора тебе сделать нам совместную встречу с "твоим знакомым"? У тебя же, все-

---

таки, и другие дела, - добавил он, заметив, как удивленно вскинул брови Гранатов.

- Ишь ты, какие мы мнительные, - подумал про себя Георгий Георгиевич. - Так еще, чего доброго, испорчу все?!.

- У меня в том деле - тоже есть интерес. Небольшой, - нехотя признался Гранатов.

- У тебя? - искренне удивился Мировский. - Тоже хочешь "вложиться" в науку? - недоуменно поинтересовался он. В планы Георгия Георгиевича никак не входило, чтобы Гранатов имел какой-то материальный интерес к институту.

Но Гранатов тотчас же его разуверил. - Просто, этот самый мой знакомый... - медленно начал он, поглядывая на Мировского и словно раздумывая: говорить - не говорить?.. - Ну, в общем, мне сказали, что он равнодушен к моей жене... И вроде как они даже встречались?!...

- Вот оно что, - произнес удивленный и моментально успокоившийся - а как иначе: подвоха можно ожидать в любой момент, Мировский, в душе, признаться, любивший подобные приключения. - Тогда, - никаким директором этот твой приятель не станет, - произнес Мировский, оценив замысел Гранатова.

- Все верно. Я просто хочу вышвырнуть эту дрянь на улицу, - подтвердил уже возникшее у Мировского предположение Валентин Сергеевич Гранатов. - А то знаешь, как только у этих козлов появляются лишние деньги, так они сразу начинают заглядывать в чужой огород.

- Верно, - подумал про себя Мировский. - Есть такое. - Но ничего. Сначала мы его руками уберем Барта. А уже потом - скажем Барту, кто его подставил.

Компаньоны дружно захохотали, представляя в своем воображении будущий розыгрыш.

- В общем, я буду продолжать тебя держать в курсе, - снова вернулся Гранатов к их общей теме. - А как что-то прояснится, дам знать.

- Хорошо, - согласился Мировский, одобрительно кивнув в подтверждение слов Валентина Сергеевича. - Кстати, заметил ты или нет, что я уже тоже включил кое-какие механизмы по этому делу? Случайно оказалось, что один из моих знакомых, да ты его наверняка знаешь (он назвал

фамилию бывшего первого секретаря одного из - теперь тоже бывших - райкомов комсомола), чуть ли не главный заказчик НИИ Барта. Он теперь директор крупной фармацевтической компании, - пояснил Георгий Георгиевич. - Ну, так вот пришлось пойти на небольшие расходы, чтобы тот временно заморозил свой заказ. Временно - это пока НИИ не перейдет ко мне, - улыбнувшись, пояснил Мировский.

Гранатов присвистнул. - Хорошо работаем, - заулыбался он, восхищенно посмотрев на Мировского и прокручивая в голове результаты подобного шага. - Ну, теперь у меня окончательно пропали все сомнения, - произнес он, протягивая руку на прощание, - с такой хваткой как у тебя институт действительно будет наш. Вернее - ваш, - тут же поправился он.

Мировский еще долго смотрел вслед Валентину Сергеевичу, пока не вспомнил, что уже наверно прошло назначенное девушке время. Он осмотрелся. Так и было. Аня скромно стояла в десятке метров, сузив плечики и держа в опущенных руках сумочку.

Георгий Георгиевич весело помахал ей.

Лицо девушки озарилось улыбкой, и Аня, - о ней, оказывается, не забыли, - пошла навстречу Георгию Георгиевичу.

ГЛАВА 4

Григорий задумчиво вертел в руках лазерный диск. Он, пожалуй, даже сам до конца не подозревал сколь ценны (а вернее, бесценны) добытые им сведения. Начав почти что с игры - просто попрактиковаться в "хакерском искусстве" (а на чем еще "практиковаться", как не на той компании, где он работал) - он постепенно, по мере взламывания секретных кодов - стал понимать, что в его руках сосредотачивается грозное оружие. Оружие - способное разорить крупного предпринимателя Мировского. И оружие - которое могло принести ему, студенту из небогатой семьи, обладание миллионами. Правда, это же самое оружие могло

уничтожить и его самого (он смутно догадывался, что за подобное - даже в другие времена, а в середине 90-х в России, где еще вовсю - и в этом он чуть ли не ежедневно убеждался по сводкам криминальных новостей - правили бал криминальные группировки - его вряд ли "поглядят по головке"). Но об этом он сейчас предпочитал не думать.

- Что делать? - вот о чем размышлял Григорий. - Как лучше распорядиться имеющейся у него в руках информацией? Распорядиться так, чтобы "бомба" не разорвалась в его руках? Выйти на ближайших конкурентов? Передать информацию в соответствующие органы? Или...

неожиданная мысль пришла в голову Григорию - рассказать обо всем самому Мироскому? Он всего один раз видел хозяина корпорации, когда его дядя Бенедикт Валерьянович - вот, кстати, на ком может негативно отразиться, если сведения станут достоянием других людей. Ведь, в этом случае его дядя окажется или безработным, если информация дойдет до конкурентов, или, что, быть может, хуже всего - над ним вообще нависнет опасность уголовного преследования. И, что тогда скажет Григорию мать?

Григорий еще какое-то время молча просидел, глядя на диск, но никакие новые мысли уже не приходили. Он принял решение. Правда - еще можно было посоветоваться с дядей. Тот наверняка бы подсказал, как ему лучше распорядиться информацией. Но Григорию недавно исполнилось 19 лет. И он считал, что уже стал достаточно самостоятельным человеком, чтобы позволить себе самому принимать решения. Он протянул к себе телефон и набрал прямой номер Георгия Георгиевича Мироского. С помощью компьютера он мог раздобыть номер телефона даже самого Господа Бога...

Если б у того номер телефона имелся...

ГЛАВА 5

Елена быстро вышла из станции метро "Черная речка", перешла через улицу Савушкина и, пройдя по набережной Черной речки, свернула на Школьную улицу, где вскоре и

скрылась в парадной одного из домов. Поднявшись по широкой лестнице сталинского дома на третий этаж, она наконец-то смогла перевести дух. Вот, уже как третий месяц, каждый понедельник, ровно к одиннадцати утра она приходила в эту квартиру. Заглянув в зеркальце и убедившись, что она по-прежнему обворожительна (Елена всегда была высокого мнения о своей внешности), молодая женщина убрала зеркальце - этот предмет первой женской необходимости - обратно в сумочку и, выждав минутную паузу, надавила на кнопку дверного звонка.

Дверь, почти тут же, отворилась.

Елена вошла в прихожую, инстинктивно взглянув в висевшее на стене огромное зеркало, сняла туфли на высоком каблуке (несмотря на почти стовосемьдесятисантиметровый рост у нее не было и тени смущения, надевая обувь на шпильках. Если уж суждено большинству мужчин смотреть на нее снизу вверх, - пусть смотрят), и прошла в ванную.

Все это без каких-либо изменений, до того было проделано столько раз, что женщина с точностью до секунды знала, что будет дальше.

Она примет душ, набросит на обнаженное тело специально предназначенный для нее белый больничный халатик (обязательно чтобы он оставался застегнут только на две пуговицы посередине), оденет черные длинные чулки (приносит с собой), потом (уже приготовленные для нее) красные туфли на очень высоких каблуках, и, спрятав длинные светлые волосы (специально перекрашивалась для этого дня) под белый - с вышитым посередине красным крестом - врачебный колпак, - она выйдет из ванны, остановится у двери комнаты, а затем - три раза постучав - заглянет внутрь.

Подождав несколько секунд, пока глаза привыкнут к темноте (окна всегда были плотно зашторены), она осторожно прикроет за собой дверь, и, подойдя к занимавшей почти треть комнаты широченной кровати, наклонится над неподвижно лежащим мужчиной, потом, поцеловав его в губы, начнет спускаться все ниже по телу, пока, наконец, не дойдет до того места, которому и надо

было уделить особое внимание, и жадно примется за дело, а, почувствовав, что ей удалось распалить огонь, водрузится сверху, и, в течение ровно тридцати минут (периодически производя необходимые манипуляции, направленные на отдаление финала) она будет крутиться на мужском органе в разных позах, после чего, как будто "смирившись" при приближении очередного начала оргазма, привычно с него сползет, и, откинув назад сползающие на лоб и запутавшиеся друг в друге мокрые (от страсти) волосы - примет в себя извергающийся вулкан страсти, и вновь, так же молча (за все время ни она, ни мужчина не проронят ни слова) выйдет, плотно прикрыв за собой дверь, вновь примет душ, оденет свою, оставленную в ванной, одежду, пройдет на кухню, выпьет из бокала специально приготовленный для нее свежесжатый ананасовый сок (ее любимый), и взяв лежащий (на столе) конверт с пятьюстами долларов - быстрым шагом уйдет прочь, дойдет до станции метро "Черная речка", и, проехав одну остановку, выйдет на Петроградской, после чего, перейдя Каменноостровский проспект, сядет в припаркованный в начале Большого проспекта Петроградской стороны "Рено", и поедет в колледж. Рабочий день еще только должен был начаться. Тем более, что сегодня все прошло так же, как и всегда.

В восемь вечера, закончив еженедельно (по понедельникам) проводившееся совещание (с обязательным приглашением родителей и присутствием всех учителей), на котором подводились итоги за неделю, выслушивались возможные жалобы (от родителей, дети которых по каким-то причинам были чем-то недовольны и рассказали о том папам-мамам), намечались планы на будущее (в общем, обычный процесс по заведенным новым директором - Сапфиновой Еленой Николаевной - правилам), она ехала домой и, остановившись около круглосуточного магазина, покупала самое дорогое вино, а затем, наконец-то добравшись до квартиры, включала (на всю) горячую воду, затыкала пробку, делала пену и, забравшись в наполняющуюся ванну, облегченно вытягивала ноги и, расслабляясь, по глоткам пила вино прямо из горлышка,

---

отвлеченно наблюдая за сюжетом какого-нибудь фильма (экран телевизора с подключенным видеоманитофоном - так, что, заходя в ванную, она могла поставить любой диск - был вмонтирован прямо в потолок), или надевала наушники и, закрывая глаза, отдавалась навстречу музыке.

Каждый новый понедельник был схож с предыдущим. Но, если что еще и могло меняться (сдвигаясь на десять-двадцать минут вперед-назад), то время, которое она проводила в квартире - ровно час и пять минут - было неизменно. Тем более что все в той квартире (за исключением самого человека) было автоматизировано и управлялось движением пальцев с прикрепленными к ним датчиками компьютера, все тем же лежащим в постели мужчиной.

Когда-то он был крупным бизнесменом (еще в конце восьмидесятых собрал свой первый миллион долларов); потом, где-то в начале девяностых, выдержав подряд (с периодичностью в две-три недели) пять покушений, он в результате одного из них оказался прикованным к кровати (пуля пробила позвоночник). Бывшие друзья да компаньоны - вернее, друзья-компаньоны - быстро воспользовались ситуацией, и вскоре он оказался обычным безработным инвалидом. Правда, потом, все же кому-то из них стало стыдно, и на (специально заведенный) счет - ежемесячно стало приходиться десять тысяч долларов на которые можно было компьютеризировать квартиру, нанять круглосуточную сиделку и охрану, да приглашать раз в неделю к себе женщину, которую он увидел на привезенной ему из-за границы порнокассете, а еще раньше видел в школе, куда как-то - раза два подвозил отпрыска своего бывшего приятеля. (Несмотря на то, что специально для устраиваемых Мировским сексуально-эротических порнографических представлений Елена - речь, конечно же, о ней - гримировалась, заметно отличаясь от той, которая была в жизни, он - быть может и неожиданно для самого себя - догадался, кто скрывается под маской "столь неистово отдающейся женщины", после чего дал команду - разыскать именно ее).

Но поиски были бы совершенно напрасны, если бы заглянувший к нему Мирковский (они когда-то дружили, и Георгий Георгиевич - по старой памяти - иногда его проводывал), не обратил внимание на выключившийся при его входе видеоманитофон, успев зацепить взглядом картинку (он, конечно же, сразу узнал "свое производство"). И, конечно же, полюбопытствовал, откуда, мол, у его товарища, подобный, можно даже сказать, эксклюзивный, материал.

Кассеты Мирковский отправлял на Запад, да и то - исключительно "проверенным" клиентам. И появление подобного рода записей в России, да еще в свободной продаже - Мирковский готов был предположить "самое страшное" - могло серьезно нарушить конъюнктуру рынка. Не говоря о том, что это все могло и "сбить" цены. Ведь за то, что действующими лицами были "уважаемые" люди - по мнению Мирковского, это и было "лакомой приманкой", "клубничкой", так сказать спецификой шоу: директор колледжа, ученый, видный бизнесмен, каким-то образом попавший "на крючок" Мирковского, еще ряд "героев", - все это давало возможность Георгию Георгиевичу диктовать условия, а значит, брать за "материал" от полутора до двух тысяч долларов.

А тот, выключив магнитофон, искренне (и по детски доверчиво, чему и проникнулся Мирковский) признался, что очень мечтает, хотя бы раз, испытать "нечто подобное"... (благодаря специальной химиотерапии он мог заниматься сексом, но только по часу, и раз в неделю). Про себя усмехнувшись (нет ничего проще!) Мирковский вскоре предоставил ему такую возможность.

Ведь, Елена по-прежнему была обязана ему (теперь своим назначением на пост директора колледжа) и позволяла (или, если угодно, не противилась) с собой делать все, что Мирковский пожелает. Чем он и пользовался.

ГЛАВА 6

Мировский положил трубку телефона и задумчиво уставился на дверь своего кабинета. Через полчаса в нее должен был войти взятый на работу несколько месяцев назад племянник Сапфинова - Григорий.

Интуитивно Георгий Георгиевич чувствовал, что молодой человек не блефует и у него действительно имеется важная информация по его, Мировского, корпорации. И все же Георгий Георгиевич недоумевал. Какого рода сведения у того могли быть? Что мог знать человек, который только недавно был принят на работу? Правда, он работал в известном своими "хакерскими" (любил Мировский это слово...) "успехами" секретном отделе. Этот отдел - подлинная гордость Георгия Георгиевича.

Мировский всегда предпочитал идти в ногу со временем. Иной раз - даже опережая его. Именно потому, когда вот так же, как и Григорий, ему позвонил человек и предложил встретиться, намекнув на имеющееся у него серьезное предложение, Георгий Георгиевич почти не думая, согласился. А когда они встретились - тот человек, весьма, надо заметить, мотивированно, убедил Георгия Георгиевича, что "такому крупному бизнесмену" просто необходим свой компьютерный отдел. Вернее, не просто отдел, который будет заниматься "абстрактными делами" в виде компьютеризирования текущей хозяйственной деятельности, а отдел, имеющий абсолютно другое предназначение. С помощью собранного коллектива высококлассных специалистов - Георгий Георгиевич будет не только в курсе всех дел конкурентов, но и вообще, в курсе всего, что пожелает. Ибо в век всеобщей компьютеризации и современных технологий... - ну, и все в том же роде, основной уклон делая на то, что любая информация любого учреждения (включая, помимо коммерческих учреждений, - и органы власти), при его желании - будет ему же (Георгию Георгиевичу) доступна. Точно так же, как любую информацию - можно будет уничтожить, заслав им специально разрабатываемые отделом вирусы. В общем, стоит только Мировскому захотеть... И он захотел... А этого человека назначил начальником вновь созданного отдела. Вскоре специальный отдел (получивший гриф "секретный" -

---

о том, чем они занимались, помимо самих сотрудников и их начальника - знал только сам Георгий Георгиевич) насчитывал полтора десятка самых лучших специалистов. В их распоряжении появились самые современные компьютеры (закупленные в США, специально в корпорации Майкрософт) и... результаты на самом деле не замедлили сказаться. Любая информация, какую только бы он пожелал (а фантазия Мировского иной раз действительно "била через край") - через время появлялась на его столе. Самые ближайшие конкуренты были отодвинуты в сторону (кого-то подставили, переслав полученный компромат в соответствующие органы, кого-то просто обошли, зная все секреты и планы и т.п.). А, кроме того, Георгий Георгиевич теперь знал истинное - то есть, более чем реальное - положение в различных направлениях бизнеса; и смог значительно расширить свое, проецируя свой "интерес" к еще только развивающимся сферам, к которым подобный же "интерес" - быть может, чуть иного рода - должно было обратиться государство уже в ближайшее время. (Ведь помимо специального -компьютерного - отдела, в корпорации Георгия Георгиевича имелся и еще один -- не менее важный - аналитический отдел. И уже взаимодействие этих двух - давало тот неизменный и положительный результат, о котором Мировский, быть может, и мечтать не мог).

Ободренный достигаемыми успехами, Георгий Георгиевич положил всем работникам этих двух отделов невероятно высокие оклады, да еще регулярно выделял крупные суммы на различные там (прибавки, премии и т.п.) способы стимулирования сотрудников. Так что - все стороны были довольны. И, вот, теперь?!... С чем же ко мне пожаловал парнишка? - подумал Мировский, рассматривая входящего Григория.

Тот был среднего роста, худощавый, с бледным лицом, смущенной улыбкой и длинными - до плеч - русыми волосами. Еще недавно Григорий носил очки, но за несколько дней до визита к Мировскому перешел на линзы, поэтому Георгий Георгиевич сначала и не узнал в вошедшем того парня, которого ему когда-то представил Сапфиров.

- Ну, и с чем пожаловали? - улыбнулся Мирковский, усаживаясь поудобнее в кресло и выразительным жестом показывая на другое - стоящее напротив его стола - предлагая последовать его примеру.

Григорий воспользовался приглашением, и стал смотреть на Мирковского, явно не зная, с чего начать.

- Давай, не стесняйся, - ободрительно произнес Мирковский, видя сомнения парня. - Выкладывай что у тебя есть...

- Можно воспользоваться вашим компьютером? - осторожно спросил тот, робко переводя взгляд с Георгия Георгиевича на стоявший на столе компьютер.

- Ну, давай, - заинтересованно ответил Мирковский, слегка отодвигаясь, и освобождая место для парня.

Вставив диск, Григорий быстрыми уверенными перестукиваниями пальцев по клавишам вывел на экран нужную информацию и теперь, используя только колесико в центре мышки - медленно, чтобы Георгий Георгиевич мог успевать пробегать глазами то, что появляется - стал прокручивать весь имеющийся текст.

Перед глазами Мирковского появились стройные колонки цифр; некоторые из них были специально выделены разными цветами (и как особая тема - расхождение между данными: официальными и неофициальными...), за ними последовал печатный текст (что-то типа "выводов" проведенного анализа имеющихся данных), - в общем, все то, что Георгий Георгиевич знал и без того. Но именно этого, - как он считал, - кроме него больше не знает никто. Перед глазами Георгия Георгиевича медленно проплывала картина созданной им, - как он считал, - могущественной империи: десятки различных направлений, от торговли продуктами питания, одеждой, бытовой техникой и электроникой до закупок, и последующей перепродажи за границу леса, меди, олова, свинца... Было там и сельское хозяйство, и нефтяной бизнес - к которому Георгий Георгиевич еще только-только начал подступаться. И даже все сведения о НИИ, который к тому времени он почти что заполучил... Беда была только в том, что всей этой информацией помимо него - владел еще и совершенно чужой ему человек. А быть может и не он один...

От увиденного, в глазах Мировского впервые за многие годы появился страх. Страх немедленного разоблачения, который можно было сравнить с тем, что вы занимаетесь чем-то в закрытой комнате и вдруг неожиданно узнаете, что кроме вас об этом знает кто-то еще... Подсматривая за вами...

Первой реакцией Георгия Георгиевича (довольно неожиданно и для него самого) было схватить парня за его тонкую шею мощным и годами проверенным захватом - когда жертва, что бы ни делала, уже не вырвется - и сломать ему шею. Он даже, вроде как, изготавился к прыжку. Но вовремя опомнился.

- Ты кому-нибудь это показывал? - выждав несколько секунд (он также быстро "отходил", как и "вскипал"), чтобы прийти в себя, спросил Георгий Георгиевич.

- Нет, - честно признался парень. - Я ведь работаю на Вас. И просто хотел Вам показать, что если об этом мог узнать я - то почему же не может кто-то еще?!..

Мировский согласно кивнул, задумчиво уставясь на экран.

- Что нужно сделать, чтобы подобную информацию никто никогда больше не смог раздобыть? - по-деловому спросил он. Георгий Георгиевич был в первую очередь бизнесменом, крупным бизнесменом, да к тому же еще достаточно умным человеком, чтобы позволить преобладать эмоциям. Поэтому после первой реакции - сразу же последовала вторая. Он должен был добиться того, чтоб никто больше не мог так проникать в то, что предназначалось только для него.

- Вообще-то любая информация, которая хоть когда-то была в компьютере, даже если ее, записав на лазерный диск или дискету, уничтожить - все равно остается в компьютере. В материнской плате. Поэтому, конечно же, следует вынимать уже эту плату, поставив потом новую, - словно раздумывая, осторожно (он вообще предпочитал с подобными, как его шеф людьми говорить осторожно, медленно и вполголоса, справедливо опасаясь - зная их возможности - нежелательной для себя реакции, могущей повлечь за собой необратимые последствия. Каждый день в новостях передавали о заказных убийствах. Людей

отстреливали с каким-то маниакальным усердием, последовательно выбирая все новые и новые жертвы) произнес Григорий. - Но, если Вы дадите команду, я предоставлю Вам специальный комплекс мер, который впредь оградит любую имеющуюся информацию от какого бы то ни было проникновения. Как изнутри, так и снаружи, - заметив "соглашательски" кивающего (с видом человека, который теперь был согласен на все) Мировского, позволил себе пошутить Григорий, имея в виду то, что он-то работает как раз внутри корпорации. А раз это смог он, то когда-нибудь получилось бы (хотя бы теоретически) и у кого-нибудь еще.

- Хорошо, - согласился Мировский. - Всю добытую информацию (он улыбнулся, на душе заметно посветлело) ты должен принести мне. - Со всеми копиями и материнскими платами, - добавил он, памятуя недавние слова Григория. - Далее, - он устало прогнулся назад. В последнее время на него свалилось слишком много требующих его личного вмешательства дел, и он вынужденно пропустил уже несколько занятий в спортивном зале, где тренировался - "стучал" по боксерскому мешочку, немного "стоял в парах" - боксировал, боролся, "подкачивался" на тренажерах - и все это под руководством личного тренера, в прошлом чемпиона Европы по фулл-контакту. А теперь привыкшее к нагрузке тело ныло, прося возобновления тренировок. - С сегодняшнего дня я организовываю новый отдел. Он будет заниматься исключительно компьютерной безопасностью. Ты назначаешься руководителем этого отдела... Сколько ты сейчас получаешь? - спросил он. - Тысячу?... Будешь получать пять "штук"... Еще, я знаю, у тебя какие-то проблемы с жильем? Подбери себе подходящую квартирку - сколько хочешь комнат: две, три... четыре? Хорошо, подбери себе четырехкомнатную квартиру - это будет тебе в качестве вознаграждения за то, - Мировский задумался, - в общем, за то, что ты такой есть... Умный и красивый, - уточнил он, улыбнувшись. Глаза немного выдавали, что подумал он как раз о другом; но Григорий, заморожено слушавший о свалившихся на него "богатствах" ничего вокруг не замечал.

- И еще. На твой счет в банке - у тебя есть счет? Есть?! Хорошо. На него я сегодня же переведу двести пятьдесят тысяч долларов. На чем добираться на работу? На метро? Хорошо, вернее, не очень хорошо, - улыбнулся он. - Переведу еще пятьдесят, - купишь приличную машину. Автосалонов сейчас открылось много, - подберешь что-нибудь для души. Ну, теперь, пожалуй, все - подытожил Георгий Георгиевич, приподнимаясь и искоса посматривая на Григория, пытаюсь убедиться в произведенном эффекте. - Все? - переспросил он.

- Да, - произнес Григорий, с трудом пытаюсь сдержаться от действительно переполнявших его эмоций.

- Ну, тогда по рукам, - заключил Мировский, первым протягивая свою.

- Спасибо, - пожимая ее, почтительно поблагодарил Григорий, прощаясь и направляясь к выходу из кабинета. Мировский, улыбнувшись, кивнул головой.

ГЛАВА 7

Проводив Григория, Георгий Георгиевич пододвинул поближе к себе телефон и набрал номер.

- Анечка! - ласково произнес он, услышав на другом конце провода нежный голос девушки, - это Георгий Георгиевич... У тебя сегодня какие планы?

- Сейчас собираюсь в институт. Завтра первый экзамен. Ну, а потом буду готовиться, - ответила девушка (Георгий Георгиевич переубедил ее поступать в Театральный институт, поэтому Аня подала документы только в институт культуры, на факультет искусствоведения).

- Ну, ничего нового ты за сегодня уже не успеешь выучить, - заметил Мировский. - Поэтому я приглашаю тебя сразу же после института... Кстати, зачем туда едешь?... Какие-то возникли проблемы?... Нет?... Просто еще раз все узнать, чтоб завтра не блуждать? - улыбнулся наивности девушки

Мировский - ну, да ладно, я приглашаю тебя на водную экскурсию по рекам и каналам Петербурга... Ну, конечно же! У меня есть собственный катер, и мы поедem только на нем! - провинциальная и неискушенная девушка не переставала, причём неподдельно, удивляться возможностям своего нового знакомого. Тогда как у себя в поселке она мерилом богатства считала соседскую "девятку", "Мерседес" Георгия Георгиевича был для нее чем-то сверхъестественным, и пока трудным для понимания. А когда она случайно узнала, что подобного класса машин у него несколько (был еще "огромный" джип "Шевроле-Блейзер" для поездок за город, на природу; спортивный трехдверный "Мерседес" - для того, чтобы быстро добраться в летнее время года до близлежащих городов - Москвы, Ярославля, Твери - где у Георгия Георгиевича были свои интересы по бизнесу; а также в автопарке Георгия Георгиевича стоял еще последней модели "БМВ" - жены, о которой Аня, впрочем, предпочитала ничего не знать... да еще несколько автомобилей, как говорится, лучших зарубежных производителей... Впрочем, у девушки и без того закружилась голова от увиденного богатства, которое, оказывается, могло находиться в руках одного человека.

Некоторая наивность провинциальной девушки первое время даже смущала Мировского, уже привыкшего ко всей грязи и лжи современного мира, и в случае с Аней, тоже подразумевавшего какой-нибудь подвох. Пока ему не стало очень стыдно - Аня действительно была и наивной, и сентиментальной, да и вообще той, каких, он думал, и не осталось... Нет, это уже была, конечно же, не тургеневская девушка - все-таки современные нравы доходящей и до ее родного поселка "цивилизации", да Анино стремление хоть как-то походить на моделей с глянцевого журналов уже слегка успели развратить и ее. Но это было, можно сказать, столь незаметно в сравнении с тем, что до того видел Мировский... а потому всегда, при виде Ани, Мировский был преисполнен самых нежных чувств, какие, быть может, он только мог вызвать в своей израненной более чем "суровой" действительностью душе... В Ане он видел тот далекий и романтический образ, о котором мечтал еще юношей, и

который встретить так и не пришлось, почти сразу окунувшись в самый что ни на есть грубый разврат... Впрочем...

- Ну что, согласна? - с надеждой ожидал ответ Георгий Георгиевич, уже начиная подумывать о том, что если так пойдет и дальше, то он может превратиться ... Он как-то поймал себя на мысли, что с недавно познакомившейся девушкой ведет себя совершенно иначе, нежели с кем бы то ни было. Конечно, с женой он давно уже так нежно "не ворковал" - это осталось где-то там, в прошлом, когда он, будучи комсомольским работником, добивался любви понравившейся ему, гордой и независимой, дочки второго секретаря обкома партии - теперь предпочитая чуть ли не сухо-деловой тон... Как говорить, время прошло, чувства поостыли... Правда, Мировский периодически знакомился с молоденькими - 18 - 20-летними девушками; причем, - не проститутками. С теми он предпочитал дел не иметь. И не от какой-то излишней предубежденности. Просто ему нравились ненаглые, ненахальные, неопытные - короче, "не профессионалки"; тем более, что и таких - желающих познакомиться с "папиком" на "Мерседесе" было предостаточно; но с ними Мировского хватало на одну - две встречи; которые заканчивались неизменно одинаково - постель, секс и сто долларов утром "на мороженое"; а потом Георгий Георгиевич терял к ним интерес. А Аня?.. Аня была совершенно другая.

Причем, - что приятно удивило Мировского, - с ее стороны не было даже и намек на какую бы то ни было близость. Да и вообще, за всю свою пока еще недолгую - какие-то там 18 лет - жизнь (после окончания школы она еще год трудилась в своем поселке, помогала папе - тот был директором районного клуба - проводить вечера отдыха), она даже при намечаемом, вернее возможном при какой-нибудь встрече, вполне, быть может, невинном поцелуе (в щечку, только в щечку) невероятно краснела и терялась (быть может, потому и старалась всегда избегать чего-то подобного), и если и позволяла это делать, то только очень близким родственникам: маме, папе, бабушке да сестре (у нее еще была младшая сестренка, школьница). Что уж тут говорить о

незнакомом - они ведь только познакомились - мужчине. Но, как ни странно (не странно для девушки, которая понимала, что, может быть, она и "старомодная", но ничего не могла с собой сделать. Быть может потому, - как в сердцах обмолвилась как-то мать, после того как девушка дала отбой очередному местному жениху, - до сих пор не замужем. И, конечно же, Аня очень удивилась, когда Мирковский, как и обещал, позвонил на следующий день), именно эта черта и привлекла в ней Георгия Георгиевича (ну, конечно же, нельзя и отбрасывать ту красоту, коей она могла гордиться по праву. Георгий Георгиевич даже подумывал предложить ей поучаствовать в конкурсе красоты. Но это, зная излишнюю скромность и стеснительность девушки, он решил оставить на потом... Пока девушка хоть немного привыкнет к большому городу). А потому он несколько не торопил события, предпочитая ждать столько, сколько потребуется. Все равно он знал, что, если что-то решил, то результат будет неизменно один и тот же, - положительный!

- Ну, так как? - повторил вопрос Георгий Георгиевич.

- Я согласна, - еле слышно ответила девушка.

Она, все-таки, немножко стеснялась его. Стеснялась его богатства. Того, что он почему-то обратил внимание именно на нее - бедную провинциальную девушку, которой всего-то и на тот месяц, пока она будет жить у дяди-инвалида, сдавая вступительные экзамены, из своей маленькой зарплаты родители смогли выделить столь крохотную сумму, что ей едва хватало только более-менее сносно поужинать. На завтрак не было ничего кроме чая без сахара... А обед и вовсе проходил стороной...

- Ну, хорошо, - с вернувшейся к нему уверенностью ответил Мирковский. - Значит, я сейчас за тобой пришлю моего водителя, а после института вы заедете ко мне в офис, а уже отсюда - я сам спущусь вниз, подниматься не надо - мы поедем кататься на катере.

А еще через час, сделав все так, как он только что и запланировал, Георгий Георгиевич уже весело шутил, завоевывая внимание девушки анекдотами, периодически показывая ей на какую-нибудь городскую

достопримечательность, мимо которой проплывал их катер, и вкратце рассказывая историю города. Вообще, к чести Мировского, историю города он знал превосходно - это было одно из его увлечений, которого он, быть может - уж, не знаем почему - немного стеснялся.

ГЛАВА 8

Исаак Альбертович Барт почувствовал, как почва начинает ускользать из-под его ног. То дело, которому он посвятил всю свою жизнь - а на днях ему должно было исполниться пятьдесят лет - то дело, к которому он шел всю свою молодость, защитил две диссертации и, не собираясь останавливаться на достигнутом - помимо непосредственного руководства научно-исследовательским институтом, он еще вел научные разработки, самолично просиживая вечерние часы - другого времени просто не было - за колбами и реактивами - в общем, все то, на что, он надеялся, было незыблемым и нерушимым, в один момент пошатнулось, и грозило привести к полному краху. Краху и его собственной жизни - ибо без своего института он себя не мыслил.

Барт закурил сигарету и попытался, в который уж раз, собраться с мыслями. Но, сколько он не думал, как ни пытался попробовать подойти к ситуации с различных сторон - ничего путного у него не выходило. По всем раскладам он должен был оставить институт. На то был личный приказ министра. Хотя, зачем министру отрываться от дел только для того, чтобы подтвердить уже то, что было сказано без него - еще две недели назад Барта вызвали в Смольный, где в очень вежливой форме намекнули, что было бы неплохо, если бы, не дожидаясь команды сверху, он сложил с себя директорские полномочия.

Другого выхода, как подчиниться - у него не было.

- Что загрустил? - спросила у него молодая любовница (классический сюжет - двадцатилетняя аспирантка, влюбившаяся в уже немолодого профессора), вышла из

ванной. - Какие-то серьезные проблемы? - девушка забралась к Барту на мягкую постель (после их "любовных утех" она пошла в душ, оставив Исаака Альбертовича размышляющим у изголовья кровати. В такой же позе она его и застала, вернувшись).

- Да есть определенные трудности, - нехотя заметил Исаак Альбертович. Ему нисколько не хотелось посвящать в свои неприятности кого-нибудь еще. А особенно эту девушку, которая была еще счастливой отдушиной в этом злобном мире, и которую он, ох как боялся, потерять. Ведь Лера - так звали девушку - полюбила преуспевающего ученого, доктора наук, директора института, который был относительно состоятелен - по крайней мере, мог себе позволить пойти с ней в дорогой ресторан или съездить на отдых за границу, являя собой пример оптимизма, человеколюбия и, что в нем было особенно ценно, уверенности в себе. А, значит - и в завтрашнем дне. Но как он мог ей признаться, что сейчас он эту уверенность потерял?!

Видно, почувствовав его терзания (любила ли она его? Пожалуй, любила. Хотя, может, это и поняла совсем недавно, рассматривая их первые встречи - а они "близко" знали друг друга уже почти год - как простое увлечение, которое со временем должно было пройти) Лера обняла мужчину двумя руками за шею и, прижав его голову к своей необъятной груди (она вообще была высокая, пышная блондинка, при том, что действительно лишнего веса у нее было ровно столько, сколько позволяло придать ее фигуре дополнительную сексуальную привлекательность: при размере груди - 130 см, и бедер - 95, - талия была всего...70 сантиметров!) стала ласково водить пальцами по взъерошенным волосам своего любимого. (Вообще-то волосы у него были только по бокам головы. На макушке он был совершенно лысым. Но это нисколько не умаляло его других достоинств. Ибо в постели Барт был - кто бы мог подумать, - весьма оригинален и изобретателен).

- Мне грустно, когда тебя нет рядом, - вздохнула девушка. - Так хочется иной раз поделиться самым сокровенным, хотя бы просто обнять (она еще сильнее прижала его к груди), поплакаться в плечо, - а тебя нет.

- Но мы же встречаемся? - с трудом оторвался от своих невеселых мыслей Исаак Альбертович.

- Раз в неделю? - чуть всхлипнула Лера. - Я же хочу тебя видеть каждый день.

- Но ты же знаешь, что у меня жена, - поняв, куда клонит девушка, в который уж раз "заводя свою любимую пластинку", взмолился Исаак Альбертович. - К тому же, оттого, что мы будем жить вместе, я тебя не буду больше любить...

- Знаю, знаю, - перебила его обидевшаяся девушка (голова Барта была тут же отлучена от ее груди). - С годами любовь приедается, чувства теряют былую привлекательность, и тому подобный бред, который в качестве убедительных доводов приводят мужчины своим любовницам, - зло проговорила Лера, сверкнув на Барта глазами, и тут же вскочив с постели.

- Да, пора ее менять, - нехотя подумал Исаак Альбертович. Вообще-то, он не был сторонником какой бы то ни было быстрой смены обстановки. Касалось то работы, или личной жизни. Разве что, если обстоятельства вынуждали... - Я обещаю тебе, что ситуация в скором времени изменится, - сказал он, тоже вставая с постели и обнимая за плечи стоявшую у окна девушку.

- Что, бросишь меня?! - догадалась Лера.

- Ну, о чем ты говоришь, - попробовал было пристыдить ее Исаак Альбертович, в который уж раз подумав, что она удивительно легко угадывает мысли. - Я говорю вовсе даже о другом, - насколько мог увереннее произнес Барт.

- Да?! И о чем же?! - поинтересовалась девушка все тем же ехидно-вызывающим тоном.

Вдруг, ни с того ни с сего, она закрыла лицо руками и зарыдала.

- Ну, что ты... полно тебе... - неумело пробовал ее успокоить Исаак Альбертович, несмотря на сопротивление девушки, еще крепче ее обнимая. - Ты же знаешь, что я люблю только тебя, - произнес он очередную банальность (что-то день у него сегодня не задался), целуя и поглаживая притихшую девушку. Наконец, она тоже, повернувшись к нему, стала отвечать на его ласки, и через минуту-другую

они упали на кровать, принявшись с новой энергией "любить" друг друга.

ГЛАВА 9

- Да, да, да, не останавливайся... - в порыве невероятного желания стонала обнаженная женщина, изредка поглядывая затуманенными от страсти глазами на "трудившегося" между ее широко разведенных ног Сапфинова. Неожиданно рядом с ней присели двое мужчин, и она, зажав их набухшие от увиденного действия столпы желаний в своих ладошках, принялась ритмичными движениями приводить их обладателей к долгожданной и сладостной развязке. И почти тотчас же, повинуясь инстинкту желания, ее голова почти до упора повернулась влево, принимая в широко раскрытый рот "вулкан страсти" - присевшего у ее изголовья мужчины.

Вот уже как четверть часа, на ходу меняясь ролями, четверо мужчин "занимались любовью" с Лорой, а это была именно она - вертя ее в разные стороны так, что в стольких позах, в скольких в этот вечер ей пришлось оказаться, она до того еще не была за всю свою тридцатитрехлетнюю жизнь.

Жизнь матери-одиночки, у которой до того из мужчин и был-то разве что собственный муж (уже бывший - развелась лет пять назад) и избегавшей знакомств с мужчинами (потом... потом...), явно не вносила разнообразия в сексуальную жизнь женщины. Быть может потому, решившись на такой "шаг", она и отдавалась захлестнувшему ее "процессу" всей своей истосковавшейся плотью.

Елена, когда все же согласилась раскрыть "тайну" донимавшей ее вопросами подруге и, зная ту - сначала удивилась, когда Лора, неожиданно, - и в первую очередь, наверное, для себя, - тоже попросилась участвовать "в подобном". Причем, что же она хотела в первую очередь - изменить материальное положение, избавившись от сопровождавших ее жизнь долгов, или решить проблемы сексуального характера - Елена так и не поняла. Но, все же, с

любопытством подметив, с каким внутренним удовольствием и самоотдачей Лора проделывает разнообразные телодвижения в постели (хотя говорить только о постели - значило заранее "обидеть" Мировского; у которого, - что касалось "мест проведения сексуальных оргий", - фантазия явно была через край) начала склоняться скорее ко второму.

Когда мужчины "отстрелялись", Лора уже было собиралась подняться, когда заметила, что в комнату, взамен ушедшим, вошли еще трое мужчин. Трое мужчин и одна девушка.

И все началось по "новой". Причем, Лора была опять "одна против всех"...

... Сапфиров, дождавшись, пока Лора (а то, что она была подругой жены - он не знал. Как, впрочем, и женщина не знала мужа Елены Сапфировой "в лицо"; только "по рассказам"; в которых тот неизменно слыл или "подлецом", или "хамом", а то и "мерзавцем"... В большинстве же случаев - и тем, и другим, и третьим сразу...) выйдет из душа (специально для подобных утех Мировский расселил семикомнатную коммуналку, где - разломав перегородки, переоборудовав ее под две большие секс-студии, две комнаты-раздевалки-гримерные, и ваннные комнаты, в которых благодаря переустройству теперь могло мыться до шести человек - теперь разыгрывал чуть ли не целые представления, взяв на работу театрального режиссера и, - тем самым, - подняв свои ученические спектакли до уровня искусства), подошел к ней, предложив поехать поужинать в какой-нибудь "тихий и уютный" рестораник.

После недавнего шума - а на всем протяжении их пребывания в квартире играла громкая музыка - это показалось как нельзя кстати... И женщина, не медля ни секунды, дала свое согласие.

- Странно, а я и не думала, что это Вы - изумленно ответила Лора, только сейчас догадавшись, что за столиком в ресторане напротив нее сидит никто иной, как муж ее давней подруги Елены Дербеновой, в замужестве Сапфировой. Неожиданно она покраснела, вспомнив недавние события.

Бенедикт Валерьянович, почувствовав, о чем подумала женщина, постарался перевести разговор на другую тему.

- Вам нравится фотоискусство? - поинтересовался он.

Женщина вопросительно посмотрела на Сапфинова.

- Я просто хотел Вас пригласить на фотовыставку, - сказал он.

- Давайте лучше сходим в кино?! - предложила Лора.

- В кино? - удивился Бенедикт Валерьянович. Он подумал, что она, пожалуй, права. Кино будет для нее гораздо понятнее. Тем более, что он и сам не мог припомнить, когда же последний раз бывал в кино; может быть, еще в советские времена, когда походы в кинотеатры были культовым событием, вносящим приятное разнообразие в обесцвеченную однообразием тогдашнюю жизнь. Там, в кино, большинство среднестатистических советских семей, проводящих время между работой, домом и многочасовыми походами (может, "выбросят" какие-нибудь продукты) по магазинам у женщин, и футболом - у мужчин, могли отдохнуть от хамства продавцов, отсутствия продуктов и приличных - а, значит, импортных - вещей в магазинах, вечно забитого в часы пик общественного транспорта, да и вообще, от всего того, чего не было - и, они это видели по немногочисленным, разрешенным для просмотра, западным кинофильмам - в их "любимой" стране Советов, усиленно пытающейся (когда-нибудь) прийти "к победе коммунистического труда". То, что коммунизм оказался утопией, в России поняли слишком поздно. Впрочем, сейчас Сапфинову совсем не хотелось думать об этом. Хотя ему, конечно же, было обидно, что более семидесяти лет его соотечественники (да и он вместе с ними) верили родной партии (тогда была только одна партия - коммунистическая) и правительству. Как говорится: жили, трудились и... надеялись, что хоть их детям (внукам, правнукам) удастся увидеть это "светлое завтра". И каково же было их разочарование, когда их вера оказалась в одночасье растоптана, а народ просто-напросто поставлен на колени продажными советскими политиками, "вовремя" переметнувшимся в "демократы".

- Что ж, давайте в кино, - согласился Бенедикт Валерьянович. - В какой-нибудь кинотеатр на Невском. Вы в каком районе живете? - спросил Бенедикт Валерьянович.

- В Кировском, - ответила Лора.

- Впрочем, что я спрашиваю, - спохватился Сапфиров. - Я сегодня Вас сам довезу. А завтра где-нибудь часиков в двенадцать - за Вами заеду. Идет? - он заглянул в глаза женщине.

- Угу, - кивнула та, за секунду до этого отправив в рот несколько маслин и улыбнувшись от комичности этой ситуации.

Бенедикт Валерьянович тоже улыбнулся.

Они поговорили еще какое-то время, Сапфиров вспоминал смешные ситуации, когда-либо с ним произошедшие, Лора тоже старалась не отставать от него. Так в шутках (когда Сапфиров последний раз так искренне смеялся?) закончился вечер.

Время уже подходило к полуночи, когда Бенедикт Валерьянович остановил свой джип около подъезда дома Лоры.

- Ну, что ж, до завтра, - улыбнулся он.

- До завтра, - попрощалась женщина, тоже улыбаясь в ответ и вылезая из огромной машины.

Лора подняла голову. Свет оставался гореть только на кухне. Дочь, наверное, уже спит, - подумала она и вошла в подъезд...

ГЛАВА 10

Впервые Аня влюбилась еще в третьем классе. Тогда мальчишка, сидевший на задней парте, в конце урока дернул ее за косички и, гордо пыжась от приобщения к чему-то взрослому, передал записку. Открыв ее на перемене (несмотря на разбивавшее ее любопытство, девочка все же была примерной ученицей), Аня прочитала всего три слова с тремя грамматическими ошибками и постаралась уверить себя, что, наверное, тоже его любит.

Через две недели мальчик переехал в другой город (его отец был военным), а она так больше никого и не "полюбила". Лишь в конце школы, классе в девятом или десятом, ей очень понравился еще один мальчик; уже из параллельного класса. Но дальше обмена любовными письмами (они даже ни разу не заговорили) у них дело не пошло.

После окончания школы Аня стала работать в клубе, где был заведующим ее отец. Помогала ему проводить вечера отдыха, правда, ее помощь заключалась только в том, что она вместе с ним писала сценарии программы вечера, а все свободное время проводила за учебниками - готовилась к поступлению в институт. Да, ни в какой-то, - а в Питерский. Санкт-Петербург был выбран не случайно. Там проживал брат отца, ее дядя. И хоть дядя, после автокатастрофы, стал инвалидом - ему ампутировали ногу, и он уже не мог работать водителем автобуса, да, если бы и мог, вряд ли чем-то смог помочь племяннице при поступлении в ВУЗ - это, тем не менее, решило исход выбора в пользу Санкт-Петербурга.

Девушка уже несколько дней одиноко гуляла по городу. Дядя по известным причинам ей компанию составить не мог. А жена от него ушла сразу после аварии. Пока и не познакомилась с Георгием Георгиевичем.

Сейчас уже трудно сказать, - что ей больше понравилось в новом знакомом, - манера держаться, обходительность, внешность, юмор, учтивость (а Мировский, позволим себе еще раз удивиться, действительно, вел себя с девушкой совсем не так, как с другими) - или его деньги? То, что он богат, она поняла уже в первый день знакомства, когда после прогулок по городу, он, немного смущаясь, предложил довести ее до дома. Тогда девушка чуть ли не в первый раз в жизни увидела "Мерседес". А по дороге домой они ещё и заехали в ресторан, где каждое блюдо - девушка случайно обратила внимание на цены - превышало по стоимости месячную зарплату отца. Но, как бы то ни было, уже в тот же вечер (как ей было неловко, когда после дорогого ресторана - а в ресторане девушка тоже была в первый раз в жизни - и роскошной иномарки Георгия Георгиевича, они

остановились около "обшарпанного" здания, где в многонаселенной коммуналке проживал ее дядя) девушка поняла, что, по крайней мере, Георгий Георгиевич ей небезразличен - она боялась даже в мыслях произнести слово "любовь". И когда он ей позвонил на следующий день (эти постоянные переживания, как бы кто раньше нее не схватил трубку - коммунальный телефон стоял в коридоре - да, не буркнул, что таких, мол, здесь нет: отношения с соседями оставляли желать лучшего), девушка расцвела от счастья, одев на себя свой лучший наряд (эротично обтягивающее фигурку платье - Ане очень хотелось понравиться Георгию Георгиевичу) и, сказав дяде, что вернется вечером, выпорхнула из дома.

Не успела она спуститься с лестницы, как Мирковский уже вышел из остановившегося прямо у подъезда черного "Мерседеса" с огромным букетом бордово-красных роз.

Чувства явно переполняли девушку. Впервые она была готова - если он только того попросит - отдать самое сокровенное, что у нее было, и что она берегла только для мужа.

Но - он не попросил. И даже не сделал намека. И, может быть, поэтому - стал еще "ближе и родней", уже совсем потерявшей голову от любви, девушке...

ГЛАВА 11

- Неужели, так и будет все продолжаться? - подумал Сапфиров после телефонного разговора с Мирковским (тот звонил из Москвы, сказав, что сможет приехать только завтра днем, и завтра же, ждет Бенедикта Валерьяновича на известной тому квартире), - когда же я смогу освободиться от этой зависимости?... Неужели, никогда! - с сожалением подумал он, вспомнив, что его долг Георгию Георгиевичу после последнего "займа" и неудачного вложения в "проект", закончившийся для него полным крахом (еще и должен остался - Мирковский умел наказывать "отщепенцев") приближался к ста тысячам долларов.

Неожиданно зазвонил телефон. Сняв трубку, Бенедикт Валерьянович услышал голос Ольги - жены Мировского - которая попросила (ее командный голос вряд ли можно интерпретировать как просьбу) Сапфинова срочно бросать все дела и к девяти вечера быть у нее дома. (Ольга, осознав, что Бенедикт Валерьянович находится не только в зависимости от мужа - Сапфинов как-то сам плакался, пьяный - но и от нее, теперь вполне свободно им распорядилась, чуть ли не "вызывая к себе" во время очередных командировок Мировского. Бенедикту Валерьяновичу и в этот раз ничего не оставалось, - как подчиниться).

Встреча закончилась все тем же, единым и неизменным, сценарием. Правда, теперь их отношения значительно упростились. Сразу с порога, дав только Сапфинову закрыть дверь, она увлекла его в спальню, срывая с него на ходу одежду (сама она была в легком, накинутом на голое тело, халатике). Чаще всего они так и не успевали добраться до, стоящей в нескольких метрах от входа, кровати, предаваясь откровенному сексу (с любыми "вседозволенностями", "экспериментами" и прочими извращенно-эротическими вариациями и фантазиям неумной, - до этих самых фантазий, - женщины) прямо на полу.

Сапфинов как-то даже вынашивал мысль, а не предложить ли Мировскому использовать свою жену в устраиваемых тем спектаклях. Но вовремя одумался. Озвучь он подобное предложение, и неизвестно, каким боком это обернется исключительно для него, Бенедикта Валерьяновича Сапфинова. А ведь он, как ни крути, принимал в судьбе супруги Георгия Георгиевича "самое деятельное участие". Он как-то подсчитал, что только за один календарный месяц был у нее десять раз. Вы спросите, неужели так часто ее муж уезжал в командировки? Конечно же, нет. Просто иногда Ольга "вызывала Сапфинова" в то время, как Мировский был в городе.

Когда, она, например, знала, что ее муж находится на какой-то слишком важной, чтоб ее неожиданно можно было прервать, встрече; или в спортивном зале - тренировался

Мировский всего два дня в неделю, но по два-три часа: разминка, боксерские снаряды, спарринги, схватки, тренажеры, сауна, бассейн...

Бывало, Мировский и сам говорил, что у него возникли "совсем неотложные" дела; и тогда она знала, - что его не стоит ждать раньше вечера... уже следующего дня...

В такие дни Ольга с наслаждением могла предаваться полету своей (в принципе - довольно бурной, в этом они с Мировским были чем-то схожи) фантазии. И, если Сапфиров в этот момент не находился рядом со своим шефом, то он "должен был", - женщина умела отдавать приказы, - приезжать к ней. Причем, самого Бенедикта Валерьяновича никто, разумеется, не спрашивал. Да он и сам понимал, что слишком безволен - чтобы "хоть чему-нибудь" воспротивиться. Как ни пытался Мировский изменить своего однокашника, стремясь придать тому хоть мизер той уверенности, каковой обладал он - вскоре в бессилии развел руками. Все оказалось более чем напрасно. Если поначалу Сапфиров вроде как, и начал изменяться, - то через время, в своем восприятии окружающего мира "благополучно" вернулся на былой уровень. И Бенедикт Валерьянович, несмотря на "свалившееся" на него относительное богатство - а Георгий Георгиевич платил ему семь тысяч долларов в месяц - все равно оставался все тем же Сапфировым - скромным, стеснительным, а вернее сказать - "забитым", - Сапфировым, выполнявшим любые просьбы, желания, распоряжения всех тех, кто в этом будет достаточно настойчив.

И таких людей было - как минимум - двое. Мировский и его жена. А Сапфиров... Сапфиров, - и не особо противился тому, чтобы они (охотно и с наслаждением, - как он как-то признался самому себе) вертели им в разные стороны, получая, - каждый свое удовольствие. И если Бенедикт Валерьянович и мог еще делать неуверенные намеки на наличие характера (намеки... только лишь намеки...) - то исключительно тогда, когда был сильно пьян. Но к этому, как будто, уже и привыкли. Впрочем, исходя из бытующей поговорки, подобное, хоть косвенно, но доказывало, - что какая-то борьба внутри тщедушного организма Бенедикта

Валерьяновича - все-таки происходила. Вот только, победа в этой борьбе, по-прежнему доставалась тому слабому - или теперь сильному? - началу, что в нем, такими стараниями искоренял Мирковский.

Под утро, попрощавшись с Ольгой (...нет, нет, у меня на самом деле есть еще некоторые дела...), он, плюнув на все (собирался еще заехать к Лоре, - ну, куда теперь?.. когда "выжали все соки"), поехал домой отсыпаться. И видимо он действительно настолько устал, что по ошибке приехал в свою старую квартиру. (А не ту, которую снимал).

Каково же было его удивление, когда дома он застал супругу. И не одну, а с двумя неграми.

- Какие-нибудь студенты из Мозамбика, - словно, между прочим, подумал он.

Не обращая внимания на музыку, крики и стоны, раздававшиеся в одной из комнат (он только заглянул к ним и сразу же - ...что вытворяют...что вытворяют...- закрыл дверь), Бенедикт Валерьянович прошел в другую комнату - благо, что их было пять, из которых - три спальни, завалился в кровать. И вскоре уснул крепким сном уставшего человека.

Дочка семейства Сапфириных гостила у бабушки с дедушкой в Сочи; были зимние каникулы.

Утром Бенедикт Валерьянович проснулся с каким-то огромным сексуальным желанием (а чем больше он "занимался любовью", тем ему больше хотелось), прошел в ту комнату, где спала его жена, и нырнул к супруге под одеяло, принявшись ее жадно "любить".

Разыгрываемое воображение - он вспомнил ночной сюжет, когда Елена, вибрируя, лежа на одном негре, стонала от удовольствия оттого, что другой в нее вошел сзади - помогло Бенедикту Валерьяновичу все быстро закончить и, утолив свой "утренний сексуальный голод", он сполз с, быть может, так и не проснувшейся, - или не желающей просыпаться, - супруги, и прошел в ванную.

Вскоре входная дверь за ним закрылась. Сапфиров поехал на работу.

ГЛАВА 12

Георгий Георгиевич Мировский мог торжествовать абсолютную победу в сражении с Бартом за научно-исследовательский институт.

НИИ всецело теперь принадлежал ему одному. И, желая еще больше упрочить свое положение, он предпринял шаг, который никогда себе даже в мыслях не позволял его предшественник. Он приватизировал огромное пятиэтажное здание. И теперь никто, ни Смольный, ни министр, ни даже сам президент (если действовать, конечно же, по закону) не мог у него его отнять. Все было сделано исключительно в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Теперь оставалось придумать, кого бы поставить во главе института.

Заместителя Барта, одно время было помогавшему ему, Мировский тоже выгнал. Таких людей он не любил. Причем сделал это руками Гранатова. Или Барта. Судите сами. Сначала Гранатов дал понять Исааку Альбертовичу - он будто бы случайно с ним познакомился - что то, что произошло - случилось это исключительно благодаря "помощи" - читай - предательства - одного из ближайших помощников Барта - его первого заместителя. (Причем, на самом деле, непосредственной помощи от него было - если говорить в процентном отношении - от силы на 15 - 20 процентов. И то, в основном, только в самом начале). А потом Мировский - через подставных лиц, конечно (сам он предпочитал никогда не светиться), - дал понять приятелю Гранатова, который, став теперь уже бывшим замом и мечтал об обещанном ему директорском кресле, - что о его "помощи", ему "небезызвестный" Гранатов, самолично рассказал Барту.

В итоге, перессорив между собой всю троицу, Мировский избавился сразу от троих. На Гранатова ему было, по

большому счету, наплевать. Георгий Георгиевич от него не зависел. А дружба?.. Так они никогда и не были близкими друзьями. Так... приятели... Причем ведь Мировский все равно - "по привычке", или "на всякий случай", или "на всякий случай ставший привычкой" - сделал так, что Гранатов никогда и не должен был узнать, что его выдал именно он. А потому, у Гранатова и не было никаких оснований разрывать отношения с Георгием Георгиевичем. Хотя, на самом деле, Мировскому действительно было абсолютно безразлично, как, кто, и что о нем подумает. Он добился своей цели. И мог праздновать победу.

- Однако, кого же назначить директором? - в голове Мировского пронеслось несколько фамилий, из числа особо приближенных, но ни на одной из них он не задержал свой выбор. - Может быть - Сапфиров - внезапно он вспомнил, как когда-то Бенедикт Валерьянович ему признался, что всегда мечтал заниматься "только наукой"...

Мировский еще раз обдумал кандидатуру Сапфирова, все больше и больше убеждаясь, что этот ход, - может оказаться самым верным.

Причем - со всех сторон!

Во-первых, подобным назначением он еще раз "поиграет на нервах" Барта. Две диаметрально противоположные черты Мировского, так называемая, амбивалентность его характера - дарить людям "радость" и, - наоборот (причем, - тем же людям) - уживались в нем удивительно нерушимым союзом. Ведь, как было известно Георгию Георгиевичу, Сапфиров был давнишним другом, приятелем, знакомым, товарищем, - в общем, близким человеком - Исааку Альбертовичу Барту. И то, что он подложит мину под их отношения, было, несомненно.

Во-вторых, назначая Сапфирова, Георгий Георгиевич получал на посту директора не только умного человека и толкового специалиста (как никак у Сапфирова, - помимо ученой степени, была - в прошлом - и должность "заведующего лабораторией"), но и верного и преданного человека. Практически слугу; готового исполнять любые желания. А подтверждением слов служило беспрекословное

подчинение Сапфинова, - во время организуемых Георгием Георгиевичем, - эротико-порнографических спектаклей. Причем, по-прежнему, Бенедикт Валерьянович, играл в них "заглавную" роль. Остальными "героями", кстати, тоже являлись не "профессиональные" проститутки и проституты, а люди различных "интеллигентных" профессий; и это было, - обязательное требование Мировского. Врачи, учителя, инженеры, научные работники... То есть, как минимум, люди с высшим образованием. Причем, если "образований" два, или есть ученая степень - оплата была двойная...

И, наконец, Сапфинов сам - Мировский ничуть в этом не сомневался - мечтает стать директором. И ведь, если бы не "перестройка" и последовавший за ней распад Советского Союза, Бенедикт Валерьянович так бы ученым и работал. А к этому времени он бы вполне мог дослужиться, ну, если не до поста директора, то уж до его заместителя - наверняка!

Правда, оставались сомнения, - согласится ли сам Сапфинов?..

Но вскоре эти "сомнения" разрешились... Сапфинов согласился.

В итоге, как и было решено - уже на следующий день Бенедикт Валерьянович приехал в НИИ принимать дела.

Правда, сам Исаак Альбертович, не желая больше находиться "в клоаке предателей", придя домой, несколько дней никуда не выходил, не отвечал на звонки и никого не принимал. А еще через две недели, когда обеспокоенные подобным затворничеством родственники вместе с милицией и МЧС взломали дверь - они нашли Исаака Альбертовича Барта, лежащего в луже крови. В его правой руке был зажат именной, подаренный, как поговаривали, чуть ли не самим Щелоковым, револьвер.

Барт застрелился...

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА 1

Бенедикт Валерьянович вошел в широкие стеклянные двери пятиэтажного здания. Стоявшие у входа охранники было дернулись к нему, но, - узнав вошедшего, лишь заискивающе улыбнулись и поздоровались.

- Все без происшествий? - словно между прочим (просто надо было что-нибудь сказать) спросил Бенедикт Валерьянович, направляясь к лифту.

- Все в порядке, - услышал он ответ, совпавший с открывающимися автоматическими дверьми лифта.

- Ну, и слава Богу, - подумал про себя Бенедикт Валерьянович, нажимая кнопку четвертого этажа. Через несколько минут он вошел в приемную, приветливо кивнул (расплывшейся в угодливой улыбочке) молоденькой секретарше, и прошел в свой кабинет. Кабинет директора научно-исследовательского института.

Так, или примерно так начал Бенедикт Валерьянович Сапфиров свой первый рабочий день на посту директора НИИ. НИИ, хозяином которого стал Мировский. НИИ, который уже обрел недобрую славу из-за трагической гибели

покончившего с собой бывшего директора, Исаака Альбертовича Барта.

Но что оставалось делать Сапфирову? Как бы кто его не пытался упрекать (большей частью "за глаза") смертью Барта - сам Бенедикт Валерьянович был совсем другого мнения. Вернее, он старался не придерживаться и вовсе никакого мнения по этому вопросу. Просто так было легче пережить трагедию. Ведь, сколько бы не судачили злые языки (а таких было предостаточно не только среди родственников покойного, знавших и Сапфинова, но и среди некоторых работников НИИ, не знавших до того Сапфинова вообще), но Барт был его товарищем; если не сказать, другом; и то, что с ним случилось, было бы очень трудно пережить, не постарайся Сапфиров искусственно отвлечься от этой темы; переключиться на "текущие, - по институту, - дела".

Тем более, что их накопилось предостаточно. И это - в первую очередь - "наиглавнейший" (еще со времен Сталина) кадровый вопрос.

Бенедикт Валерьянович понимал, что для того, чтобы он смог влиться в коллектив, заслужить в нем "доверие и уважение", - следовало этот самый коллектив - слегка просеять. То есть, уволить часть старых работников; приняв на работу новых. Тем самым, - не только вернув утраченные было за время "пертурбаций" позиции в мире научно-исследовательского прогресса, но и вывести НИИ на новый этап работы. Обеспечив стабильное будущее.

Будущее же, - обеспечивало бесперебойное поступление заказов.

И по возможности - крупных.

И в этом как раз, неоценимую услугу оказали обширные личные связи Мировского. Тем более, что добрая часть его бывших коллег по комсомолу, - и теперь была "при деле". Став, кто бизнесменом, кто политиком; а кто и просто "человеком со связями". И, может быть, как раз эти последние - наиболее и помогли. Ибо всего на протяжении нескольких дней (срок удивителен для любого начинания) НИИ Мировского получил столько "солидных" заказов, что Сапфирову потребовалось чуть ли не вдвое увеличивать

штат сотрудников; а так же "просить" Мировского о покупке еще одного здания.

Мировский на редкость благожелательно отнесся к просьбам Бенедикта Валерьяновича; считая их вполне уместными; и так как он собирался "средств на науку не жалеть" (это было неизменным - решил проявить характер - условием, - в случае, если он согласится принять должность, - Сапфинова), то уже через неделю - часть вновь созданных лабораторий переехали в новое здание.

Кроме того, Сапфинов решил "поднять и свои связи", вспомнив некоторых из бывших коллег по тому институту, где он когда-то работал. И еще через время - Бенедикт Валерьянович уже докладывал "шефу" о создании одного из лучших коллективов, о котором нашим, он подчеркнул слово "нашим", конкурентам можно было только мечтать.

Так что, - Мировскому только оставалось подивиться своей проницательности. Приглашая Сапфинова на освободившуюся должность - он не просчитался.

Его империя вообще не давала сбоев. Все складывалось как нельзя лучше.

ГЛАВА 2

Девушка осторожно, боясь слишком близко приблизиться к тому месту, где в институте были вывешены результаты экзаменов, подходила к своей "Голгофе". А, будь что будет! - уверенно говорила она себе и уже собиралась сделать решительный шаг вперед - как тут же замирала на месте...

Она все же шла... Но каждый ее новый шаг - давался ей значительно вымученнее, чем предыдущий.

Вообще-то надо заметить, что все ее переживания были абсолютно напрасны. Еще до начала экзаменов, в институте побывал Георгий Георгиевич и обо всем договорился лично с ректором. Так что, зачисление Анне было гарантировано.

Но - она-то этого не знала! И потому, за то время, что ей оставалось пройти те несколько метров - у нее перед глазами пронеслись воспоминания ее проводов в большой город...

...Отец Ани, высокий, еще далеко не старый мужчина, был одних лет с Мировским. Но отличался от него (кроме всего прочего) ещё и большими пышными усами настоящего кавалериста (конечно же, никаким кавалеристом он не был; но висевшие на стенах их саманного одноэтажного домика - фотопортреты деда и прадеда Ани - подтверждали, что только послевоенная модернизация советской армии помешала продолжиться роду славных "конармейцев"). И пришлось служить ему уже в бронетанковых войсках; что не мешало ему, - "перебрав" в иные праздники, - носиться по поселку на стареньком мотоцикле с коляской, распевая песни: о "героическом прошлом..."

Когда она садилась в вагон, - отец даже ненароком (чтоб не заметили, - но она заметила!) смахнул - внезапно выбежавшую - слезинку... Несмотря на крутой нрав - в душе он был раним и сентиментален...

Мама... мама, такая же красивая, как Аня, вернее, Аня такая же красивая, как она, только смущенно улыбалась ей вслед... Ей очень хотелось, чтобы дочка выбилась в люди...

- Я посмотрел, ты есть в списках! - чуть замедлив шаг, поравнявшись с девушкой, радостно произнес молодой парень, поступавший вместе с Аней на один факультет.

Ее сердце быстро заколотилось в груди и, благодарно кивнув парню, Аня за пару секунд покрыла недостающее расстояние.

Она поступила! Она - поступила! Ане захотелось громко закричать, засмеяться, закружиться в танце, расцеловать всех вокруг. Она поступила! Теперь можно было смело звонить домой (телефона у родителей не было, но ведь на телеграфе работает ее школьная подруга), и... девушка не могла двинуться с места... и только улыбалась... Слезы бежали из ее широко раскрытых красивых глаз, но Аня не замечала их... Ведь она поступила! Поступила в институт в большом городе, почти что столице!.. А ведь были и те, кто, провожая

ее, совсем не верил, считая, что все места заранее, еще до вступительных экзаменов, поделены между "блатными".

Но она верила! Верила, несмотря на начавшиеся было отговорки отца, который, в последнее мгновение, осознав, какая его дочь постигнет душевная травма, если та провалится на экзаменах, - попробовал, - отговорить ее... Предлагая "закончить училище в краевом центре". А то и вовсе "ничего не заканчивать". Все равно рабочее место в клубе ей обеспечено.

Девушка тогда с укором посмотрела на отца, но, почувствовав, что им движет только отцовская любовь, обняла его и пообещала, что сразу после экзаменов придет к ним уже студенткой.

И теперь именно так и будет. Аня побежала в туалет, смыла растекшуюся тушь, заново накрасилась перед большим зеркалом и вышла на улицу. Счастливая и веселая.

Жизнь только начиналась!

ГЛАВА 3

Не успела она спуститься со ступенек, как - в нескольких метрах от входа заметила (уже знакомый ей) огромный черный "Мерседес", и поджидавшего рядом с ним Георгия Георгиевича. На Мировском был солидный черный костюм-тройка. Завидев девушку, Георгий Георгиевич, чуть повернувшись, наклонился, и достал лежащий на переднем сидении большой букет из красных роз. Из всех цветов Мировский предпочитал именно розы. Считая, видимо, только их - достойными его положения.

- Сейчас заедем, возьмем твой подарок, - сказал Мировский, оборачиваясь к девушке, сидевшей на заднем сидении несшегося по центральной полосе дороги "Мерседеса". - А потом поедем на банкет, организованный в честь твоего поступления в институт.

- Подарок? - смущенно произнесла, покраснев, девушка. Тут она посмотрела на свои синие джинсы явно не

подходящие для банкета в ресторане, и зарделась еще больше.

"Мерседес" тем временем остановился около одного из самых престижных и дорогих бутиков города. (Мировский все любил - самое-самое!)

- Значит, все очень просто, - распорядился он, обращаясь к вышедшим навстречу продавщицам. - Нужно подобрать вечернее платье, деловой костюм и несколько нарядов повседневной одежды.

- Анечка, - повернулся он к девушке, смутившейся как от магазина, так (еще больше) и от его слов. - Ты ничему не удивляйся, не бойся и не волнуйся, - ласково произнес Мировский, вновь отметив про себя скромность деревенской девушки. - Это всего лишь один из моих магазинов. Девочки помогут тебе выбрать все, что необходимо. Это и есть тот самый обещанный подарок за поступление. А пока ты будешь выбирать (здесь, кстати, есть и салон красоты. Если хочешь, мало ли там, поправить прическу и т.п. - то можешь начать сразу с него) я заеду к себе в офис... Так, сейчас двенадцать... Давай через.. - он внимательно посмотрел на ручные часы, в уме что-то сравнивая и сопоставляя, - ...часика, этак, через полтора, ну - два, через два часа - я буду тебя ждать в холле, - Мировский показал на предусмотренные специально для таких целей кресла и диван. - Идет? - спросил он.

- Идет, - улыбнулась Аня, постепенно начинавшая осваиваться в незнакомой обстановке.

- Ну, вот и ладненько, - радостно произнес Мировский, и еще раз наказав продавщицам и специально вышедшему (завидев начальство) директору магазина - отнестись "с самым должным вниманием" к девушке. - Не то - всех уволю, - пошутил он.

Когда Мировский вернулся, все было готово. Грациозно спускавшаяся по белым мраморным ступеням девушка была подобна непревзойденной своей красотой богине. И никто, увидев ее, даже не подозревал, что еще несколько месяцев назад она проводила весь день на огороде с тяпкой в руках, помогая матери выпалывать разраставшиеся сорняки. А

потом носила ведра - надо было напоить визжавших от жажды поросят. (У ее родителей было большое подсобное хозяйство: куры, утки, свиньи, корова...) И вот теперь такие произошедшие с девушкой метаморфозы. Да она, впрочем, и решила поступать в институт не в какой-нибудь, а находящийся в полутора тысячах километров от ее поселка, в Санкт-Петербурге, еще и потому, что мечтала избавиться от деревенской рутины.

Аня всегда считала, что создана "для большего", нежели проводить вечера, развлекаая пьяных односельчан в клубе; днем - пропалывая грядки.

Да и замуж хотела выйти "не за местного". Ведь, рассуждала она, что такое местный? В двадцать лет - они уже пьяницы. В тридцать - алкоголики. А в сорок - законченные алкаши. Впрочем, иных развлечений в их деревне (любая деревня может тешить себя, называясь поселком и т.п., но, оставаясь все той же деревней) и не было. Ведь и устраиваемые вечера отдыха - а попросту "танцы" - почти все односельчане приходили уже заметно навеселе, "догоняясь", как говорится, по ходу представления. Да и "любовью" они занимались чуть ли не тут же, как говорится, не отходя от кассы, "выцепив" из толпы такую же подвыпившую деваху, - пили все, от 12-ти и до того возраста, пока пить еще могли, - "пригласив" ее в близлежащие кусты. Каждое утро дворник (сам законченный алкоголик и эксгибиционист, с удовольствием наблюдавший за вечерними представлениями) выметал оттуда пустые бутылки из-под водки, вина и самогона (тоже расхожий продукт), пластиковые стаканчики - цивилизация потихоньку доходила и до них - да иногда (случай редкий уже сам по себе) презервативы. В принципе, от кого им было "защищаться"? Знали-то друг друга с самого детства. А приезжих в такую "дыру" не заманишь и "самой высокой наградой..."

Так что, вполне понятны чувства девушки, когда она встретила Георгия Георгиевича, который помимо внешних данных (а он был всегда подтянут, весел, остроумен, уверен в себе, да к тому же красив. Причем красив именно той холенной мужской красотой, которая присуща

интеллектуальной знати и передается не иначе как по наследству. Хотя в его случае, это, - как считал Сапфиров, знающий его родителей, - было не иначе как "ошибка природы"), так вот, помимо всего прочего, - как оказалось, для Ани имеющего, быть может, и решающее значение, - он был еще... и "миллионером"!

Да о таком муже оставалось только мечтать! Вот, правда, о женитьбе своей он не делает даже намеков?.. Но на этот счет Аня, в принципе, не беспокоилась: она ведь тоже знала себе цену. А потому знала - что вопрос женитьбы - вопрос времени. Как в том плане, что за большее время, что они будут вместе, она сможет и понравиться ему еще больше, так и то, что за столь короткий срок знакомства - серьезные предложения не делаются вообще. Да и учеба, как никак, должна у нее стоять на первом плане.

На самом деле Аня понимала, что все ее подобные оправдания в любую минуту могут рассыпаться, как карточный домик. Но предпочитала не думать об этом. Ради своего же спокойствия.

Увидев одетую в вечернее платье девушку, Мирковский на миг потерял дар речи. Ее природную красоту еще больше подчеркивал дорогой наряд. (Одно только платье стоило столько, что Аня, если б узнала конечно - все ценники по указанию Мирковского, заметившего ее реакцию в ресторане, были благоразумно сняты - быть может, не обошлась бы без помощи... впрочем, она не узнала). А ведь, помимо этого, девушке понравилось - и все было куплено: Мирковский никогда не обращал внимания на деньги (кстати, быть может, и неплохая черта?) - еще десятка полтора различных нарядов.

- Сейчас все завезем к тебе домой, - сказал Мирковский, когда они отъехали от магазина. - А потом поедem в "Метрополь", - это у нас ресторан есть такой, - пояснил он, - встречать гостей.

Девушка смутилась, подумав, как они всю эту "красоту" пронесут через грязный, заставленный всяким хламом, коммунальный коридор с оборванными обоями, отвалившейся штукатуркой, да и прочим убожеством,

---

характерным для многонаселенных квартир большого города, квартир, которые служили ярким подтверждением былой советской действительности, ратовавшей за коллективное общество, когда общее - значит ничье! А, когда не было единого хозяина, то, кроме бардака, развала и неразберихи быть ничего другого и не могло! (Подобную "политинформацию" часто проводил ее захмелевший дядя).

Словно бы догадавшись о мыслях девушки, Мировский повернулся со своего переднего сиденья к ней, сидящей сзади, и, улыбнувшись, протянул ключ.

- Я тут подумал, что такая красавица не должна жить в слишком стесненных условиях, - сказал он. - А потому снял тебе двухкомнатную квартиру. В центре. Так сказать, чтобы не тратить время на дорогу. А так - твой институт всего в десяти минутах ходьбы. Тут же рядом - Невский, Большая и Малая Морские, Садовая, Литейный - в общем, - все, что тебе потребуется, как говорится, всегда под рукой. К тому же, - продолжал улыбаться Мировский, - рядом и мой офис. Так что, если вдруг, когда взгрустнется, - милости прошу, - предложил он.

- Спасибо, - прошептала девушка. Всего за один день на нее обрушилось столько новостей (и впечатлений от них), что у нее уже включилась защитная реакция организма, торможение, и она лишь отвлеченно взирала на происходящее, сама же, находясь где-то там, в облаках, за горизонтом...

ГЛАВА 4

Молодой человек оторвался от экрана монитора и удовлетворенно откинулся в кресле. Скоро должно светать. Вот уже как вторую ночь подряд, Григорий, не позволяя себе ни на секунду расслабиться, стучал по клавишам компьютера, пытаясь разгадать запутанно-мудреный код Министерства налогов и сборов Российской Федерации. Сейчас это ему удалось, и, взломав базу данных, он скачивал интересующую его информацию. Вернее, информация

интересовала не лично его, - а его прямого начальника: Георгия Георгиевича Мировского. Возглавив вновь созданный отдел, Григорий теперь подчинялся исключительно Георгию Георгиевичу; от него-то он и получил столь секретное и опасное - опасное еще и потому, что "в случае провала" всю ответственность на себя должен был взять только Григорий - задание.

Но пока все шло удачно, и молодой человек улыбнулся, представив сумму обещанного вознаграждения. Он давно уже, высылая часть зарабатываемых денег родителям, добился того, что отец смог уйти с надоевшей за долгие годы службы в армии; а мать - с "неблагодарной" работы прачкой.

Теперь Григорий подумал, что наконец-то сможет купить родителям квартиру в Питере. Да еще поможет отцу организовать "свое дело" - тот, прослужив столько лет в автомобильных войсках, не только весьма уверенно разбирался в технике, но и планировал, по окончании службы, начать получать с этого хоть какие-нибудь дивиденды, открыв, например, собственную автомастерскую. Правда, до последнего времени он не знал где взять первоначальный капитал. Но теперь, в этом ему мог помочь сын.

- Георгий Георгиевич, - молодой человек набрал номер сотового телефона Мировского, который распорядился, - в случае удачи, - "звонить в любое время". - У меня все получилось!.. - Выслушав, еще больше утвердивший его в мысли, что он не зря потрудился, ответ Мировского, Григорий, еще долго после того, как положил трубку, задумчиво смотрел на телефон. Его воображение рисовало открывавшиеся перспективы: палящее солнце Гавайе (что было особенно актуально в зимние месяцы заснеженного Петербурга); новенький джип (Григорий собирался поменять свой "Фольксваген" - на полученные ранее деньги он купил два одинаковых автомобиля: себе и отцу - на "внедорожник"); радостные глаза отца, у которого сбудется давнишняя мечта - да и вообще, пожалуй, еще много каких желаний могло возникнуть в голове мечтательного девятнадцатилетнего парня, если бы... в дверь его квартиры не позвонили...

Григорий прислушался. Протяжный звонок - который он уже давно собирался заменить на более благозвучный - повторился еще несколько раз.

Молодой человек осторожно выглянул в окно. Но ничего подозрительного на пустых предрассветных улочках не заметил (а что собирался увидеть - машину с мигалками?). И все же Григорий уловил ощущение опасности, исходившее от входной двери. И, словно в подтверждение этому, послышался осторожный скрежет в замке, и Григорий, не дожидаясь, пока откроют все три его замка (надо было все таки поставить железную дверь!) быстро прошел на балкон, и, открыв застекленные двери, аккуратно перелез через деревянные перила, а потом и еще ниже, уцепившись руками за каменный выступ (в детстве Григорий показывал неплохие результаты на соревнованиях по акробатике, был даже кандидатом в мастера спорта), собираясь, перебирая руками, добраться таким образом до пожарной лестницы (странно, что ею до сих пор не воспользовались те, кто сейчас, наверное, уже входил в дверь), по ней - на крышу, а потом по крышам (дома ведь в центре Петербурга отличались от других тем, что плотно стояли друг к другу) можно было спокойно перебежать до следующей улицы, спустившись где-нибудь за пару десятков домов вниз, на чердак, и незаметно выйти из какого-нибудь подъезда.

И, в принципе, все так и должно было бы быть. Но в первоначально охватившем его волнении - Григорий совершенно забыл, что зимой погода в Питере значительно отличается от южной полосы России, где когда-то и родился Григорий. И уж никак он не мог знать, что еще ночью, с верхнего этажа разгневанная соседка выльет целое ведро воды (вода предназначалась случайно застигнутой во время поцелуя на балконе, - вполне серьезный компромат, - парочке: неверному мужу и коварной подруге, зашедшей в гости и вышедшей вместе с мужчиной "покурить"). - Но, как бы то ни было, часть воды расплескалась, и, брызгами, перелилась через доступный всем ветрам балкон, и далее, ручейками, стекла на нижний балкон, где почти моментально и превратилась в лед... Но откуда это мог знать Григорий?!..

Летел он недолго. Заснеженная земля только на миг смягчила удар для падающего тела, тут же окрасившего ее в багровый цвет.

Молодой человек так никогда и не узнал, что в дверь к нему ломилась вовсе никакая не милиция или представители спецслужб - как, вероятно, он подумал - а все те же соседи, которые в качестве примирения только что "заправились" у ларька, и теперь, пьяные, перепутав этаж, недоумевали - почему "их собственная квартира" не открывается...

ГЛАВА 5

- Ну, не знаю, мне она всегда казалась слишком экстравагантной, - Лора вскинула вверх брови, посмотрев на Сапфинова, и взяв губами соломинку, вставленную в бокал алкогольного коктейля.

Вот уже как четверть часа они сидели у нее на кухне - она сама пригласила Сапфинова - и говорили пока только о его жене. Лоре было абсолютно непонятны те отношения, каковые были у этой семейной пары, и она откровенно в этом призналась Бенедикту Валерьяновичу.

- Елена? - удивился Сапфинов. Уж кому, как ни ему знать свою супругу. Однако, Лора тоже претендовала на знание своей подруги. В затянувшемся споре пока не выявлялось победителя.

- А что ты так удивляешься? - уже слегка опьянев, заметила Лора. - Еще будучи студенткой института, она удивляла преподавателей, приходя каждый день в новой одежде.

- Ну, смена одежды - это как смена стиля, имиджа. Больше говорит о непостоянстве, чем о какой-либо оригинальности, - высказал мысль Бенедикт Валерьянович, который, впрочем, никогда не претендовал ни на оригинальность, ни на истинность своих суждений.

- А вот непостоянство как раз здесь и вовсе не причем! - заметила Лора, которая, может быть, тоже бы с удовольствием меняла каждый день одежду. Если бы была на то возможность.

- Может быть, - задумчиво произнес Бенедикт Валерьянович, как всегда готовый - если то потребуется - согласиться со всем чем угодно. - Но, если честно, то, как чудит моя жена в последнее время, меня наводит на мысль, что она попросту запуталась в своих отношениях. Отношениях, - с окружающим миром. Да и со мной... в том числе...

- Но, ведь вы давно уже не живете как муж и жена?! - убежденно (проявляя невероятное знание вопроса) произнесла Лора. - По крайней мере, из-за того, что мне говорила Елена, что я видела сама, и чему являюсь свидетелем сейчас - я могу заключить, что ваш брак давно уже держится... - Лора задумалась...

- Да он держится просто на том, что нам не дают разводиться, - выдохнул Сапфилов.

- Кто не дает? - не поняла Лора. Как бы она не считала себя близкой подругой Елены, та никогда ей даже словом не обмолвилась, что влияние Мировского на их (ее и мужа) судьбы гораздо больше, чем кто бы мог предположить. Например, она ни разу не говорила, что ее муж находится в такой (и, прежде всего - материальной) зависимости от Мировского, что еще долго готов будет выполнить любую просьбу того. Она не призналась, что уже несколько раз просила Мировского разрешить ей развестись с Сапфиловым, на что тот отвечал неизменным отказом.

- Да ладно, что мы все о моей жене? - попытался сменить тему Сапфилов. - Расскажи лучше о себе. Ты уже окончательно ушла с тренерской работы? - он внимательно посмотрел на Лору.

- Да, - нехотя призналась Лора. Было видно, что ей тяжело говорить на эту тему. - Не могу смотреть в глаза детишкам после того, чем мы тут занимаемся, - добавила она, покраснев и опустив вниз глаза.

- Ну, это еще не самое страшное, - утешительно произнес Бенедикт Валерьянович. - Вообще, если разобраться, подобные отношения, конечно же - не являются эталоном во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, - предположил Сапфилов, - но, тем не менее, они

продиктованы природой, а, значит и самой жизнью, - сказал он, при этом сам себе удивившись: с каких это пор он начал пытаться оправдать то, отчего настойчиво раньше хотел избавиться.

- Или жизненной необходимостью, - добавила Лора, имея в виду, те материальные трудности, которые вынудили большинство из них участвовать в этих порнографических представлениях.

Бенедикт Валерьянович же, подумал, что женщина имеет ввиду сексуальную неудовлетворенность (которая - как он знал - присутствовала в жизни большинства мужчин и женщин) и внимательно посмотрел на Лору.

Лора по-женски верно истолковала взгляд Бенедикт Валерьяновича и смутилась еще больше. Она вообще себя неловко чувствовала рядом с ним. Все-таки ученый, директор института, как говорится, большой человек. А кто она?.. Так, мелкая "проблядушка". Которая ушла со стадиона, как только поняла, что стала зарабатывать "достойные" деньги. Правда, она еще не знала, что Мировский, узнав о том - велит ей устроиться обратно. Каждый из действующих лиц его спектакля должен был, помимо интеллигентной внешности, иметь еще и соответствующую работу. Причем, чем больше будет проявляться двойственность между двумя (официальной и неофициальной) жизнями героев, тем будет лучше. А, значит, скажется и на материальном вознаграждении.

Вообще Мировский упивался своей властью. Еще больше он ценил власть денег. Они играли в его жизни все. Вернее - с помощью них он мог делать все. Все, что хотел. И, чем больше его желания казались извращеннее - тем значительнее было наслаждение, испытываемое им.

- А что такое любовь? - задал вопрос Бенедикт Валерьянович. - Разве это не то, что объединяет мужчину и женщину?! - попытался он сам ответить на свой вопрос. - А если на каком-то этапе отношений духовная любовь пропала? И стала подменяться физической? Разве это не будет тоже называться любовью? А если вообще в отношениях мужчины и женщины нет какого-либо

духовного начала? И изначально присутствует только физическая потребность, наслаждение, страсть?.. Разве в подобном случае это не будет считаться все той же любовью?..

- А чем тогда эти отношения будут отличаться от тех, которые складываются у животных? - спросила, скорее сама себя, нежели Сапфинова, Лора.

- А чем плохи вообще животные отношения? - предположил Сапфинов. - Почему мы так боимся назвать страсть между мужчиной и женщиной животной? От чего такое предвзятое предубеждение?

...Сапфинов понимал, что, на самом деле, сейчас говорит не совсем то, что думает. Вернее - как считает на самом деле. Ведь до того, он всегда ратовал за секс только в семейном браке. И нисколько не признавал, что на стороне тоже можно "заниматься любовью". Неужели он так изменился за те два года общения с Мировским? Или - в подсознании - он так считал и раньше? Тогда выходит, сам себе боялся признаться? - Сапфинов задумался. Больше всего ему сейчас хотелось просто поехать домой, да завалиться спать. Видно, он слишком перенервничал - а отсюда и усталость - в последнее время. Он посмотрел на Лору. И внезапно ему захотелось очутиться в постели с сидевшей напротив женщиной. Именно в постели. Где они будут только вдвоем. Без фото- и видеокамер. Где вместе укроются одним, большим и теплым, одеялом. И под которым будут любить друг друга так долго и искренне, что уснут изможденные и крепко обнявшиеся. А потом проснутся, и снова будут любить друг друга.

И рядом не будет ни души...

Сапфинов так замечтался, что не заметил, что уже долго и не отрываясь, смотрит на сидевшую напротив женщину. А та, в который уж раз за вечер все поняв по его взгляду, тихо встала и, взяв его под руку, пошла вместе с ним туда, где заканчивались (или только начинались) его грезы. И они на самом деле стали долго и искренне любить друг друга, а потом уснули, изможденные и крепко обнявшиеся. А поутру,

---

проснувшись - они снова любили друг друга. И мужчина вновь и вновь "входил" в женщину. А она все больше и больше открывала перед ним свои сладострастные, завлекавшие его плоть, врата, пока, наконец, не поглотила его всего без остатка. И когда он извергнул в нее накопившееся желание - они снова уснули. Счастливые и умиротворенные. И был самый-самый конец декабря одна тысяча девятьсот девяносто шестого года. Через несколько дней должен был "вступить в права" новый, 1997 год. И, как любой Новый Год, он должен был принести надежду. Надежду на изменения... А, вот, произойдут ли они?.. Об этом никто пока не знает: ни Мировский, ни Сапфиров, ни Елена, ни Лора...

ГЛАВА 6

В один из праздничных дней Нового 1997 года, когда были объявлены выходные не только на официальной работе Елены и Лоры (а она устроилась обратно тренером на стадион); и даже Мировский освободил всех от своих "спектаклей", две подруги встретились дома у Лоры. (Ее дочка уехала на школьные зимние каникулы к бабушке - матери бывшего мужа - в деревню. Та жила где-то в Ленинградской области, то ли в Тосно, то ли Парголово?)

Женщины уже встретились как три часа назад, и успели за это время переговорить, казалось бы, обо всем. На столе было вдоволь праздничной закуски, они открывали уже пятую бутылку вина - начав с шампанского - и потому разговор лился рекой (как это может быть у двух разговорчивых подруг, которые долго не виделись - а для них и неделя разлуки была сроком), и прошедшего времени женщины совсем не замечали. Да они и не обращали на него внимания. Что значит какое-то там время - перед вечностью!

- Я все не решалась тебя спросить, - Елена посмотрела на подругу. - То, чем ты теперь занимаешься... В общем, ты нашла в этом удовлетворение?

Лора вспыхнула, бросив на Елену гневный взгляд и собираясь уже было ответить грубостью, но вдруг подумала,

---

увидев опьяневшие, отвлеченно-блуждающие глаза подруги, и попросту призналась, что "да"... - А ты? - спросила она после того, как подруги чокнулись бокалами, наполненными дорогим, выдержанным вином.

- Ну, ты же знаешь мое мнение?! - нехотя ответила Елена. - Мне вообще уже противно то, чем мы занимаемся.

- Но в то же время ты не уходишь?! - Лора попыталась поймать подругу на нелогичности.

- Да, кто мне даст уйти?! - в сердцах воскликнула Елена.

- Второй раз уже слышу эту фразу, - подумала Лора, вспомнив, что точно об этом же ей говорил Бенедикт Валерьянович, муж Елены. - Неужели тебя что-нибудь держит? - Лора недоуменно вскинула вверх брови, пытаясь вытащить подругу "на разговор".

- Держит, - вздохнула Елена. - К тому же, если честно, я уже так привыкла к такой жизни, когда не надо считать копейки до получки, когда можно пойти в любой дорогой магазин и купить любую понравившуюся вещь... Да и никто меня просто так не отпустит. Мировский как-то предупредил, что если я начну "егозить" - он попросту вышвырнет меня на улицу. И сделает так, что меня не возьмут на работу не только учительницей в самую захудалую школу, но и даже дворником на школьный двор. Ты ведь знаешь, то, чем мы занимаемся в его квартирах - он снимает на пленку.

- Да, знаю, - посмотрела куда-то в сторону, скрывая свой взгляд, Лора.

- Что, тебя он тоже предупреждал? - догадалась Елена.

- Да, - та нехотя кивнула головой.

- Да-а-а, - понимающе протянула Елена, представив, что будет, если все, о чем говорит Мировский, он сделает на самом деле. - А как ты думаешь? - заговорщически прищурясь, она посмотрела на подругу. - А что, если нам его сдать ментам? Или бандитам? Хотя, - женщина усмехнулась своей же наивности, - отмажется!

Лора обеспокоено посмотрела на подругу.

- Да нет, шучу я, - уже серьезным тоном произнесла Елена, потянувшись в холодильник за новой бутылкой. - Давай-ка, лучше еще выпьем.

Подруги допили остатки стоявшей на столе бутылки, потом выпили еще одну и, не сопротивляясь начинавшему окутывать их сну, с трудом добрались до постели, где вскоре и уснули, обнявшись, как в старые добрые времена, когда, приехав на спортивные сборы и сняв один номер на двоих, они долго - как будто только повстречались - болтали, не в силах наговориться перед сном, а потом засыпали на одной кровати.

ГЛАВА 7

- Ну что - все в сборе? - Георгий Георгиевич обвел взглядом присутствующих, посмотрев как-то по-особому на переодевающегося Сапфинова, заметившего, что на него смотрят и застывшего со снятой штаниной в одной руке и снимаемой - в другой. В комнате, приспособленной под мужскую раздевалку (а была еще и женская), помимо Бенедикта Валерьяновича находились еще трое мужчин. Вернее, двое из них были совсем мальчиками, лет по 20-25 - аспирантами политехнического института, один - профессор из того же ВУЗа, с виду степенный человек, крупный, с большими седыми усами и густой шевелюрой, почётный отец семейства (три сына-студента и дочь - молодой преподаватель все в том же институте), муж женщины, которая работала на солидной должности в мэрии. Однако, каким бы он ни казался снаружи, внутри это был старый развратник, бабник и педераст. При виде раздевающихся мальчиков у Леопольда Владимировича - так звали профессора - сильно засвербило где-то там, внизу живота, и он поскорее поспешил обвязаться выданной ему набедренной повязкой вождя индейского племени, скрывая за толстой бахромой свой эрегированный орган любви.

Однако, поняв, что Георгий Георгиевич не собирается ничего ему говорить, Сапфинов быстро высвободился от почти снятых брюк и посмотрел на стул, стоявший около его шкафчика. В его взгляде появилось удивление. Из одежды - той, что выдает Мирковский перед каждым "спектаклем" -

---

была только ковбойская шляпа, в меру высокие коричневые сапоги из кожи и португепя с кобурами на два револьвера, макеты которых лежали рядом. Причем, как пояснил подошедший к Бенедикту Валерьяновичу режиссер (Сапфиров узнал парня, которого специально для таких целей взял на работу Мирровский - тот даже одновременно занимал две должности: режиссера и сценариста), португепя должна висеть таким образом, чтобы одна кобура закрывала "перед", а другая - "зад".

- Видимо, шизофреническая фантазия режиссера пока не давала сбоев, - про себя подумал Бенедикт Валерьянович.

Мальчики оделись в соответствующие с ролью "молодых индейцев", помощников вождя племени (роль Леопольда Владимировича). Сапфиров должен был играть, якобы "заплутавшего" в прериях, ковбоя.

Когда, одетые в соответствующую одежду, мужчины вышли в залу, там, среди установленных декораций: царский стол вождя племени индейцев, вигвам с просветом из неплотно прилегающих друг к другу досок (чтобы можно было разглядеть то, чем в нем будут заниматься), гамак, подвешенный на "разросшихся" в разные стороны "лианах", ну и т.п. интерьер, позволяющий у окружающих (и, прежде всего, у зрителей), создать впечатление эпохи времен Дикого Запада - их уже поджидали с десятков полуобнаженных женщин разного возраста, от восемнадцати (Мирровский явно читил Уголовный кодекс) - те, что помоложе были разряжены в неприхотливую индейскую одежку - и до тридцати - тридцати пяти, которые вероятно должны были означать истосковавшихся по любви жен завоевателей новых земель, оставивших тех на уже отвоеванных у туземцев территориях, и ушедших "сражаться за новые".

В общем, режиссеру, по всей видимости, не давала покоя слава Джеймса Фенимора Купера. Это был уже третий сценарий на одну и ту же тему.

Вскоре с техническими проблемами "спектакля" было закончено, роли распределены, и Мирровский дал отмашку начала самого действия.

Вкратце, сюжет таков, весьма, нужно заметить, тривиальный! Ковбой Джон (Сапфиров), потеряв убитую в бою с индейцами лошадь, вынужден был пробираться по территории врага пешком. Неожиданно он встречает обоз с сидящими в нем женщинами (жены "покорителей" Запада), старшая из которых (Лора) объявляет, что они готовы взять с собой Джона только в том случае, если он сможет всех их... удовлетворить. Причем, - одновременно. Смекалистый и находчивый Джон соглашается и с успехом выполняет условие женщин. (Он занимается "любовью" одновременно с четырьмя, пуская в ход все имеющиеся у него части тела: голову (в смысле - язык), руки, ну и сам основной орган любви...)

Покончив, таким образом, с первым заданием, и забравшись к женщинам в обоз, Сапфиров отправляется в путь; вскоре их (конечно же, неожиданно) окружают индейцы.

Умудренный опытом вождь племени (Леопольд Владимирович), смилостивившись над беззащитными женщинами, соглашается их отпустить, но только в том случае, если единственный их мужчина (Сапфиров в роли ковбоя Джона) сможет помочь забеременеть его, вождя племени, женам. Дескать, сам он уже не в силах, а доверить столь ответственное и щекотливое дело соплеменникам - по известным соображениям - не может.

Тут же (из-за кулис) появляются несколько жен вождя - и все начинается сначала. Вот только сам вождь, через какое-то время замечает, что хоть "бледнолицый" и старается, как говорится, без устали, да вот только, норовит он, так сказать, все "залезть" не туда, да не туда, вернее, вроде как и туда, ну, в том смысле, что туда тоже, как говорится, не возбраняется, а в иные разы, быть может, и полезно даже, но вот, для цели их мероприятия, - совсем, быть может, и бесполезно даже; потому как - дети (от такого проникновения) родиться не смогут. Беременность - не произойдет. Не в то "окошко", как говорится.

- И уже в качестве наказания, разгневанный вождь велит казнить обманувшего (и насмежавшегося над ним) ковбоя; и того привязывают к дереву, собираясь забросать то ли

камнями, то ли томагавками; но неожиданно вмешивается одна из "бледнолицых" жен (Елена), и вроде как говорит она вождю, что Джон, мол, сделал так специально, ибо только не иначе как сам вождь (и, мол, только он!) должен дать продолжение своему роду, а чтобы он в себе не сомневался, она, мол, обязуется доказать, что на самом деле вождь (Леопольд Владимирович, бедняга, глотающий слюну истосковавшись от похоти) еще хоть куда, в том смысле, значит, как мужчина. И она увлекает обескураженного вождя на землю, а потом начинает с ним вытворять т а к о е (!) - что у всех присутствующих распаленный огонь желания не позволяет больше сдерживаться, и все заканчивается дикими и жуткими оргиями, и уже сам Мировский вскоре выбегает из-за кулис, и, буквально, набрасывается на переплетенные в экстазе обнаженные тела, а уже через минуту и вовсе непонятно, кто, с кем, куда и сколько, и вроде бы уже и не осталось ни одного безучастного лица, и только режиссер став на всеобщее обозрение, с нескрываемым удовольствием мастурбирует, закатив в наслаждении глаза, которые периодически все же скашивает, пытаясь захватить перед подступающим оргазмом новый, еще более развратный, ракурс. А потом, "разгрузившись", расслабленно и самодовольно наблюдает за придуманным им зрелищем... Радуюсь, что удалось оно - на славу!..

ГЛАВА 8

Дни, которые наступали сразу после участия Бенедикта Валерьяновича в эротико-порнографических шоу Мировского, были для него очень тяжелы. И дело тут даже не в том, что, как перед спектаклем, так и во время, а, главное - после, приходилось "заливать" вовнутрь достаточное количество спиртного (благо, что оно было представлено в избытке, и, по мнению автора постановки, служило не только необходимым дополнением к интерьеру, но и своеобразной режиссерской находкой), чтобы приобрести необходимую раскрепощенность (а попросту, видимо, - душевную бесчувственность), позволяющую не

воспринимать всерьез все то, что заставлял делать Мировский. Хотя на другой день выпитое накануне все же доставляло беспокойство, и немалое, вынуждая маневрировать между ванной и туалетом. Но, тем не менее - не это было основной причиной душевных страданий Бенедикта Валерьяновича. Ему было горько от самого осознания того, что он, высокоинтеллигентный человек, имеющий ученую степень и занимающий ответственную должность директора НИИ - вынужден, по первому зову Мировского, бросать любые дела и мчаться выполнять его - незамысловатую, по сути, - прихоть.

Причем, тот не принимал никаких отговорок по поводу возможного нездоровья. Стоило только раз Бенедикту Валерьяновичу заикнуться, что, мол, не может он так часто, следовало бы и отдохнуть, как Мировский словно облил его ушатом холодной воды, заметив, что, если хватает сил еще и "трахать" его жену, Ольгу, то значит - никакие отговорки в расчет не принимаются.

Бенедикт Валерьянович тогда долго переживал, ожидая последствий от разгневанного Мировского, но, казалось, тот даже и забыл о том; а когда снова уехал в "неожиданную и срочную командировку", то тут же позвонившая Ольга, как ни в чем ни бывало, позвала его к себе на "полуночную рюмочку коньяка" (теперь она так шутила). А чтобы Бенедикт Валерьянович, чего доброго, не вздумал отказаться, сославшись на то, что, мол, все равно ее муж все знает, и теперь ему нечего бояться отказывая ей, Ольга, как бы между прочим, заметила, что у нее теперь появился молодой любовник, журналист, с телевидения, и что он, мол, очень хочет прославиться, сделав какой-нибудь неожиданный сюжет (...для общества... то бишь социума... то есть... ну, в общем, то, что наверняка всколыхнет общественное мнение...). И так вот она...ему... в общем, она вполне может ему помочь, предложив, например, одну из кассет, которые "случайно" отыскала...кто бы мог подумать! - у себя дома... Нет, конечно, там вроде как много и неизвестных для обывателя лиц... но вот, в чем вопрос-то...

если дать такую ма-а-ленькую ремарочку, ну в смысле вопроса прояснения кто есть кто?!... то... да - ведь на самом деле за что обидно... среди них - ну в смысле, тех - оказывается, есть и наш "славный" директор института - ну то есть ты, да ты, ты - мудака, кто ж еще?... - и вот, значит, что будет тогда?... И если уж на то пошло - будь уверен: Агентство Журналистских Расследований вряд ли упустит такое дело... ну, в смысле, ухватится за него... А с бульдожьей хваткой их начальника - раскрутит... вернее - еще неизвестно до чего - ну в смысле до каких последствий для всех вас - докрутится?!... И ведь представляешь - такой был соблазн тотчас же дать этому пареньку кассету?! еле себя сдержала... А в душе-то... в душе-то - так хотелось, чтобы твои, педераст, актерские способности были оценены по достоинству!... Еще, глядишь, и на съемки какого-нибудь полнометражного порнофильма бы попал... ведь признайся - в душе мечтаешь стать актером?... Ну, ну, не стесняйся... наверное давно уже себя возомнил на месте Тома Круза, а?... Ну, ладно! - неожиданно изменив интонацию, жестко сказала она - быстро собирайся, и чтоб через четверть часа был у меня. Что? Хорошо - сорок минут, - не более...

В общем, Бенедикту Валерьяновичу тогда (как и потом, как и всегда) ничего не оставалось делать, как "принять приглашение" и ехать к "обезумевшей от секса" женщине.

Но это было тогда - а сейчас Сапфиров лежал, весь разбитый от похмельного синдрома в своей квартире, и ему не хотелось вообще ничего делать.

Он вспоминал те дни, когда был безработным, когда, приходя домой после безуспешных поисков той самой треклятой работы, с которой у него и начались все беды, он находил "утешение" у своей любвеобильной супруги, которая, желая переключить внимание супруга с невеселых мыслей - принималась сначала медленно, и как бы неохотно, ласкаться, а потом, постепенно заводясь, уже смело целовала его везде - а зачастую именно там, или туда, где он больше всего любил - и вскоре она уже позволяла распалившемуся муженьку вертеть собой в разные стороны, принимая самые смелые и откровенные - в соответствии с полетом обоюдной

фантазии - позы, и таким вот образом, хоть как-то компенсировала те унижения, которые претерпевал "ее неудачник" - в течении "рабочего" дня.

И, ведь, что интересно - как бы им не было трудно... как бы не приходилось выкручиваться, живя на более чем скромную зарплату жены - учительницы - они были счастливы! И дочь их была счастлива... А где дочь сейчас?.. Мотается между бабушкой-дедушкой и интернатом?.. Пусть, и элитным... А ведь это все при живых родителях?.. Но, с другой стороны, вроде, как и видеть ей творимые "в родном доме" беспутства - а жена Сапфинова (ее мать?!) в полной мере стала использовать для своих любовных утех (на стороне, помимо Сапфинова и Мировского, явно демонстрируя чудеса любвеобильности - или, если угодно, ненасытности) все излишки, ну, в смысле, уголки домашней жилплощади - тоже было нельзя! Оставалось - терпеть. А терпеть, - значит, оставлять все как есть; то есть - "на своих местах"...

А, значит, снова, по команде, срываться с места; и... трахаться, трахаться, трахаться!.. С одной, с двумя, с несколькими... Смотреть, как трахают твою жену... И помогать им в этом... - Бенедикт Валерьянович взволнованно откинул одеяло и встал с постели. - Надо было что-то делать... Что-то предпринимать... Иначе... Иначе он сотрет сам себя в пыль, истаскавшись по ночным барам (как дополнение, ставшее традиционным, после окончания "представлений" у Мировского), женщинам (которых теперь всегда было в избытке), раннеутренним вставаниям - то же ведь нелепость?! И что за суровая необходимость вставать чуть свет?! Вернее - что за "производственная необходимость"?! Ведь - как сейчас - до половины двенадцатого... утра?... дня?... он мог позволить себе поваляться только в выходной... В другие же дни... В другие, будние, дни - он должен был подниматься на работу... Причем, там не просто присутствовать (не то положение!), а принимать самое непосредственное участие в делах института, решая возникающие проблемы (как среди персонала, так и в самой научной отрасли), так сказать, способствовать дальнейшему продвижению института к

рыночной экономике. Что, должно быть, уже как бы само собой предусматривает не только завоевание своего сегмента рынка, то есть в данном случае посредством сбыта (приложения) товаров и услуг, но и обгон - допустимы любые скорости - конкурентов.

Стоит заметить, что Мирровский уже много раз убеждался, что сделал в отношении как НИИ в целом, так и кандидатуры Сапфинова в частности - верное решение. Бенедикт Валерьянович чувствовал себя там "как рыба в воде"; и даже, несмотря на периодически случающиеся недосыпания, - оставался на работе значительно дольше остальных; работая по 10-12-14 часов... Казалось, сами стены ему помогают в этом поддерживая -его "работоспособность". Правда, стоило ему только выйти из недр института - и предательская усталость буквально наваливалась на него; сковывала все члены; и ему хотелось побыстрее добраться домой, чтобы завалиться спать и никого больше не видеть.

А на другой день - все повторялось сначала. И он вновь, - бегал по этажам; давая на ходу распоряжения и проверяя - ранее данные - поручения.

К тому же, Бенедикт Валерьянович затеял писать докторскую диссертацию; и ему приходилось еще и ставить необходимые опыты, да вести наблюдения...

Но, что касается любимой работы (а его нынешняя "работа" в институте, бесспорно, являлась именно той, которую он всегда желал), то - взвалив на себя непосильную ношу (для любого другого, но никак не его), - он нисколько не ощущал ее тяжести. Он мог бы нести еще больший груз. И при этом чувствовать себя замечательно. Но то, что ему приходилось делать в другой, так сказать неофициальной жизни - его, конечно же, терзало. Да так, что, будь в такие минуты рядом пистолет - немедля бы застрелился.

- А, может, ему и стоит застрелиться? - отвлеченно, словно не о себе самом, подумал Бенедикт Валерьянович. - А сможет ли он вообще... убить себя?... А кого-нибудь другого? - Сапфинов представил улыбающееся лицо

Мировского и... задумался... И словно назло ему, никакие (нужные?) мысли не желали сейчас приходить в голову... Бенедикт Валерьянович постарался себя успокоить тем, что просто выбрал неподходящее место для размышлений... он решил переключиться на что-нибудь другое... Но и это тоже, стоит заметить, у него не слишком получалось... Затуманенное сознание словно боялось извлечь из подсознания что-то такое, отчего он интуитивно чувствовал, ему будет еще хуже... трудней... И тогда он постарался попытаться расслабиться... не думать ни о чем... и это ему почти что удалось... Но, вот, только пришлось пойти на уступку своей совести... Он пообещал (сам себе!) купить пистолет... Да, да... обязательно купить пистолет... револьвер... или браунинг... все равно... главное чтобы это было огнестрельное оружие... Пока, как бы, просто так... на всякий случай...

И как только Сапфиров решил для себя сделать это - тут же успокоился... Моментально успокоился и уснул дневным сном уставшего и изможденного человека...

ГЛАВА 9

В один из дней Нового Года (когда длинные зимние праздники уже близились к своему финальному завершению) Бенедикт Валерьянович Сапфиров ехал по полупустым улицам родного города (было всего 9 утра). Он особо не спешил. Ему надо было забрать кое-какие бумаги у своего бухгалтера - женщина слегка простудилась, и он решил заехать к ней сам. Сегодня был выходной, и Сапфиров двигался не спеша, честно притормаживая около непрерывно мигающих (с ночи) светофоров, не собираясь, впрочем, и перестраиваться из крайнего левого ряда.

Неожиданно на углу Чкаловского проспекта и улицы Пионерской (на своем джипе "Гранд Чероки" Сапфиров следовал по Чкаловскому и уже готов был пересечь Пионерскую, чтобы попасть на улицу Красного Курсанта, где в одном из домов и жила бухгалтер) ехавший перед ним "Мерседес" вдруг затеял неожиданный разворот. В иное

другое время, быть может, все прошло бы удачно, но теперь, такое хорошее дело, как разворот, готово было принять совсем другую окраску. Ситуация осложнялась тем, что на совсем уж небольшой улочке между знаменитой на всю страну Космической Академией и улицей Пионерской, на обочинах постоянно было припарковано множество машин. И сейчас как раз сразу две из них решили тоже начать движение. Быть может и не заметив маневра "Мерседеса".

В итоге - всем четырем водителям стоило большого труда увернуться, дабы избежать столкновения. Но вот "пробки" избежать не удалось, тем более что "постарался" и Сапфиров, перегородив своим огромным Джипом всю небольшую Пионерскую.

Вышедший из водительской двери "Мерседеса" высокий атлетического телосложения (что угадывалось, несмотря на длинное черное пальто) человек, незлобно пару раз матернувшись, быстро разрулил образовавшуюся пробку. Движение было восстановлено.

Сапфиров собрался уже было уезжать, как неожиданно подумал, что ему, пожалуй, знаком этот человек. Он приоткрыл окно, пытаясь получше разглядеть его, а тот, словно это почувствовав и, уже открыв, собираясь садиться, дверь "своего Мерседеса", обернулся и пристальным, запоминающим взглядом посмотрел на Сапфирова. Несколько секунд мужчины молча держали взгляд друг друга, как внезапно мужчина, захлопнув дверь машины, направился к Сапфирову. Первой реакцией Бенедикта Валерьяновича было резко дать по газам - мало ли что на уме подходящего - но что-то его удержало от этого, в общем-то, нелепого поступка. И тут же, еще раз - уже ближе, тот вероятно готов был вообще подойти вплотную - посмотрев на незнакомца, Сапфиров неожиданно вспомнил его.

- Бенья?! - опередил его мужчина, вероятно узнавший Сапфирова раньше. - Бенья... Бенедикт... Сапфиров?! - спросил тот, сочетая - как отчего-то тут же отметил в голове Сапфиров - в интонациях слов: удивление, восторг, сомнение, быть может, и радость, и при этом, все же, настороженно улыбаясь (мало ли, он ошибся), не отводя глаз от Бенедикта Валерьяновича.

- Женя! - узнал одноклассника Сапфиров, выходя из машины.

Мужчины крепко обнялись. Когда-то в школе они были даже друзьями; но потом Женя уехал поступать в Москву, в институт международных отношений (его папа был дипломатом в одной из европейских стран); а Сапфиров - поступил в местный, ленинградский университет (у его отца, возможности были намного скромнее).

С той поры минуло уже более двадцати пяти лет, но и Бенедикт Валерьянович, и Евгений Викторович - таким было полное имя его одноклассника - относились к тому редкому типу людей, внешность которых, - время не меняет.

Сапфиров даже остался такого же сложения, тогда как Женя Берестов - слегка похудел (на пару-тройку килограммов - со ста - члена молодежной сборной по баскетболу - до 97 сегодняшнего). Хотя, и такая разница была бы незаметна, если бы он не казался чуточку выше своих юношеских 195 сантиметров.

Вскоре, - не задумываясь отодвинув текущие дела, - мужчины сидели в небольшом ресторанчике, расположенном на Чкаловском проспекте, обмениваясь произошедшими изменениями в своей жизни.

Оказалось, Евгений Викторович не только успешно закончил МГИМО, но и успел с десяток лет поработать дипломатом на Западе. Потом - "ветер происходящих в стране перемен" коснулся и его - основал нефтяную компанию и стал, было, "удачливым бизнесменом". Как лет пять тому назад его не потянуло в политику. Сейчас он готовился стать представителем одной из малонаселенных автономных областей в Совете Федерации. То есть, попросту, сенатором, - усмехнулся Берестов, подытоживая рассказ о себе.

- Ну, мои успехи менее скромны, - начал Сапфиров и, стараясь исключить нежелательно характеризующие его детали, лихо перепрыгивая через многие подробности, рассказал, кем стал он.

- Наука... - задумчиво произнес Берестов, вздыхая. - Когда-то мне тоже хотелось стать ученым... - с откуда-то взявшимися ностальгическими нотками в голосе заметил он. - Атомщиком. Или каким-нибудь физиком-ядерщиком... Впрочем... это из детства... детства - словно бы и немного о чем-то сожалея, добавил он.

- Да ведь ты и так сегодня занимаешь такой пост! - с восхищением произнес Сапфилов. - Выше только президент, - пошутил он.

- Да уж, - саркастически заметил Берестов. Но было заметно, что минутная слабость уже прошла, и теперь, в своем характерном шутовском тоне (именно таким и помнил его Сапфилов) Евгений делился с одноклассником байками (быть может по ходу и придумываемыми им самим) из жизни чиновников и бизнесменов.

Пообщавшись еще какое-то время, Евгений Викторович словно незаметно - но видимо так, чтобы это заметил Сапфилов - посмотрел на часы и, сожалея, признался, что в час ему необходимо быть в Смольном.

На прощание, обменявшись своими многочисленными - и у того и у другого - телефонными номерами (домашний, служебный, сотовый), и взяв друг с друга слово обязательно еще встретиться (я тут пробуду, - сказал Берестов, - еще недели две. Посидим, как в старые добрые времена, "за рюмкой чая"), мужчины в который раз крепко обнялись, и в который раз пожимая - уже действительно на прощание - друг другу руки, еще раз пошутили насчет пользы некоторых аварийных ситуаций (оказалось, давно не бывавший в городе - сначала заграничная, потом московская жизнь - Берестов попросту перепутал дороги), условились "не откладывать в долгий ящик" следующую встречу и разъехались по своим делам.

Перед отъездом Берестова в Москву они успеют встретиться еще раз. И уже подготовившийся к этой встрече Сапфилов попросит бывшего друга-одноклассника пролоббировать свои интересы среди знакомых (у тебя ж там

должны быть солидные связи!) московских бизнесменов и политиков.

Евгений Викторович выполнит его просьбу. И, благодаря этому, институт Сапфинова получит несколько выгодных заказов от столичных предпринимателей (косметология, фармакология), после чего значительно упрочит свое положение на рынке современных технологий, и Сапфинов, впервые за время своего директорствования, сможет показать положительный баланс вверенного ему НИИ -- Мировскому, а тот, не ожидая столь скорых успехов Сапфинова и такого резкого и неожиданного скачка своего нового предприятия (а, помимо прочего, Сапфинов сможет отдать ему и крупную часть долга), впервые задумается над тем, не "соскочит" ли - при таких темпах - Сапфинов вообще с крючка?..

Впрочем, его опасения будут напрасными. Через месяц после отъезда Берестова в Москву, Сапфинов, поддерживавший все это время со школьным другом контакт, узнает о трагической гибели Евгения Викторовича Берестова в автокатастрофе. И уже потом, намного позже, случайно оказавшись в Москве, узнает, что перед самой автокатастрофой, Женя Берестов получил снайперскую пулю в сердце, скорей всего и спровоцировавшую аварию (потерявший управление "Мерседес" Берестова выедет на встречную полосу, где и столкнется на полном ходу с огромным МАЗом, водитель которого, осознав, что он стал причиной гибели важного чиновника - а к тому времени Берестов уже получит кресло сенатора - повесится в тюрьме, так и не дождавшись результатов вскрытия, выявивших его полную невиновность).

ГЛАВА 10

Центральный Парк Культуры и Отдыха им. С. М. Кирова. Воскресенье. Небольшого роста мужчина, лет 45-ти, медленно шел по алее. На нем был безукоризненный дорогой костюм, свидетельствовавший не иначе как о принадлежности к "высшим слоям общества". Об этом же говорил и припаркованный прямо перед входом в парк внушительных размеров джип "Тайота-Ландкрузер".

Длинный кожаный плащ (за пять тысяч долларов - тоже показатель?) был распахнут. Мужчина весело улыбался, щурясь от апрельского солнца, уже начавшего вступать в права хозяина года. Зима неохотно сдавала позиции, пока еще оставляя на заасфальтированных дорожках, узеньких тропинках, да кое-где на пробивающейся сквозь таявший снег траве, следы бывшего могущества в виде островков заледеневших когда-то глыб. Но и они уже были совсем другого цвета, не как раньше - иссиние-белоснежного, а грязно-серого, и таяли (вероятно, тоже признавая свое "поражение") перед разрушительными лучами весеннего солнца.

Впереди идущего мужчины весело кружила высокая (больше, чем на полголовы выше его) девушка, что-то напевая, смеясь и подзадоривая постепенно ускорявшего шаг мужчину. Видя, что он уже вот-вот догонит ее, девушка тоже слегка ускорила шаг, повернувшись, чтобы мужчина видел, что ее влюбленные глаза и озорная, пока еще детская улыбка - девушке было всего восемнадцать лет - предназначаются только ему. Аня - а это была именно она - уже давно решила для себя, что любит Георгия Георгиевича, а он... он даже боялся себе в этом признаться; но то, что все свободное время он старался проводить именно с ней - сегодняшний день тому подтверждение - было столь же неопровержимым фактом, как и то, что идущий по аллее мужчина был не кто иной, как Георгий Георгиевич Миrowsкий собственной, как говорится, персоной.

Аня училась на первом курсе института, первую (в ее жизни) сессию - сдав "на одни пятерки". Миrowsкий, по мере возможностей, подстраховывал девушку в учебе, вовремя успевая переговорить с каким-нибудь преподавателем, собирающимся снизить оценку; Георгий Георгиевич Миrowsкий хотел, чтобы Аня закончила институт с "красным" дипломом. А потом осталась в аспирантуре. Девушка (пока еще с трудом привыкающая к слишком заметной разнице между убогой серостью родного поселка и изяществом Петербурга - не последнее место играл и тот лоск, которым окружил ее пребывание Миrowsкий) пока не

заглядывала так далеко; но те перспективы, которые перед ней рисовал Георгий Георгиевич - заставляли ее сердечко биться иногда значительно чаще и быстрее, чем, быть может, это рекомендовалось врачами даже в ее юном возрасте.

Но что могут сказать врачи про любовь? Что было им самим известно из их сухих медицинских трактатов да толстенных томов медицинских энциклопедий? Вероятнее, в том, что касается чувств да любовных томлений, есть учителя и получше?! А потому, как только у нее выкраивалась свободная минутка, девушка устраивалась на мягком диванчике (Мировский купил всю необходимую мебель в снятую для Ани квартиру), открывала очередной томик пишущего о любви поэта - и жадно погружалась в чтение, находя в прочитанных строках успокоение своим бедам, несчастьям, страданиям... Девушка (быть может и справедливо?) верила, что только в книгах сможет найти ответы на мучавшие ее вопросы; успокоить душу; избавиться, от сомнений... И кто, как не поэты, - по мнению Ани, - могли (лучше других) прочувствовать любовное томление?! Описав его... Ведь им - были подвластны "многовековые тайны взаимоотношений мужчины и женщины... А значит, быть может, только они - способны были помочь девушке обрести тот долгожданный покой (и душевное равновесие), о которых она совсем позабыла, - после той случайной (первой) встречи - с Мировским.

Что до Мировского, то, как мы уже заметили, он удивлялся сам себе. Правда, удивление, пожалуй, не совсем точно передает все те чувства, которые он испытывал. Эти чувства скорее были сродни обволакивающим прибрежные камни волнам начинавшегося шторма, которые, только коснувшись берега, тотчас же отбрасывались назад, оставляя после себя выброшенные из морских глубин тайны.

Так и Мировский. С одной стороны, он понимал, что эта девушка как дар судьбы, подменившая собою именно то, чего ему и недоставало все последние годы. А сейчас и вовсе была необходима. И в то же время, что-то его удерживало... удерживало, чтобы до конца признаться в своих чувствах - даже себе.

А быть может, - и в первую очередь, - себе? Какое-то необъяснимое чутье (на что? на опасность? на обман?) подсказывало ему, что следовало хоть немного обождать, не спешить с (уже вырывавшимися) "откровениями". Хотя бы потому, что это может принести боль самой девушке... Мировский задумался... Неужели и правда, неужели мне кажется, что меня удерживает... не эгоистические желания... а боязнь (ненароком) обидеть другого человека...

Для Георгия Георгиевича это было на самом деле загадочным и странным... Странным еще и потому, что он никогда прежде не задумывался над тем, что какими-то своими действиями может принести ближним боль. И, прежде всего, это, конечно же, касалось окружавших его женщин. Нет, не жены. Ее мы пока даже не берем в расчет. Да и помимо нее, рядом с Мировским постоянно находились женщины - чаще всего молоденькие, так как они полагали, что имеют больше возможностей на успех - надеявшиеся стать его постоянными любовницами. О том, что ради них он бросит свою жену - они даже не мечтали. И... если разобраться... в том, что у Мировского было такое отношение к ним - была, отчасти, и их вина. Разве не делали они все - чтобы только "понравиться" Георгию Георгиевичу? Не очерняли - всячески - своих же подруг? Не стремились - занять их место? И разве не знали, - что после одной, двух "встреч", - на том "все и закончиться"?.. Или - отдельно от остальных - каждая была уверена "в своей неотразимости"?.. Но даже если это и так, - то оставалось лишь дело за малым: уверить в том же - и Мировского. Что... оказывалось невозможным...

Мировский подумал об Ане, и на глазах у него выступили слезы умиления... Аня была не такая... Он даже не знал, что в первую очередь его в ней заинтересовало?.. Ее красота?.. Или девичья неопытность?.. А быть может - скромность деревенской девушки?.. Деревенской, но которая, - своей грациозностью (а она окончила школу балльных танцев в городском центре), образованностью (девушка блестяще

знала два иностранных языка), интеллигентностью, - с легкостью давала фору любой городской.

К тому же (как в один голос уверяли Мировского преподаватели), девушка уже сейчас настолько хорошо знала их предметы, что было бы даже вполне целесообразнее и логичнее, - сдать экстерном экзамены, - и перевестись на курс-два вперед (что Аня и собиралась делать уже этим летом, собираясь сдать сразу три сессии и перейти - вместо второго - на третий курс).

Аня была совершенно другой... И Мировский впервые за долгие годы ощущал в своей груди давно уже не испытываемое томление... Давно.. еще с юношеских времен, - он не испытывал подобного... тогда, учась в последнем классе школы, он влюбился в женщину, почти на 13 лет старше его... Она и стала его первой женщиной; научив премудростям любви... Повстречавшись почти с год, его "любовь" неожиданно вышла замуж за человека, значительно старше уже ее; уехав (вместе с ним) в Израиль...

Он тогда долго переживал, не находил себя в страдании, а потом вдруг испытал такое же наслаждение, какое он испытывал с уехавшей любовью, с молодой преподавательницей немецкого языка (он тогда уже был студентом первого курса университета), без памяти влюбившейся в молодого человека и влюбившей его в себя.

После учительницы (их случайно открывшаяся связь послужила переводу преподавательницы в другой ВУЗ, и почти исключением "любвеобильного" студента; но вмешался отец Ольги - одной из Жориных подруг, которая безумно была влюблена в него и надеялась, - выйти за него замуж; одного визита партийного чиновника хватило, чтобы - разгоравшийся скандал - затих), какое-то время у Мировского - теперь уже исключительно только в качестве половых партнеров - влюбляться он больше не собирался - были студентки (в том числе и Ольга); как однокурсницы, так и со смежных курсов. Да и женился он на одной из них, той самой Ольге, рассудив, что наличие такого тестя - вполне стоит того, чтобы закрыть глаза "на любовь".

В этом браке Мировский состоял до сих пор. А Ольга... Впрочем, об Ольге - а это была именно та женщине, которая

держала на мощной привязи нашего бедного Сапфировва - вы уже знаете...

Кстати, что касается чувств... Что касается чувств, то их не было. И, если раньше (в отношении Мировского, - к Ольге) их не было вообще - так, небольшая влюбленность, да и то большей частью как благодарность за наслаждение в постели - а Ольга еще в первую же их встречу показала ему такой сексуально-эротический (профессиональный... конечно же профессиональный...) пилотаж, что даже в какой-то мере затмила и предыдущих, более старших, подружек Мировского - то теперь, когда у Георгия Георгиевича был "постоянно обновляемый" выбор между жаждущими его любви девицами, и вовсе - быть не могло. Любовь, построенная на сексе до опасности недолговечна, - как-то кто-то заметил ему. (И он даже - согласился). Или надоест (всему приходит когда-то конец), или найдется партнер, который делает это несколько, а то и значительно, лучше.

Поэтому Мировского ничто и не держало в его браке с Ольгой (к тому же он знал, что ее сексуальные аппетиты с годами только возросли; и ей уже не хватало того "еженедельного исполнения супружеского долга", который установил устающий от девок на стороне - Мировский). Поэтому Мировский не только догадывался, но и знал - установить скрытые камеры слежения для него ничего не стоило - с кем, когда и по сколько раз изменяет его ненасытная супруга. (Кстати, даже не удосуживающаяся "снять" для того отдельную квартиру). Компромат был налицо, поэтому в случае необходимости (то есть, развода) - он смог бы убедить тестя - почему это делает. Но пока, - этой самой необходимости не было. Отец Ольги работал в правительстве. И просто так портить с ним отношения - Мировский не собирался.

Но и он, - как мы уже заметили, - немного боялся складывающихся отношений с Аней. Это, впрочем, было так же верно, как и то, - что без Ани - Мировский уже не мог. Не мог без ее смущенной улыбки, красивых губ, без ее широко открытых глаз и длинных ресниц, без ее тончайших, длинных черных волос, которые он так любил пропускать

сквозь свои пальцы (когда усаживал девушку на переднее сиденье, рядом с водителем, сам размещаясь сзади), и чувствуя, как по телу девушки, смущенной от подобной вольности, пробегает наэлектризованная волна страсти.

В общем, Мирковский знал, что больше не сможет без нее. А раз так, то, как и любой практичный человек, - начинал задумываться: что нужно предпринять, чтобы навсегда привязать Аню к себе.

А подобное можно было сделать, только, - влюбив ее в себя (что, заметим, у него в итоге, и получилось). Сделать так, чтобы она вышла за него замуж. (Это еще предстояло сделать). И, одним из путей осуществления второго шага, - было обязательное знакомство с родителями Ани. Причем, умудренный жизнью Мирковский понимал как никто другой, что было необходимо не просто познакомиться с ними но и, - понравиться им.

Впрочем, Мирковский нисколько не сомневался в успехе подобного "знакомства". А потому ждал только лета, когда они вдвоем заедут к ним (как бы мимоходом) по пути - путешествия - на море. (Он уже запланировал показать девушке не только Турцию и Болгарию, но и Грецию, Кипр, Сейшельские острова и вообще все, что она пожелает).

Так что - оставалось только ждать. А пока, Аня и Георгий Георгиевич Мирковский, весело смеялись, разговаривая на любые - зачастую интересующие в первую очередь ее - темы; и, казалось, не было на свете более счастливых людей, чем они...

ГЛАВА 11

Однако, любовь любовью, а текущие дела бизнеса требовали ежедневного живого участия Георгия Георгиевича. И, кроме того, Мирковский нисколько не собирался отказываться от своих "неофициальных" занятий. Тем более, что со временем, просто сознание того, что он занимается чем-то "тайным и запретным" (и уже от этого получая моральное - а в последнее время и физическое -

---

удовлетворение) переросло... даже не в привычку: а в образ жизни.

Действительно, спроси кто Мировского (хотя, кто его мог об этом спросить?): мог бы он отказаться от своих "спектаклей"? - и ему бы ничего не оставалось, как честно признаться, что нет. Ну, не мог он уже без того, чтобы собственными глазами не лицезреть настоящую порнографию, происходящую с лично подобранными "актерами", когда Мировский еще задолго до начала представления возбуждался, осматривая будущих "героев", и, воображая себе, что (и, главное, как) они будут "это" делать.

И, конечно же, особое чувство Мировский испытывал, когда в "спектаклях" участвовал Сапфиров. Мировский давно уже (всецело и полностью) подчинил себе этого человека (и угораздило же ему когда-то быть его однокашником); и по сей день не оставляя попытки "переделать", - вечно забитого и униженного Бенедикта Валерьяновича; вылепив из него - сильную личность.

Однако, чем тщательнее он брался за дело, тем больше понимал, что сама его идея, пожалуй, утопическая. И человек, который всю жизнь чувствовал свою никчемность, не сможет измениться; тем более, в те сроки, которые устанавливал ему - постепенно, правда, сдвигая - Мировский. Даже, несмотря на то, что у того - не только появилось достаточно денег, чтобы почувствовать себя самостоятельным, но и, - появилась власть над другими людьми (своими сотрудниками в институте).

И у Сапфирова, действительно никак не получалось стать - как того добивался Мировский - сильным и уверенным в себе. Вернее, - получалось. Но только, - когда Сапфиров был пьян. Только тогда, должно быть, в его мозгу щелкал, переключаясь, какой-то трамблер; и Сапфиров разом менялся; становясь другим человеком.

Правда, помимо появлявшейся у него (в том состоянии) уверенности, силы, (как ни странно) - четкости изложения мыслей, - в нем стали развиваться: и мелочность, позерство, злобность, агрессивность... Превращая Бенедикта Валерьяновича в такое отвратительное животное существо,

---

что тем, которым доводилось знать его в другой жизни, оставалось только недоуменно покачивать головой, удивляясь: неужели человек - так мог измениться?..

Интересно, что и сам Мировский (занимаясь "перевоспитанием" Сапфинова) тоже изменился. Если у него раньше периодически и случались скоротечные изменения настроения, то никто (даже и он сам) не предавал этому серьезного значения.

Но, в последнее время, подобное случалось все чаще. А, кроме того, Мировский теперь не мог просто так не только возбудиться, но и привести в какую бы то ни было, даже маломальскую готовность - свой агрегат любви. Причем, он не просто "оставался нейтрален" происходящему, но и, напиваясь до беспамятства, жалобно скулил, умоляя связать его или приковать к кровати наручниками, избить ремнем, исхлестать розгами, а потом - связанного и голосащего - лучше, когда принимало участие несколько человек - насиловать, насиловать и насиловать. К сожалению, теперь Мировский только так способен был получать хоть какое-то наслаждение. От секса, которого не было. А что было?.. А было то, что "по старинке" (то есть - "один на один"; да без "орудий инквизиции"), - он теперь не мог. Хотя... как судить - мог или не мог? Он мог. Но... мог-то, в каком-то извращенном варианте.

Другими словами, он не способен был "кончить", - ни через минуту, ни через пять, ни через десять... ни через полчаса... ни через час... Изможденная партнерша (подобные эксперименты Мировский иногда проводил), вначале обрадовавшись такому любовнику, жадно ерзала под ним, требуя еще и еще. Но, когда это "еще" продолжалось в течение часа, потом двух, и она с ужасом замечала, что природная сила у лежащего на ней мужчины не ослабевает, а через три часа как будто даже наоборот, еще больше наполняется кровью, являя пример небывалой упругости, бедная женщина - у которой уже давно вышли все соки любви, и вибрирующий внутри с периодичностью отбойного молотка живой агрегат уже не доставляет ничего, кроме как неудобства, а то и боли, - всеми путями пыталась

высвободиться из-под ненасытного (а попросту, неспособного кончить без садомазохистских оргий) мужчины. А, когда у нее ничего не получалось - все-таки, как-никак Мировский в прошлом был борец-международник, и не давал из-под себя вылезти, кладя на лопатки и более тренированных, чем хрупкая женщина, мужчин - ей оставалось лишь смириться с происходящим и винить судьбу, которая вынуждает ее из-за проклятых денег (и призрачного удовольствия) заниматься подобными вещами "с ненасытными мужиками".

Так что, хорошо зная свои сексуальные особенности, Мировский вполне безболезненно мог находить удовлетворение в тех спектаклях, которые организовывал, выбирая специально для себя понравившихся женщин (как и мужчин).

Правда то, что они делали с ним, он предпочитал держать в тайне (об этой самой тайне, он не забывал предупреждать и другую сторону). К тому же, Мировский таким образом подбирал "актеров", - чтобы они никоим образом не могли пересечься с ним в обычной жизни.

Георгий Георгиевич (тем временем) подумав, что он, пожалуй, дал излишнюю свободу бывшему однокашнику, взял, и ни с того ни с сего, (для Сапфинова, разумеется) снял того с директорской должности; сделав - заведующим лабораторией. И если еще год назад о подобном Сапфинов мог только мечтать, то теперь (будучи еще вчера - директором института, у которого в подчинении находились десятки "заведующих лабораториями"), - это была настоящая катастрофа.

Бенедикт Валерьянович не знал, куда (и на кого) вылить разгневанные чувства (наконец-то Мировский вызвал в нем хоть какое-то подобие гнева). Он позвонил Мировскому (Георгий Георгиевич прислал приказ по факсу), но того не оказалось на месте. Он срочно примчался в офис, но сказали, что "шеф" только что уехал. Сапфинов пробовал вернуться на работу, но выше третьего этажа (на 4-5 находились кабинеты администрации, бухгалтерия и т.п.) его не пустили. Не пустили охранники, которые сменили старых (еще тех,

---

кого принимал на работу Сапфиров) по личному распоряжению нового директора. Оказывается, тот уже занял рабочий кабинет.

- Могу ли я с ним увидеться? - вопрошал встревоженный Сапфиров.

- Нет, - был ответ охранников. - Когда Вы ему понадобится - он вызовет сам.

А через несколько минут охранники, держа в руках большие коробки, спросили, куда отнести его вещи. Новый директор, не желая видеть ничего, оставшегося от предыдущего, распорядился сложить ручки, тетрадки, блокноты и т.п. в отдельные коробки и выдать Сапфирову. Причем, сам ни за что не пожелал с ним встречаться.

Удрученный Сапфиров, ничего не понимая, сел в свой автомобиль и уже собрался было тронуться, как заметил, что какой-то "умник" залез к нему в машину и отпилил руль.

- Шутка, что ли, какая? - недоуменно подумал Бенедикт Валерьянович, вылезая обратно, перед этим еще раз оглядевшись вокруг, мол, кто из нас сходит с ума? Может, руля и не было? Но тут же подумал, что если кто и сходит с ума - то только он. И если еще не сошел, - то вполне может. И продолжая оставаться в прострации, вышел на трассу и, подняв руку - рядом с ним тут же остановился "частник" - попросил отвезти его в ближайший кабак. Щедро заплатив обескураженному водителю (мало того, что ресторан, куда он его подвез, был не более, чем в километре от места посадки, так тот еще и дал двадцатидолларовую бумажку, буркнув, чтобы сдачу оставил себе), Бенедикт Валерьянович уже через полчаса был пьяный, как говорится, в хлам; и, уткнувшись лицом в столик, уснул, не обращая внимания ни на музыку, ни на косые взгляды посетителей, ни на какую то там потерю должности, ни на какого-то там Мировского, и вообще, в первый раз за последнее время Бенедикт Валерьянович заснул сном свободного человека, у которого не было никаких дел или обязательств перед обществом.

ГЛАВА 12

- Привет! Ты куда пропал?! - открывший дверь Сапфиров не поверил своим глазам и, еще до конца не проснувшись, инстинктивно отошел назад, пропуская женщину.

После того, как он напился в баре, он пил еще несколько дней; и, преимущественно, у себя дома. Бенедикт Валерьянович как бы разом поминал все (что было хорошее); и всех (кто ушел из жизни: Барт, Григорий...) - Я тебя уже два дня разыскиваю, - укоряюще смотрела на Бенедикта Валерьяновича Лора, подавая топчущемуся в прихожей полусонному Сапфирову свою шляпку и накидку от дождя. - Зонтик я, можно, здесь поставлю? - вопрос больше напоминал констатацию уже свершившегося факта, чем просьбу. Лора и не дала ничего ответить Сапфирову, решительно и просто прошла в комнату; а ему ничего не оставалось, как последовать за ней.

- Я на самом деле тебя искала, - обняла Лора обескураженного Сапфирова.

Несмотря на то, что он не пил со вчерашнего вечера - а сейчас уже было десять утра следующего дня - алкоголь еще не успел до конца выветриться из его организма; давая какую-то непонятную слабость организму. Но, несмотря на это, - Бенедикт Валерьянович притянул женщину к себе.

У Лоры, ощутившей объятья любимого человека (а она действительно любила Сапфирова; и даже могла в этом признаться; если б он попросил) слегка закружилась голова.

Словно почувствовав это, Бенедикт Валерьянович подвел молодую женщину (Лоре было тридцать; она была на несколько лет младше его жены, Елены) к разложенному дивану и, поддерживая ее, присел вместе с ней.

- Ты знаешь, я начинаю понимать, что не могу больше без тебя, - произнесла Лора, разомлев в объятиях Бенедикта Валерьяновича. - Может, конечно, это глупо... И женщина вообще не должна признаваться в том мужчине... Но мне вдруг захотелось отбросить эти старомодные правила, и сказать тебе, что люблю... Ты слышишь?! - импульсивно дернув головой, отбрасывая набегающую на глаза прядь, и посмотрев прямо в глаза Сапфирову, - произнесла Лора. - Я

люблю тебя! - гордо, как будто призналась на суде инквизиции, что земля вертится, уже воскликнула она.

Сапфиров попытался собраться (что было крайне затруднительно, принимая во внимание то, что он уснул совсем под утро - в восьмом часу - а до того и вовсе не спал сутки) и, посмотрев на вероятно ждущую от него хоть какого-нибудь ответа женщину, осторожно поцеловал ее, предложив "сварить кофе". Видя, что Лора промолчала, Сапфиров сделал попытку высвободиться из объятий, но оказалось, что это было не так-то просто. Лора продолжала смотреть на него и всем своим видом показывала, что ждет она совсем другого ответа.

- Я тоже тебя люблю... - признался Бенедикт Валерьянович.
- Давай пить кофе - сказал он, приподнимаясь, ожидающе смотря на женщину.

Та поняла и тоже встала.

- Пойдем на кухню, - не желая оставлять ее одну, попросил Сапфиров.

Рядом с кофе, на столе появилась и бутылка водки.

- Будешь? - спросил Бенедикт Валерьянович, наливая себе рюмку и собираясь сделать то же самое Лоре.

- А у тебя нет чего-нибудь полегче, - смущенно улыбнулась та.

- Почему же нет, - тоже улыбнулся Бенедикт Валерьянович и извлек из холодильника початую бутылку шампанского.

- Ну, с него и надо было начинать, - распорядилась девушка, и тут же прошла в другую комнату, откуда вернулась через несколько секунд, держа в руках два бокала.

- За тебя, - поднося свой бокал с шампанским к бокалу девушки, улыбнулся Сапфиров.

- За нас, - ответила Лора, чокаясь, и отпивая шампанское.

- Почему ты стал меня избегать? - спросила Лора, когда они, допив немного, что оставалось в бутылке, принялись за водку.

- А с чего это ты так решила? - вернулась к Бенедикту Валерьяновичу былая уверенность, всегда сопутствующая тому состоянию, которое он приобретал после приема алкоголесодержащих напитков.

- То есть, мне показалось? - улыбнулась молодая женщина.
- Должно быть, что так, - ответил Бенедикт Валерьянович.
- И ты меня вовсе не бросал? - допытывалась Лора.
- Конечно же, нет, - искренне произнес Сапфиров.
- А где твоя жена? - спросила она.
- Гуляет где-то, - отмахнулся Бенедикт Валерьянович.
- Где-то или с кем-то? - съязвила Лора, улыбнувшись и давая понять, что ей известно нечто большее (как никак, Елена ее подруга), чем, быть может, Сапфиров хотел, что бы она знала. Но помимо того, Лоре очень хотелось, чтобы Сапфиров понял, что она не просто так это спросила, а с тем, чтобы еще раз напомнить Бенедикту Валерьяновичу, что он не должен примешивать в отношения между ними и свою жену. И даже вообще, - обращать на ту, - какое-либо внимание.

- Да какая разница, - подтвердил мысли женщины Бенедикт Валерьянович, мол, сам вижу, что наш брак давно дал трещину и готов расползтись по швам.

- Так зачем же тебе тогда такая жена? - ввела в некое замешательство Бенедикта Валерьяновича Лора.

Бутылка водки пустела, а вместе с этим обстоятельством и прибавлялось уверенности у женщины.

- Неужели ты хочешь приходить домой и заставить свою суженную в постели с любовником? - откровенно поинтересовалась Лора. - А то и не с одним? - добавила она.

Вообще-то, девушка догадывалась, что, пожалуй, слегка перебирает лишку. Тем более, что она не так опьянела, как хотела казаться. Но она уже давно собиралась поговорить по душам с мужем своей подруги; и потому ей ничего не оставалось, как (имитируя опьянение), признаться Бенедикту Валерьяновичу в любви; а заодно, и рассказать, что она думает о его жене; и их браке.

Но, так как получилось, что (неожиданно для себя) она призналась в любви Бенедикту Валерьяновичу раньше, чем успела подготовить для этого почву (нападками на его жену), то ей теперь ничего не оставалось, как сразу начинать со второй части.

- Считаешь, - я сам это понять не в состоянии? - принял неожиданную оборону Бенедикт Валерьянович. - Или думаешь, что мне нравится такое положение? - уже чуть мягче спросил он, видя, как одернулась испуганно женщина.

- Положение рогоносца? - снова попыталась взять ситуацию в свои руки Лора, и вдруг встала со своего стула и села к Бенедикту Валерьяновичу на колени. - А возьми меня в жены?! - предложила она. - Я буду верной женой. Правда - даю честное слово, - по-пионерски подняла она руку к голове, - любить только тебя!

Ситуация была двоякая. С одной стороны Лора понимала, что - "или сейчас, или никогда" - подобный разговор надо было начинать.

И в то же время она помнила, как на глазах Сапфинова (в квартире Мировского) занималась любовью сразу с несколькими мужчинами. Причем, те формы, в которых она это "исполняла", не позволяли даже теоретически допустить мысль о ее целомудренности.

И все же Лоре ничего не оставалось, как идти ва-банк. А, почувствовав, что Бенедикт Валерьянович может "в чем-то усомниться", - она (интуитивно) применила ту женскую хитрость, от которой мог устоять не каждый. И уж точно, - не Сапфинов. Который, только почувствовав теплоту (что-то ищущей) ладони женщины у себя между ног, сразу размяк. А когда ладонь женщины - сменили ее губы, он только вцепился (покрепче) руками в стул, и, откинув голову назад, лишь постанывал от удовольствия.

Но Лора не собиралась на этом заканчивать. Освободившись от одежды, она стащила Бенедикта Валерьяновича на пол; а затем, водрузясь на него, принялась отплясывать такие сексуальные танцы, что впору было звать Мировского: записывать...

ГЛАВА 13

Бенедикт Валерьянович так ни разу и не появился в новой должности. Он также больше не сделал ни единой попытки

встретиться с Мировским. Совершенно неожиданно для себя, он ощутил внутри такой протест, что первое время даже недоуменно несколько раз подходил к зеркалу. Ему казалось, что негодование должно было отразиться на его лице. Однако, оттуда на Бенедикта Валерьяновича смотрел уставший от жизни сорокапятилетний мужчина. За последние несколько лет Сапфиров слегка поправился, но эти 2-3 килограмма нисколько не отразились на его худом, изможденном лице. Даже наоборот, скулы, казалось, еще больше заострились. Правда, слегка появился жирок по бокам живота. Но вся фигура все равно оставляла впечатление худощавости, что заставляло Бенедикта Валерьяновича иногда саркастически улыбаться, представляя тщетность усилий иных людей - похудеть. (Бенедикт Валерьянович относился к тому типу людей, которые не способны "набрать лишний вес", не смотря на любое питание). Например, он способен был запросто съесть целую курицу, и это нисколько бы не отразилось на его 75 килограммах. И уже через час - он бы испытывал чувство голода.

Однако, сейчас Сапфиров смотрел на себя в зеркало, и словно перед глазами у него появилась картина его недавнего разговора с Лорой.

... - Значит, ты возьмешь меня в жены? - еще раз спросила девушка, когда, после одновременного оргазма (от подаренной друг другу любви) она очнулась первая; и успела, не только найти в одном из двух холодильников бутылочку "Джина" и, перемешав с "Тоником", сделать себе коктейль, но и еще почти минуту наблюдать за постепенно приходящим в себя Бенедиктом Валерьяновичем.

- Конечно же, возьму, - подтвердил ее слова Сапфиров.

- А где мы будем жить? Может, уедем куда-нибудь? А давай, и правда уедем отсюда? - обрадовавшись своей новой мысли, Лора посмотрела на Бенедикта Валерьяновича.

- Куда? - спросил он с интонацией, мол, куда мы там, сможем уехать? Везде нас найдут.

- Ну, не знаю... В деревню куда-нибудь... Или за границу?.. - раздумывая вслух, ответила Лора.

- Ну, разве что за границу...

Вспомнив разговор, Сапфилов невольно задумался еще раз... - А что, если и вправду, взять Лору да уехать вместе с ней куда-нибудь... в Париж, например?.. Или в Лондон?.. Сапфилов тут же одернул себя. В такой ситуации, в какой оказывались они (а, ведь в случае принятия подобного решения, им предстояло бы, в буквальном смысле слова, скрываться от Мировского), - хотя бы на первое время им следовало бы ехать, - в какую-нибудь захудалую деревеньку. Где их бы никто не искал.

Но... смогут ли они, - после сравнительно обеспеченной петербургской жизни, - "похоронить" себя в глухомани?.. Где из всех развлечений-то - телевизор да посиделки с соседями на лавочке... А в шесть вечера уже вся деревня засыпает... Чтобы в четыре - просыпаться... Ну, может, есть клуб - раз в неделю. И уже становилось ясно, - что долго, - они не протянут. А значит, - придется возвращаться. Или бежать дальше. За границу. Только, конечно же, не во Францию или Англию. А в какую-нибудь страну "попроще". В Венгрию, например. Или в Польшу. Можно было бы, конечно, вообще рвануть в Америку. А на ее просторах способны были затеряться не только Сапфилов с Лорой, но сотни, тысячи, десятки тысяч таких же, как они, беглецов.

Но Америка вряд ли пустит. Вернее, может, конечно, и пустит. Но получение визы сопряжено с таким душевным напряжением - ведь трудно сохранять спокойствие, когда вас заранее в чем-то подозревают - что лучше было сразу оставить подобную попытку. Тем более, если они решатся на такой шаг, то у них совсем не будет никакого лишнего времени. А, значит, надо ехать туда, где, или вообще безвизовый режим, или получения визы чистая формальность.

...Чем больше Сапфилов об этом размышлял, тем больше он проникался уверенностью в том, что подобное нужно было делать раньше. Но... он уже не мог. Не мог, не хотел, - терпеть и дальше выходки Мировского. И, конечно же, он не мог ему простить снятие с должности директора НИИ?.. Недоумевая, в чем же он "провинился"?.. Или... стал

мешать?.. Но тогда чем?.. Самостоятельностью?.. Так ее и не было. Все приходилось все равно согласовывать с Мировским. А если тот противился, - и не делалось ничего. Против. Против - желания настоящего хозяина. И чем же тогда он мог помешать Мировскому, оставаясь и дальше на этой должности?.. Сфера деятельности НИИ, - с бизнесом Георгия Георгиевича не пересекалась. Да и вообще, - НИИ - одна из частиц этого бизнеса?! Так зачем же в таком авральном порядке менять управляющего?!.. Или у Мировского - зная его, вполне можно было подумать и об этом - был заготовлен какой другой, хитроумный план?... А значит, следовало ожидать, - каких-то новых неприятностей.

- И все же, в чем я провинился? - мучительно раздумывал Сапфиров... И не находил ответа...

- Может, Георгию Георгиевичу не понравилась моя, слишком бурная, активность? - попробовал отыскать еще одно предположение Сапфиров. - Хотя... Что это я?.. - осекся он, внезапно все поняв. - Ведь Мировский, таким образом, просто-напросто в очередной раз напоминает, кто в доме хозяин! Он вообще старается это (иной раз) демонстрировать в такой форме (порой слишком навязчивой и грубой), чтобы ни у кого не оставалось и тени сомнений: кому дано править бал!

Казалось, сомнения быстро разлетелись в дым (готовый вот-вот рассеяться), но все равно, какой-то нехороший осадок оставался у него на душе... И сколько он уже ни пытался заставить себя ни о чем не думать, какое-то внезапно появившееся (нехорошее, слишком нехорошее) чувство тревоги - не проходило... Да и могло ли оно пройти?..

Но ведь так и было на самом деле. И никто - а уж Бенедикт Валерьянович и подавно - в этом никогда не сомневался. Правда, иногда забывал, но Мировский всегда это чувствовал и спускал "с небес" замечтавшегося романтика.

- Сапфиров? - в телефонной трубке раздался недовольный голос Георгия Георгиевича. - Ты что это там чудишь? Почему не выходишь на работу?

У Бенедикта Валерьяновича от неожиданности перехватило дыхание. Звонил "Сам". Неужели чувствуют, что о нем сейчас думают.

- Ну что молчишь, как воды в рот набрал? - грубо произнес Мировский. - Что за внезапные запои?... Значит, так, - распорядился он. - Сейчас же срочно собирайся и выезжай ко мне. Надеюсь, совсем там мозги не пропил? Машину сможешь вести? Или - прислать свою?

- Смогу, - с трудом оторвавшись от сковавшего его страха (чувство, предательски подстерегавшее его, и готовое наброситься - как сейчас - в любой момент) - Мировский никогда так не позволял себе с ним разговаривать раньше - ответил Сапфиров.

- Ну, вот и славненько, - уже мягче произнес Мировский. - Ну, все. Жду, - он положил трубку.

- Так что же тебе не понравилось? - спросил Мировский, как только Бенедикт Валерьянович переступил порог кабинета его офиса. - Твое назначение на должность заведующего лабораторией? - предположил он. - Так это исключительно ради твоей же пользы. Ведь, насколько мне известно, у тебя подходит защита докторской?!... Я и решил: дабы у моего дорогого коллеги было больше свободного времени - временно (ты слышишь? - вре-мен-но!) отстранить тебя от обязанностей директора. Так сказать, не только исключительно в добрых целях, но и в самых, что ни на есть, лучших традициях проявления заботы и любви к ближнему... И ничего более... А ты что подумал? - посмотрел на него Мировский.

Сапфиров, не выдержав взгляд, смутился. Ему очень бы хотелось верить Мировскому... Но он не мог... Не мог себя заставить... Еще некогда существовавшая вера - как к жене, как к Мировскому, как, быть может, вообще: к человечеству - постепенно сменилась на нечто неопределенное (грязное и отвратительное), так что, вместо еще некогда существовавшего, чистого и светлого образа - вырос

огромный ком грязи... И расстаться с этим чувством утраты чего-то родного и близкого - было уже не дано... Даже если бы он очень того пожелал... Захотел... Но он не хотел... Он устал... Устал от жизни... Устал от постоянной неопределенности... Устал от внезапных звонков, и ночных кошмаров... Устал жить с вечным ощущением своего полного ничтожества... И бессилия... Он устал... И, казалось, эта усталость была вечной... Да быть может она и была такой...

- Как я понял, - ты против таких перестановок? - словно беседуя с самим собой, спокойно и рассудительно заметил Мировский. - Но разве нельзя было, - прийти и сказать?! И не ждать, пока я должен сам догадываться?! Что это - за мальчишество?!... Или ты забыл, что мы уже давно строим капиталистический мир?... А не социалистический?... (кто бы мог подумать!? - посмотрел на него Сапфиров). И подобные выходки никто не пожелает терпеть, - не унимался Мировский. - Благо, что желающие занять твое место всегда найдутся... Хочешь снова стать безработным?! Хочешь подносить продавщицам в магазине ящики?! Или собирать пустые бутылки по помойкам?! - распаялся он. - Так мне ничего не стоит тебе это устроить! Причем, - все сразу. Снова окажешься в дерьме... Хотя... что это я?... Ведь это, должно быть, - твое привычное состояние!?! И сколько не учи тебя - таким же животным как был - и сдохнешь... Или... снова сядешь на шею своей женушки?... И будешь закрывать глаза, - что она подставляет свою пи...ду первому встречному... Сколько ты мне должен?... Не помнишь?... 150 тысяч (50 Сапфиров все же отдал)! Долларов!.. А, кроме того, - машина, дача, квартира... твое сегодняшнее положение в обществе, наконец (что, заметь, - тоже немаловажно!) Устроены твои родители, дочь, жена... Или забыл, что всем этим пользуешься авансом?... И стоит мне только захотеть - как разом потеряешь все! Да еще останешься должен! Правда, у тебя останется совдеповская квартира. Что? Забыл про нее? - посмотрел на удивленно вытянувшееся лицо Сапфирова Мировский. Слишком быстро привык к хорошей жизни?... Так я тебе ее обломаю!.. И сделаю так, - что тебя вообще никто не возьмет на работу!..

Все связи подниму!.. Сам, - если надо, - "бабки" заплачу!.. Но работать - ты больше не будешь!.. Разве что, - проститутотом!.. Ха-ха-ха-ха!.. Да и то, - слишком стар ты для этого... Это у меня - тебя трахают!.. И трахаешь - ты... А у других, - ни к кому не подпустят и близко!.. Будешь ходить и облизываться... А то и вообще... А быть может и правда? - словно оценивая, посмотрел на него Мировский. - Взять, да и посадить тебя "на иглу"... И все! Больше уж ты точно никому не будешь нужен... А через время - и сдохнешь! Где-нибудь на чердаке или в подворотне... Со всеми своим нереализованными амбициями!..

В общем, после того, как не на шутку разгневанный Мировский обрисовал перед Сапфириным все, ожидающие его, перспективы; да еще и припомнил пленки, на которых тот был запечатлен в не лучшем, кстати, виде; в том числе - словно мимоходом - сыграв партию мужа-рогоносца, ставшим таким, мол, почти исключительно по вине Сапфирина, совратившего "его бедную Оленьку"... в общем, Мировский подготовился на славу (а если то был экспромт - то честь ему и хвала... Талант, явно, пропал) - Бенедикт Валерьянович понял, что ему ничего не оставалось делать, как впредь, - слепо подчиняться Георгию Георгиевичу... И даже не думать о том, чтобы не выполнить его какое-нибудь поручение... или просьбу...

Надежды "на светлое завтра" были не только разрушены, но и заключены за столь тяжелые засовы, что лучшим для Сапфирина в той ситуации, в которой он оказался, - было и вовсе не думать о каких-либо попытках освобождения...

Всецело подчинившись воле Георгия Георгиевича Мировского. Хозяина.

ГЛАВА 14

Георгий Георгиевич Мировский на самом деле являл собой (быть может, еще и редкий для России в самом начале постсоветских лет) тип хозяина. Человека новой формации.

Обладая невероятно сильным характером, он мог позволить себе любые эксперименты. Эксперименты над личностью... И, в первую очередь, они были направлены на поиски у подопытного ему человека своего "Я", своей - идентичности, противопоставления - себя - миру; умению - отстоять собственные (имеющиеся, если они имелись) позиции. Как и... поиску - у попавшего к нему в руки человека - его "мужского начала". Всей той мужественности, которая - от природы - должна была быть. Но ее не было. Ему было интересно лепить из "слабаков" - сильных личностей. Точнее - он только предполагал заниматься этим. Так сказать, подступался. И первым - должен был стать Сапфиров. Быть может этим объяснялось, - почему он до сих пор (несмотря на все выходы Бенедикта Валерьяновича) держался за него. Не отпускал. Сдабривал и того, и его жену (нужна была - как звено в цепи эксперимента), и любовницу (сам, по сути, и "подсунув" любовницу; точнее, - сделал Лору, лучшую подругу жены Сапфинова, - любовницей Сапфинова). Все это было нужно для одного: Мировский должен был превратить из Бенедикта Валерьяновича... Впрочем... эксперимент, по всей видимости, уже можно было признавать неудачным. Слишком явный - крен в сторону. И все трудней и трудней - удерживать ситуацию. Он, Георгий Георгиевич Мировский, выпустил "джина". В виде пороков, страстей, непотребных желаний... И если раньше, все те люди, которые "работали" сейчас в его "порно-шоу", как-то - сдерживали свои первобытные половые инстинкты, то теперь никто из них и не думал об этом. Нормы, морали, запреты - под властью денег и секса - были (с легкостью) отодвинуты в сторону. Принцип: "все и сразу!" - вышел на первое место. Возобладал - над привычной (для тех людей, которых отобрал Мировский) рассудительностью и интеллигентностью. И теперь - они уже не могли, и не хотели - себя сдерживать. Тем более, получили возможность - не только удовлетворять свои половые инстинкты в любой извращенной форме. Но и делать это сообща. А, кроме того - получать за это деньги. Достаточно большие (в сравнении с их окладами на "основной" - условие Мировского: не бросать ту - работе).

Что же касается Сапфинова... Так Мирковский, сначала убедившись, что удалось "приручить" Бенедикта Валерьяновича, точно так же вскоре понял - что тому становится тесно в отведенных для него рамках. Слуги. Раба. И как любой раб (вот они - законы эволюции), уже давно мечтает: обрести свободу и независимость. Самостоятельность. И именно самостоятельности, по сути, Мирковский от него и добивался. Но это было раньше. Так сказать, - в начале эксперимента. Теперь же... эту самую самостоятельность, - он ему дать не мог. Или не хотел? Скорее, - не хотел. Потому как, и сам Мирковский, - уже привык: к подобному состоянию. К состоянию властвования. Ибо была эта власть - совсем иного рода, чем испытывал он раньше. Эта была власть - сродни власти... царствующих особ. Власти, - которой быть может (в иные моменты, Мирковский часто об этом мечтал), - были наделены его предки. Какие-нибудь - графы, бароны, князья... А то и - цари... И уже наверняка, - казалось ему, - были в его роду - какие-нибудь рабовладельцы. И теперь Мирковский, благодаря своему уму, интуиции, богатству, тоже стал таким. То есть, в его подсознании наблюдалась явная взаимосвязь - с предками. Своего рода, коллективное бессознательное. И он уже вбирал в себя - всю силу своих предков. Все их - могущество. Всю их - власть. И не существовало никого - кто бы мог встать у него на дороге. Он способен был раздавить любого. Стереть того в порошок. В средневековую пыль, которой, быть может, окутывались могилы бывших родственников. Воинов. Феодалов. Правителей. И уже заряжался он, - энергией их. И готов был сломать любую оборону. Любое сопротивление. Если бы то существовало. Но на самом деле, никто и не думал сопротивляться Мирковскому. Все, как бы изначально, признавали его лидерство. Признавали его власть над ними. И готовы были терпеть унижения. Любые - унижения. Вот только Сапфинов... Но и его - обломаем!..

Но, хотя Георгий Георгиевич полагал, что все попытки на какую-либо самостоятельность у Сапфинова будут сводиться

лишь к его беспробудному пьянству, он, тем не менее, решил слегка подстраховаться. А потому и вызвал того к себе, дабы самолично убедиться в том, что Бенедикт Валерьянович остался таким же кюхлей, как и был раньше. И, когда в ответ на его гневные (и провоцирующие) слова Сапфиров лишь сжался, заискивающе улыбаясь, - Георгий Георгиевич окончательно уверился, что тот не способен ни на какое восстание. А, значит, будет терпеть и дальше.

Хотя, если разобраться, а что ему такое приходилось терпеть? - рассуждал Мирковский. - Те пару часов в день, когда Сапфиров получал сексуальное удовольствие от "общения" с несколькими женщинами?... Да, другой бы на его месте только мечтал, чтобы это было!... Ну, правда, иногда Сапфирову приходилось и самому исполнять роль "женщины"... Но, ведь, это было не всегда. Мужчин - любителей мужчин (по крайней мере, на примете у Мирковского) - все-таки, было не так и много. Но, даже если и в их количестве (которое Сапфиров должен был пропускать через себя) можно было усомниться, Георгий Георгиевич сам ясно видел, как Сапфиров от подобного нетрадиционного общения получает удовольствие; уж, опытного Мирковского - не обманешь и не проведешь! Ну, что с того, что (как пытался оправдываться Сапфиров), он никогда раньше этим не занимался? У любого, когда-нибудь да что-нибудь происходит в первый раз.

К тому же, нельзя и забывать, что за это Сапфиров получает не только приличные деньги, но и другие материальные блага; опять же - машина, дача, квартира... А мог бы вообще ничего не получать. И отрабатывать долг... - Мирковский задумался. - А что, если и правда, следует какое-то время подержать Сапфирова на голодном пайке... Впрочем, в методе "кнута и пряника", - ему был все же ближе "пряник"...

Хотя он и не забывал о "кнута".

На следующий день, вызванный Мирковским Сапфиров, услышал очередное волеизъявление своего хозяина. Тот его вновь назначил на должность директора НИИ. Но предупредил, что за участие в "спектаклях" он больше не

будет платить ни копейки. Мол, и так слишком велик долг, и уже со следующего "спектакля" он должен начинать его погашать (то есть, не будешь получать бабок, - они и пойдут на погашение). А, кроме того, у Сапфинова забираются обратно дача, машина и квартира. Две квартиры. А Бенедикту Валерьяновичу с супругой "дозволяется" жить в институте. Им будет выделена одна комната в подсобном помещении.

- И еще, - сказал Мирковский уже на прощание. - Любое твое общение с той девицей, как ее там, - он наигранно сморщил лоб, - Лорой (мол, вспомнил), - должно не выходить за рамки нашего "театра" (так он в последнее время называл квартиру, где устраивал сексуально-порнографические представления). В иное время - я вам общаться запрещаю. - И, заметив, что Сапфинов и в этот раз ничего не сказал, а лишь тяжело вздохнул, смиряясь с происходящим, Мирковский в очередной раз нашел подтверждение своему мнению по поводу своего бывшего однокашника - тот был настоящей "никчемной личностью" (да и личностью ли?) в этой суровой (Мирковский любил подобную "констатацию факта") жизни. А, раз человек способен унижаться и терпеть, так зачем Георгию Георгиевичу пытаться перевоспитать - как он собирался вначале - "это ничтожество"... Пусть и дальше остается таким же...

ГЛАВА 15

Разобравшись с Сапфиновым, Георгий Георгиевич стал серьезно подумывать о том, что следовало бы начать устраивать и свою личную жизнь. После того, как у него на руках было подтверждение многочисленным изменам своей жены - а, помимо Бенедикта Валерьяновича у него дома побывало еще с десятков мужчин, добрую половину из которых он знал лично - у Георгия Георгиевича не оставалось и тени сомнения, что развод удастся. Приходилось, к сожалению, принимать во внимание тестя; но теперь - Мирковский был в этом уверен - тому ничего не

останется, как принять сторону зятя; или, по крайней мере, - не противиться его решению.

Георгий Георгиевич для себя уже точно решил, что сделает предложение Ане. В том, что она согласится - он не сомневался. Девушка была слишком юна, чтобы научиться скрывать свои чувства. И стоило только посмотреть на нее, чтобы понять: Аня влюблена; и влюблена так, что ни от кого это и не собиралась скрывать.

Впрочем, она сама уже столько получила подтверждений любви к ней Георгия Георгиевича, что даже не понимала: почему должна скрывать свои чувства?

Когда наступил июль, Ане, как и предполагал Мировский, удалось сдать сразу три сессии; она ему показала зачетку, подтверждающую право вместо второго - переходить сразу на третий курс. Покончив с этим - скажем сразу, не очень для нее трудным делом (ее умственным усилиям проложил предварительную дорожку кошелек Мировского), она стала ожидать обещанного Георгием Георгиевичем путешествия за границу; на отдых.

Заметив "чемоданное настроение" девушки, Георгий Георгиевич самолично отвез ее в одну из лучших в городе туристических фирм, и Аня получила право выбрать те страны, которые пожелает.

- Можешь смело рассчитывать на месяц-полтора, - заметил Мировский. - Но ты должна к ним приплюсовать те несколько дней, которые мы проведем у твоих родителей. Должен же я познакомиться со своими будущими тестем и тещей!

Девушка, поначалу было, обрадовалась; но уже дома, вспомнив крутой нрав отца - коммуниста, пожалела, что позволила себе быть такой беспечной. Ведь, ей следовало, - хоть как-то подготовить своих родителей. А за тот год, что она знала Георгия Георгиевича, она ни разу, не обмолвилась о его существовании.

И как бы приезд Георгия Георгиевича и Ани не был для них той неожиданностью, после которой еще, чего доброго,

---

могут наступить необратимые последствия, и ей придется выбрать между родителями и Мировским.

(Конечно, что получится именно так, Аня точно не знала. Да и знать, в общем-то, не могла. Ибо еще, как говорится, не было таких прецедентов. Но, зная своего отца, да вспоминая, чем завершаются схожие сюжеты в книгах - а девочка очень любила литературу - решила для себя, что ей остается только надеяться, что ничего подобного не произойдет).

Но, как бы то ни было, а маршрут был намечен: Санкт-Петербург - пос. Красноармейский Краснодарского края - Анталия - Рим - Баден-Баден - Ницца - Кипр - Сейшельские острова - Санкт-Петербург. На каждый курорт - по неделе. На то, чтобы "понравиться родителям", - три дня.

Чемоданы были собраны; правда, с собой Георгий Георгиевич распорядился много вещей не брать, только - самое необходимое. Все остальное, мол, купим там, где будем; вылет в Краснодар запланирован; текущие вопросы по работе решены; для каждого сотрудника, - намечены новые цели и задачи. В общем, Георгий Георгиевич, покидающий город почти на полтора месяца, все продумал, чтобы в его отсутствие не возникла какая-нибудь проблема. В любом случае, он всем раздал номер недавно приобретенного спутникового телефона (теперь можно дозвониться в любую точку, - с гордостью поведал он), и с чувством выполненного долга, - уехал отдыхать на европейские курорты.

Правда, сначала, конечно же, предстояло заехать к Аниным родителям.

ГЛАВА 16

Отец Ани, Василий Аполлинариевич Фанаев, был человеком старых взглядов. Коммунистических. И, несмотря на то, что, бывало часто - за традиционной по праздникам бутылкой самогонки - ругал демократов (считая, что в том,

---

что происходило в стране, виноваты именно они), он несколько не хотел хоть как-то изменить свою жизнь.

Конечно, на его мизерную зарплату "завклуба" трудно было прожить; тем более, что жена, Елизавета Семеновна, получала еще меньше; но он считал, что все равно ничего нельзя было изменить, - не идти же работать в услужение демократам-предпринимателям (то есть, у него выходило все довольно просто: если предприниматель, то значит, - обязательно демократ) - а потому предпочитал оставаться на государственной работе. Что до жены, то она всегда принимала точку зрения мужа; поэтому в этом (как и во всех других) вопросе была с ним солидарна.

Когда Василий Аполлинариевич узнал, что его родная дочка Анна придет домой на летние каникулы, то он настолько обрадовался, что тут же велел зарезать к ее приезду несколько кур, гуся, да к тому же решил еще и заколоть поросенка.

Праздник намечался нешуточный. Ведь, его дочь не только стала студенткой престижного Петербургского (прежде всего Петербургского, а оттого и престижного) института, но и уже успела отучиться один курс. (Новость о том, что она сдала экзамены сразу за два, Аня оставила на потом. Это должно быть приятным сюрпризом для родителей).

Правда, Василия Аполлинариевича немного смутила строчка в телеграмме (телефона у родителей не было), где Аня упоминала, что придет "не одна". Но отец девушки, сначала передумав несколько вариантов - призвал даже, что было крайне редко (все-таки хозяином в доме был он), в помощники свою супругу, но так не до чего путного они и не додумались - потом и вовсе предпочел забыть о "загадке"; решив, что вероятнее всего, Аня подружилась с какой-нибудь девушкой, с которой вместе училась; ну и пригласила в гости ее. Все-таки их дом в Красноармейском находится всего в нескольких часах езды от Черного моря. И, может, ее подруга - вдруг с Севера? - никогда его (в смысле - этого самого моря) не видела. А, если когда и видела, то при нынешних ценах не больно-то часто и поездишь. А тут можно взять палатку, еда своя - слава Богу, хозяйство

большое - так что, можно обойтись вполне малыми средствами. А отдохнуть на славу.

Так что, подумав, что под словом "не одна" их дочь подразумевала подругу, - отец вообще больше к этому не возвращался; и стал готовиться к предстоящему приезду Ани.

Подступал - "день приезда".

Василий Аполлинариевич договорился с соседом, чтобы на его "Москвиче" (правда, старенький, ровесник Ани, но какая-никакая, а машина; все не на перекладных; поезд-то прибывал в Краснодар; а оттуда, до поселка Красноармейский, тоже надо было на чем-то добираться) встретить дочку. Правда, когда еще раз перечитал телеграмму - (мол, что-то он не запомнил ни номера поезда, ни времени прибытия, ни вагона) - Василий Аполлинариевич удивленно заметил, что об этом в телеграмме не было ни слова (немудрено, что он не увидел!). Аня просто сообщала, что встречать их не надо, они доберутся сами.

- Как сами? - обеспокоено спрашивал Василий Аполлинариевич жену, но, видя, что та понимает не больше его, лишь нахмурил брови, принявшись взад-вперед ходить по комнате.

Родители много раз перечитывали телеграмму, но, помимо даты приезда - 7 июля, больше ничего не сообщалось. На всякий случай отец сходил на телеграф (где был и телефонный узел), и попросил узнать знакомую телефонистку (дочка его приятеля), какие 7 июля приходят поезда из Санкт-Петербурга. Но через время та обескуражено сообщила, что 7-го вообще никакие поезда не приходят. Шестого - да. Или восьмого. А вот седьмого?..

Василий Аполлинариевич решил уж до конца разориться (телефонные переговоры для него были слишком дороги) и позвонить в Санкт-Петербург брату. Но по тому номеру, что у него был, ответили, что теперь здесь "такие" не живут... Мол, да, это была бывшая коммуналка. Но уже как полгода ее расселили. Все жильцы получили отдельные квартиры... А что здесь сейчас?.. Театр! - после небольшой паузы ответил засмеявшийся женский голос (коммуналку, где проживал

дядя Ани, расселил Мирровский, сделав из нее отдельную квартиру-студию, где и устраивал свои "шоу").

Удивлению Василия Аполлинариевича не было предела. Он в первый раз вынужден был признаться, что, вероятно, чего-то "недопонимает".

Но, как бы то ни было, делать было нечего. Оставалось просто сидеть дома и ждать. Ждать свою дочь. А уж у нее, - подумал Василий Аполлинариевич, он и найдет ответы на все вопросы.

Наконец-то наступило седьмое июля. Еще накануне, все для торжественного приезда дочери было готово. Стол планировали накрыть "всего" человек на сорок. Только ближайшие родственники и соседи. Да еще, правда, должны были прийти коллеги по работе. Все-таки Аня тоже когда-то работала с отцом.

Когда настенные часы пробили десять, перед домом Василия Аполлинариевича остановилось такси. Он выглянул, было, в окно - не каждый день даже мимо проезжали машины - и с удивлением заметил, что из такси вышла его дочь; а за ней... какой-то мужчина... По виду, одних лет с Василием Аполлинариевичем.

И, не успел он еще что-либо подумать, как в сенях послышались шаги, и на пороге появилась Аня; а вместе с ней... тот самый мужчина...

- Георгий Георгиевич, - представился тот опешившему отцу.

- Так вот что означает "не одна", - пронеслось в голове догадавшегося Василия Аполлинариевича.

- Ну, познакомьтесь же! - попросила Аня, взглянув на растерявшихся родителей (Елизавета Семеновна, не смея шевельнуться, стояла тут же)

- Это мой жених, - с ходу ошарашила родителей девушка. - Мы к вам на несколько дней. Познакомиться. А потом уезжаем на море.

- Ну, море у нас хорошее. Да и недалеко, - начала было мать, но тут же замолкла, поймав на себе недобрый взгляд мужа.

- Аня, - строго произнес Василий Аполлинариевич, не сводя глаз с Георгия Георгиевича, - выйдем на пару минут. Нам надо поговорить...

- Ты кого это, дочка, привезла? - спросил Василий Аполлинариевич, когда они вышли на улицу. - Что это за жених? Ты посмотри на него. Он же старше меня?!

- И вовсе не старше, - обиделась, было, Аня, - а даже на год младше.

- Да откуда он взялся? - не унимался Василий Аполлинариевич, - что это у вас, там, в Ленинграде творится (по старинке он называл Санкт-Петербург прежним именем). - Звоню Сашке (брату Василия Аполлинариевича), - говорят, что такой здесь не проживает. Собираемся на вокзал встречать тебя, - ты даже не сообщалась, каким приезжаешь поездом. Что происходит?

- Ну, мы просто прилетели с Георгием Георгиевичем на самолете, - попыталась оправдаться Аня. - А коммуналку, где жил дядя Саша, Георгий Георгиевич расселил. А дяде Саше купил отдельную квартиру. А еще он нанял ему домработницу. Помогать по хозяйству. Ведь ты даже не представляешь, как ему трудно одному. Надо и постирать, и в квартире убрать, и кушать приготовить.

- А ты на что? - оборвал ее Василий Аполлинариевич. - Ведь ты должна была у него жить, а заодно и помогать по хозяйству.

- Ну... я... я живу в другом месте, - потупив взор, покраснела девушка. - Георгий Георгиевич снял мне квартиру... А потом пообещал и купить, - воспрянула было духом от осознания своего будущего Аня.

- Да на какие же это шиши? - недоуменно воскликнул Василий Аполлинариевич. - Ведь, это сколько надо, чтобы снимать в Ленинграде жилье?! А купить?! - от одних подобных мыслей Василий Аполлинариевич сразу взмок. - Это откуда у него такие деньжищи?!

- Георгий Георгиевич занимается бизнесом, - спокойно ответила Аня. - Она только сейчас поняла, какая образовалась пропасть между ней и отцом. Неужели и она, всего год назад, была такой же?.. Ведь, они здесь совсем

отстали от жизни!.. В этой деревне... - впервые Аня назвала родной поселок словом, от которого раньше невероятно расстраивалась. Обижалась, когда слышала, что кто-то так говорил... И, вот, теперь, - сама была готова: произнести еще раз.

Действительно, стоило ей услышать всего несколько фраз от отца, и она поняла, что ее родители невероятно отстали от жизни. А что, если бы ее отец узнал, что у Георгия Георгиевича есть "Мерседес"?.. И не один?.. А вертолет? (недавнее приобретение Мировского)... У девушки самой готова была закружиться голова от осознания того, в каком "каменном веке" остались ее "предки" (в том, что ее мать была точно такая же, как отец, Аня не сомневалась). А, ведь, и ей, - была уготована такая же судьба!.. А как же Аленка?! - подумала Аня о своей младшей сестре. (Сестра - отдыхала в лагере, на море). Если она останется здесь, то вскоре так же, как отец, будет удивляться, что люди могут иметь престижные машины, покупать за многие тысячи долларов квартиры, свободно ездить за границу, да и вообще жить обычной человеческой жизнью. Жизнь, такой уровень комфорта которой на Западе считается нормой? И которой, уже живут многие в Санкт-Петербурге и Москве!..

Неизвестно, к чему бы еще пришла в своих размышлениях Аня (ибо Василий Аполлинариевич только молчал, насупившись и думая о том, как все изменилось за какой-то год), только дверь внезапно распахнулась, и Елизавета Семеновна весело поинтересовалась (у опешившего от всего происходящего мужа), долго ли он собирается держать дочь в сенях? Мучая ее ненужными расспросами?! Мол, и так понятно, что Анечка уже успела подрасти. И она не та девочка, которая держалась за мамину юбку, бегая по двору. Годы-то идут, Василий, - философски заметила Елизавета Семеновна.

Отец с дочерью почти одновременно обернулись, посмотрев на Елизавету Семеновну. Такой они ее никогда не видели!?

Первой заулыбалась, обо всем догадавшись, Аня. Она поняла, чьих это рук дело. Ведь Георгий Георгиевич способен был выкручиваться и не из таких ситуаций. А уж расположить человека к себе, он был непревзойденный мастер. Потому и обаять провинциальную женщину ему не составило никакого труда. Тем более, что ее мать так похожа на нее. Или она на мать?..

- Ладно, пойдемте в дом, - буркнул отец, проходя первым.

Вскоре, как и собирались, накрыли стол. Пришли гости. Были расспросы о столичной жизни (Питер, в провинции, считали такой же столицей, как и Москву), удивление ценами и тамошним уровнем жизни, коснулись даже степени свобод жителей города на Неве в сравнении, конечно же, с местными, затронули тему образования (вот, ежели бы у нас были такие университеты), не забыли об уровне сервиса (что говорить, у нас на самом деле - деревня), поговорили даже о культуре (да, может быть, если бы в нашем поселке была хоть часть тех денег, что у вас в Петербурге, может, и мы бы не только лаптем щи хлебали), в общем, казалось, поговорили, о чем только возможно. Вот только тему отношений Ани и Георгия Георгиевича не касались. Боялись. Все видели, как хмур был за столом Василий Аполлинариевич. Не гневил его. Да, может, еще все и образумится. В смысле, или Аня одумается. Или Георгий Георгиевич. Или Василий Аполлинариевич (мать Ани давно была согласна иметь такого зятя) изменится. А пока: ели, пили, пели, даже пробовали танцевать. Причем, Георгий Георгиевич на первый танец пригласил Елизавету Семеновну, чем еще больше покорила женщину.

А под конец веселья, казалось, уже и Василий Аполлинариевич заулыбался. Не век же сидеть сычом.

Несколько дней, отведенных "на завоевание расположения родителей", - закончились. Пора было собираться.

- Так куда вы теперь? В Сочи? - спросил Василий Аполлинариевич, чувствуя, видно, неловкость за не слишком

радушное гостеприимство, и, желая "подмаслить" прощание, навскидку назвал самый дорогой местный курорт.

- В Турцию, - проворковала было Аня, и осеклась, заметив, как отец сразу изменился в лице. - Мы... на несколько дней решили съездить за границу, - попробовала, было, сгладить неловкость девушка. Общаясь с Георгием Георгиевичем и привыкнув к его размаху - деньги у него никогда не заканчивались - она совсем как-то забыла, что для привыкших считать копейки ее родителей, роскошь, которой ее окружил Георгий Георгиевич, была сродни классовой ненависти. А потому Василий Аполлинариевич (а что бы было, если бы Аня перечислила все заграничные курорты, на которые они собирались поехать?) только еще больше погрустнел, и, встав из-за стола (было прощальное "чаепитие"), отвернулся, чтобы скрыть свое негодование.

Он так и не одобрил выбора дочери. И долго потом - когда Аня со своим избранником уехали - дулся на жену, не простив ей слишком доброго отношения к Георгию Георгиевичу.

Но об этом ни Аня, ни сам Георгий Георгиевич даже не подозревали. Да у них, просто-напросто, на то, - и не было времени. Все их дни на европейских курортах были расписаны буквально по минутам. А в каждую минуту вмещалась целая жизнь. Жизнь, полная радости, веселья, и того удовольствия, которое доставляли друг другу эти два человека. Причем, говоря об удовольствии, следует оговориться, что в их отношениях не было даже намека на секс. Опытный Мировский берег невинную девушку до свадьбы (вполне успевая удовлетворять свои, периодически возникающие на южном морском солнце желания на стороне. Благо, что путан на любом море было предостаточно). А наивная девушка хотела сохранить свое целомудрие до брака. - С Георгием Георгиевичем, разумеется.

Так они и отдыхали, сменяя города и гостиницы, пока не закончились запланированные на отдых пять недель, и не

подошла пора возвращаться домой. В смысле, в Питер. Ибо не только для Георгия Георгиевича, но и для Ани, - Петербург уже давно был родным домом. Домом, в который ей хотелось возвращаться.

ГЛАВА 17

Вернувшегося из отпуска Мировского застало врасплох одно событие, которое произошло в его отсутствие.

Перед самым отъездом Георгия Георгиевича на отдых, к нему обратилась жена Сапфинова. С необычной просьбой. Разрешить ей развестись с Бенедиктом Валерьяновичем. Чтобы снова выйти замуж.

Даже не собираясь выслушивать что-то подобное, и сразу об этом поставив в известность Елену, Георгий Георгиевич, тем не менее, полюбопытствовал, кто же ее избранник.

- Габриэль. Габриэль Санчес, - ответила смутившаяся женщина. Но, взглянув в ее глаза, Мировский увидел, что они полны такой любовной тоской, какая толкает их обладателя на любые сумасбродные поступки.

Однако, не придав этому никакого значения - да что она сможет? - Георгий Георгиевич еще раз отказал сразу поникшей женщине, а после и вовсе забыл о ее странной просьбе.

И вот теперь, когда, веселый и отдохнувший, Георгий Георгиевич вернулся из отпуска, он с удивлением узнал, что женщина пошла наперекор его воле, - и удрала со своим "латиносом" (а Габриэль был из Мексики) к нему на родину.

- Представляете! - распаленная рассказываемой новостью, Лора выразительно посмотрела на Мировского. - Сначала от нее не слышно было ни слова. Хотя обещала, как приедет, сразу позвонить. А потом - как прорвало. По несколько раз в день. И все одно и то же.

Оказалось, что этот самый латиноамериканец, предлагая Ленке выйти замуж, скрыл, что у него уже есть жена. И, когда Елена приехала в Мексику (ну, на пароходе, разумеется, этот Санчес, - ухмыльнулась Лора, - продолжал

клясться в "вечной любви"; не забывая - в ответ - "получать свое"), то увидела, что ее "возлюбленного" встречает толстенная женушка; а с ней - с десяток "санчонят". Детей этого самого Габри...э-ля, - пояснила Лора, слегка споткнувшись на испанском имени. - А дальше, началось самое интересное. Мексиканец, ни словом не обмолвившись супруге о своей пассии из России (уж не знаю, как ей удалось сойти с парохода, да не выразить своих чувств), снял для нее какую-то лачугу рядом с домом. Ну, и если поначалу еще навещал ее чуть ли не каждый день, то постепенно сократил свои визиты, сначала до нескольких раз в неделю, потом до раза, а после - и вовсе перестал приходить... Естественно, через время оплата за жилье закончилась, и Елену вышвырнули на улицу... Она, было, пришла к Габриэлю домой; да, то ли дом перепутала? То ли ей просто не открыли? Но, простояв целый день около забора, добилась того, что чуть не загремела в каталажку. Местные бабы, решив, что она "снимается", ну, в смысле, торгует своим телом, - уточнила Лора (хотя Мирковский и без нее понял, махнув рукой, чтобы продолжала), - сообщили в полицию. Скрывшись, было, от полицейских, Ленка попала на крючок к местным сутенерам; и те заперли ее в каком-то подобии дешевого публичного дома. И там уж... там уж ей пришлось "воочию убедиться", - не в силах сдерживать свою радость, улыбалась Лора, - "в любвеобильности" местных мужчин; которые чуть ли не пачками стали посещать новоприбывшую блондинку.

Не знаю, увидела бы я еще когда свою подругу, - театрально подытоживала рассказ Лора, - если бы тот самый Габриэль (видно, совесть все же замучила) не выкупил Лену у сутенеров. Правда, на том его добродетель исчерпалась (а, может, деньги просто закончились), но он только смог переправить Елену в соседние с Мексикой Соединенные Штаты. Откуда она и нашла возможность позвонить. Попросить денег на обратный билет.

Деньги мы ей, конечно, не выслали, - заметила Лора, имея в виду себя и Бенедикта Валерьяновича. - Но оплатили билет, который был заказан на ее имя в Нью-Йоркском аэропорту. Правда, неизвестно, как ей удалось добраться из

штата Алабама до Нью-Йорка?.. Да еще сохранить в целости свой загранпаспорт? (Контроль-то она должна была как-то проходить?). Причем, ей все же пришлось объясняться, как она попала в страну?..

Но, как бы то ни было, ей все удалось. О чем, радостная, - она нам и сообщила перед самым вылетом.

- А теперь, - Лора посмотрела на часы, - Елена уже в пути. И через пять часов - будет в городе...

- Как прилетит, приведи ее в порядок, и сразу ко мне, - распорядился Мировский. - Сама-то как? - заботливо посмотрел он на Лору.

- Да, теперь даже не знаю, как Вам об этом сказать... - замялась женщина.

- Что, тоже хочешь замуж? - понятиво улыбнулся Мировский.

Лора, закусив нижнюю губу, кивнула головой.

- За кого? - спросил, было, Мировский, но тут же догадался. - За Бенедикта Валерьяновича?

Женщина еще раз кивнула.

- Давай это отложим на завтра, - неожиданно предложил Георгий Георгиевич, внимательно посмотрев в глаза Лоре. - Дело-то потерпит? - настороженно (не очень-то он любил разного рода "сюрпризы") поинтересовался он.

Лора молчала, словно набрав в рот воды, и в ответ лишь снова кивнула.

- Ну, вот и славненько, - несказанно обрадовался этому простому факту Мировский, и встал из-за стола, собираясь проводить женщину до выхода из кабинета. Он только недавно приехал в офис, и у него еще были другие дела. Настоящие. По бизнесу.

Ведь, все-таки (как бы кому, быть может, это и не понравилось), - но и Лора, и Елена, да и сам Бенедикт Валерьянович (на котором он уже поставил крест как на работнике), - относились к той области его интересов, которая не приносила каких-либо серьезных материальных благ; только моральное (и в еще больше степени, - сексуальное) удовлетворение. И тратить на это все свое время - Мировский считал бессмысленным. Основным делом - был бизнес. Крупный. Тем более, что его империя все

время расширялась, открывались новые направления, осваивались малоконкурентные участки; все было нацелено на движение вперед. К новым - вершинам.

И размениваться на каких-то там Лен и Лор?.. С их женскими проблемами, тайнами да секретами (хотя секреты - он очень любил!) - Георгий Георгиевич был не намерен. Не тот уровень. Чтобы заниматься, - запутавшимися в своей любовенасытности, - ебливыми бабенками. А, уж если и приходилось заниматься, - то, разве что, лишь потому, что во все свои дела, он привык вникать сам. Не доверяя - никому.

А женщины... со своей любовью сами должны разобраться. Но с одним условием: ничего кардинально не менять! А, если не могут соблюдать установленные правила игры, - с ними следовало поступать соответствующе. То есть, достаточно сурово. Чтобы другим (впредь!) неповадно было.

Подумав об этом, и решив сегодня же разобраться подобным образом с прилетавшей из Нью-Йорка Еленой, Георгий Георгиевич тут же переключился на другие дела. Дела бизнеса.

Через сорок пять минут он собрал экстренное совещание. (Предварительно, секретарь обзвонила управляющих подразделениями Мировского). Георгий Георгиевич хотел из первых уст услышать ситуацию в каждом направлении его обширного бизнеса.

А уже на основании полученной информации - у него должно было сложиться общее представление о развитии бизнеса. Его бизнеса.

ГЛАВА 18

- Ну, как переговоры? - спросил Сапфиров, как только щелкнул открываемый замок, и на пороге появилась Лора. После того, как Мировский забрал у Бенедикта Валерьяновича квартиру - как и дачу, и машину - тот перебрался жить к ней. Мировскому пока было решено об этом не говорить. Лора надеялась, что ей удастся

договориться с Георгием Георгиевичем, и тогда им уже не надо будет ничего бояться. А пока, и она, - и особенно Бенедикт Валерьянович, - находились под страхом разоблачения. И сегодня Лора специально шла к Миrowsкому с целью не столько поведать о беспутной подруге, сколько за индальгенцией.

- Сказал, что завтра, - убитым голосом ответила Лора, в двух словах поведав о произошедшей беседе.

- Ну, завтра, так завтра, - поспешил успокоить подругу Бенедикт Валерьянович. - Мой руки и проходи на кухню. Я сейчас тебя буду кормить. - Живя у Лоры - ее дочке, которая сейчас была на каникулах в лагере, он, кстати, понравился, - Бенедикт Валерьянович совсем неожиданно нашел себя в новом качестве... повара.

Попробовав, было, как-то заменить у плиты Лору - исключительно для того, чтобы сделать ей сюрприз - он почувствовал, что магия блюд ему подвластна. Даже более чем. Лора, славившаяся изысканностью гурманки, не только оценила его кулинарный талант по достоинству, но и была приятно удивлена. Все блюда в исполнении Бенедикта Валерьяновича получались отменными.

- Даже не знаю? - задумчиво произнесла Лора, качая головой. - Мне почему-то кажется, что он не согласится.

- Ну, почему ты так думаешь? - попытался успокоить любимую женщину Бенедикт Валерьянович. - В крайнем случае, я сам могу с ним попробовать поговорить.

- Нет, только не ты, - спохватилась разволновавшаяся Лора. - Тогда уж точно он поставит крест на наших отношениях.

Повисла напряженная пауза. Никто не хотел говорить. Каждый думал о своем.

- Я завтра еще раз попробую, - нарушила молчание Лора. - Не может же быть, чтоб так все было плохо. Когда-то должен и на нашей улице быть праздник, - вымученно улыбнулась она. - А? Как ты считаешь? - искала женщина поддержку у Бенедикта Валерьяновича.

- Я тоже так думаю, - поддержал ее Сапфиров. - В крайнем случае, мы любим друг друга. И разве что-то нас сможет разлучить? Конечно же, нет, - ответил он сам на свой вопрос.

- Может, "что-то" и не сможет. А вот "кто-то"... - горестно "сфилософствовала" она.

- Давай лучше кушать, - попробовал переключить внимание женщины Бенедикт Валерьянович. Но он сам понимал, что ситуация у них безнадежная. Мировский просто так не меняет своих решений. И, если он решил, что Сапфиры должны жить "друг с другом", - значит, так и должно было быть. К тому же, уже завтра-послезавтра Мировский наверняка захочет устроить свой очередной порно-спектакль. И, вот, как он будет смотреть на то, что его возлюбленную имеют сразу несколько мужчин - об этом Бенедикт Валерьянович даже боялся думать. А то, что Мировский, зная, о его чувствах к Лоре, захочет в очередной раз поиграть на нервах, - в этом можно даже не сомневаться. Он достаточно изучил Мировского, чтобы понять, что это будет именно так.

- Если Мировский снова скажет, что надо ехать на квартиру (под квартирой Лора имела в виду то место, где Георгий Георгиевич устраивал сексуальные вечеринки) - я откажусь! - словно угадав мысли Бенедикта Валерьяновича, тихо размышляла вслух Лора. - Я этого больше не вынесу.

Несмотря на то, что Лора, вроде как сама напросилась; да и Сапфиры - как-то случайно для себя подметил, что его любимой женщине нравилось все, что было связано с сексом; - она вдруг как-то резко изменила свою точку зрения по поводу собственного участия в шоу Мировского; особенно это проявилось после того, как Мировский запретил ей увольняться с тренерской должности; а после, когда она все же уволилась - заставил восстановиться на работе; предупредив, что если еще раз повторится что-то подобное, - он сделает так, что о сексуальной озабоченности - именно так: сексуальной озабоченности - детского тренера Лоры Карловны Харнейкен узнает весь город. И, в первую очередь, это станет известно там, где она работает. После этого, - тебя не возьмут даже дворником на школьный двор, - резюмировал свое решение Мировский.

Но теперь женщина была настроена решительно. И это сразу почувствовал Сапфиры.

- Ну, подожди... перестань так категорично заявлять, - попытался успокоить Лору Бенедикт Валерьянович, но по нему самому было видно, что он не очень-то верит в перспективу разрешения создавшейся ситуации.

И женщина как будто успокоилась. После обеда, когда они решили прогуляться - она даже пыталась пошутить. По крайней мере, всем своим видом старалась показать, что, вроде как, все в порядке. К ужину они купили бутылочку вина. Настроение и вовсе улучшилось. Ночью... впрочем, ночью у них было все как всегда. То есть, по уже устоявшейся традиции, сначала долго, очень долго, занимались любовью - причем, Бенедикту Валерьяновичу на миг даже показалось, что так испуганно Лора ему еще никогда не отдавалась - а после, обнявшись, уснули сном уставших влюбленных.

Утром Сапфиров даже проспал, не услышав будильник, а потому, быстро собравшись - завтракать уже не стал - и, чмокнув на прощание полусонную просыпающуюся женщину, побежал на работу. Был понедельник. А в понедельник он проводил "планерку".

С работы он смог позвонить ей только в полдень. И очень обрадовался, найдя любимую женщину, как ему показалось, в веселом настроении. Потом еще звонил - уже через час - но телефон не отвечал.

- Должно быть, пошла к Мировскому, - подумал Сапфиров и больше уже не звонил. Он должен был сегодня освободиться пораньше. А, значит, вернувшись домой, и узнает все новости.

Но, получилось как в поговорке: "Человек предполагает, а Господь (хотя, как и Мировский, Сапфиров был неверующим) располагает". У Бенедикта Валерьяновича возникли какие-то очень срочные дела. После, - добавились неотложные. В общем, он смог освободиться только к десяти вечера. Целый час ушел на дорогу - ездил-то он теперь на общественном транспорте (Мировский, как и обещал, забрал машину). И, переступив порог Лориного дома уже в начале двенадцатого ночи, Бенедикт Валерьянович сразу почувствовал, что что-то неладно. Вбежав в ванную комнату,

---

- он сразу почему-то побежал именно туда - Бенедикт Валерьянович в ужасе отшатнулся. В окровавленной воде наполненной до краев ванны - лежало мертвое обнаженное тело женщины. Его любимой женщины Лоры. Рядом - на кафельной плитке пола валялось окрашенное кровью лезвие. Женщина вскрыла себе вены.

ГЛАВА 19

Прошло два дня. Лору похоронили. Милиция закрыла заведенное было дело - признав смерть ненасильственной. Самоубийство.

Мировский, чувствуя состояние Сапфинова, его не беспокоил. Дал ему неделю-две прийти в себя. А потом, мол, извини, надо нам поговорить. А заодно и поработать бы не помешало. Только Сапфинову неожиданно стало все равно. Он вообще перестал на что-нибудь реагировать или обращать внимание. Его словно окутала защитная пелена. Он как будто спрятался в раковину. Как улитка. Или скрылся под глубинными камнями. Как краб. Его разом, в одночасье, перестало все беспокоить. Он закрылся в себе. И никого не впускал в свой мир.

Грустно и тоскливо стало жить Сапфинову. Да и как ему было теперь жить?.. Нелепая судьба отобрала у него самое дорогое, что было на тот момент. Его любимую женщину. Давно ему не было так тяжело. Да и было ли еще когда так тяжело, как теперь?.. То, ради чего он жил последнее время, - было безвозвратно потеряно... То, к чему он всегда стремился - а ведь он обманывал себя, считая, что на первом месте у него была работа. Или карьера. Нет. На первом месте в его жизни всегда стояла любовь. И, когда он понял, что любовь к первой его женщине, ставшей потом супругой, исчезла, он подспудно искал себе ту, которая должна была вернуть в нем забытое чувство. И нашел ее в лице новой

любимой женщины. Лоры. И вот, теперь, Лора была мертва. Навсегда она ушла на него. А, раз так, - зачем было жить и ему?.. Могло ли что-то еще заменить в этой жизни его любимую женщину? Нет. Ничего не могло. Надо ли было и дальше куда-то бежать, к чему-то стремиться, чего-то желать? Надо ли было и дальше жить, оставаясь в этом проклятом мире? Нет. Пожалуй, не надо. Так почему же он еще продолжает жить? Почему он терпит эту боль, которая заполняет его всего без остатка? Почему он не идет на встречу к той, которая была ему дороже жизни? Почему, когда мы теряем любимого человека, только тогда понимаем, как же он нам был дорог?! Почему это происходит так поздно?! Почему это вообще происходит?!..

Бенедикт Валерьянович искал - и не находил ответа. Страдал, - и не получал успокоения своим страданиям... Да и могло ли быть как-то иначе?.. Могло ли теперь что-то измениться в его судьбе?..

А желал ли он этих изменений!? Нужно ли было вообще что-то менять?! Нужно. Еще как нужно, - Сапфиров в один миг решил нарушить свое "затворничество" (все это время он находился в квартире Лоры. В квартире - где она погибла).

Он принял душ. Побрился. Надел свой лучший костюм. Повязал поверх белоснежной сорочки самый лучший галстук. Зашнуровал самые лучшие туфли. И поехал к Миrowsкому (тот неожиданно вернул ему обратно джип). Бенедикту Валерьяновичу надо было о многом поговорить с Георгием Георгиевичем. О многом, - если не обо всем.

Георгий Георгиевич встретил Сапфирову удивительно любезно. Он и сам понимал, что, пожалуй, "перегнул палку". Ведь, не положи он на стол директора стадиона порнографические кассеты (и сделанные, - для убедительности, - с них фотографии), ведь, не показав подобное - через своих подставных людей - всем работникам стадиона (от тренеров до вахтеров, от рабочих до дворников), не ознакомь (с содержанием фотографий) родителей - так, что стоило только Лоре появиться на стадионе, все стали показывать на нее пальцем, и

презрительно усмехаться (а кто-то даже и предложив - показав молодой женщине фотографию, Мирковский позаботился, чтобы они были у всех желающих - позабавиться с ней, мол, все равно, такой проститутке, как она, нечего терять) - может, и была бы жива Лора?.. Но она и сама виновата. Зачем было врывать к нему в кабинет - якобы устала ждать в приемной - и, обвиняя Мирковского во всех смертных грехах, просить оставить их с Бенедиктом Валерьяновичем в покое? Мало ли, кто с ней там пошутил на лестнице, что она, мол, так "затрахала" чужого мужа, что тот ушел от жены (и кто с ней так, интересно?) И почему она решила, что именно он, Георгий Георгиевич Мирковский - виновник всех ее бед?.. Ну, позвонила по телефону, ну, объяснила свою с Сапфировым ситуацию, ну, попросила разрешения не участвовать больше в моих шоу, ну, получила отказ - а как было иначе? На нее же уже пришло несколько заказов из-за границы. И ведь, и немцам, и финнам, и чехам - понравилась именно она. Ей удалось даже затмить "славу" Елены - жены Сапфирова. Опытные сластолюбцы оценили, что, занимаясь любовью сразу с несколькими мужчинами одновременно, Лора успевала получить оргазм от каждого. Независимо, в какую часть тела тот входил. Да и редко встречается женщина, которая кончает даже оттого, что держит мужской член в руках... А она вот так вот...

И что было теперь делать?.. Потерять такую исполнительницу...

А тут еще этот Сапфиров... И что он это торчит в приемной?.. Неужели уже оправился после смерти?.. Да, впрочем, этот нытик никогда и не был способен на настоящее чувство... Да и вообще! Любой бы (на его месте) должен бы был хотя бы попытаться: набить мне морду! А этот... Наверное, будет просить очередных каких-нибудь поблажек?.. Ну, или еще чего-то в этом роде...

Георгий Георгиевич нажал селекторную связь, распорядившись секретарше пропустить Сапфирова.

- Мои сожаления, Бенедикт Валерьянович, - сделал сочувственное лицо, пожал двумя руками руку вошедшего Сапфирова Мирковский. - Что творится в этом мире. Таких

людей теряем. - Мирковский подошел к своему рабочему столу. Вот, я тут сделал приказ о твоём назначении Генеральным директором одного из моих заводов. Это, помимо твоего директорствования в НИИ. К тому же... - обернувшийся к Сапфирову Мирковский застыл на месте, держа перед собой приказ, напечатанный на белом листе. Grimаса страха - первый раз Сапфиров увидел страх Георгия Георгиевича - исказила до неузнаваемости его лицо. - Ты... ты... - не в силах был ничего сказать Мирковский. Он только, не мигая, смотрел на дуло пистолета в руках Бенедикта Валерьяновича, - Подожди...

Сапфиров нажал на спусковой крючок. Выпущенные одна за другой три пули - угодили точно в цель. На белоснежном летнем костюме Георгия Георгиевича стали расплываться три пулевых отверстия.

Бенедикт Валерьянович бросил пистолет, и, повернувшись, вышел из кабинета. По пути он взял со стола ключи от "Мерседеса" Мирковского. Водитель того был в отпуске. А новый - должен был забрать эти самые ключи - у секретарши...

"Мерседес" летел по улицам, не обращая внимания на светофоры, дорожные знаки, свист регулировщика. Он должен был во что бы то ни стало убраться из этого проклятого города. А там, - хоть быльем порасти.

Впереди виднелся железнодорожный переезд. Шлагбаум уже опустился. А поэтому колонна машин покорно дожидалась своей очереди. Поезд был уже близко, о чем и свидетельствовал длинными предупреждающими гудками.

"Мерседес" не стал дожидаться своей очереди и, не снижая скорости, пронесся около стоявших машин. До переезда оставалось несколько метров. Тепловоз - тоже несшийся на полном ходу - был уже рядом. Колеса "Мерседеса", поравнявшись с железнодорожным полотном - остановились.

Техника была отменная. Все-таки, спецзаказ. Поэтому послушная машина тотчас же замерла на месте.

Тепловоз слишком поздно выхватил стоявший поперек движению "Мерседес" (машинист не успел даже включить торможение), и смел его на полной скорости. Изжеванная машина еще с десятков метров кувыркалась, протараненная тепловозом, по рельсам, пока не оказалась сброшена в кювет и взорвалась.

Все было закончено.

P.S.

После того как Сапфиров вышел из кабинета, - Георгий Георгиевич Мирровский жил еще ровно две минуты. За это время он только успел набрать номер мобильного телефона Ани, и, теряя силы - но, стараясь, чтобы его любимая ни о чем не догадалась, в последний раз уверил девушку, что, - что бы с ним не случилось, - она должна знать одно: его чувства к ней были искренними... И он любил - только ее...

2003 год

Сергей Алексеевич Зелинский

© С.А.Зелинский. Слуга олигарха.